

ДЕМОНЫ МРАКА

КАТЕРИНА
КАЛЮЖНАЯ

Сайны

тёмной цитадели

ФЭНТЕЗИ

Бестселлер (Союз писателей)

Катерина Калюжная

Тайны тёмной цитадели

«Издательство «Союз писателей»

2019

УДК 82-31
ББК 84 (2 Рос=Рус)

Калюжная К.

Тайны тёмной цитадели / К. Калюжная — «Издательство «Союз писателей», 2019 — (Бестселлер (Союз писателей))

ISBN 978-5-00143-140-4

Несколько лет назад Алина Львова сделала свой выбор. Она покинула мир людей, приняла магический знак и стала воителем на службе светлой колдуньи Линды. Тогда она хотела отомстить за смерть возлюбленного, не понимая, насколько опасна жизнь на теневой стороне. Это изматывающие тренировки, ночи без сна, нескончаемая война между темными и светлыми, строгий кодекс правил, жестокие потери... и вечность, которая длится один миг. Казалось, Алина видела уже все, но испытания, которые ее ждут, способны проверить на прочность силу ее чувств, убеждений, ее волю. Самый опасный темный маг в истории – Сантьяго Испанский Дьявол – бросил вызов Линде. Вот-вот разразится война, в которой светлым не выстоять. Пока Алина пытается смириться с гибелью мужа и понять, какие отношения связывают ее с первым возлюбленным, внезапно появившимся в ее жизни, мир разваливается на части. Остается надеяться, что в темной цитадели скрыто немало тайн, которые Линда и ее воители смогут использовать, чтобы получить шанс уцелеть в жестокой схватке.

УДК 82-31
ББК 84 (2 Рос=Рус)

ISBN 978-5-00143-140-4

© Калюжная К., 2019

© «Издательство «Союз
писателей», 2019

Содержание

Тайны темной цитадели. Том 1	7
Часть 1	7
Часть 2	27
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Катерина Калюжная

Тайны темной цитадели

Серия «Бестселлер»
Серия основана в 2018 году

© Калюжная К., текст, 2019
© Издательство «Союз писателей», оформление, 2019
© ИИ Суховейко Д. А., издание, 2019

Тайны темной цитадели. Том 1

Часть 1

Линда

Сентябрь 2008 года

Вечер сгустил краски и накинул на мир тени. Они расползались из дальних, неосвещенных углов комнаты и ложились на темные предметы, придавая им таинственность. Через открытое окно врвался свежий, благоухающий ароматами цветущего сада воздух. Под потолком парил небольшой шар, распространяющий вокруг себя приятное желтоватое свечение.

Линда Солнечный Свет сидела за письменным столом, заваленным исписанными листами формата А4, свитками пергамента, огромными фолиантами, содержащими в себе бесценные знания, накопленные тысячелетиями магической практики. На экране включенного компьютера горела табличка «Вам письмо». Девушка, не взглянув на содержимое сообщения, поставила в левом углу «галочку» «удалить». Даже волшебники не застрахованы от бесконечного спама, рассылаемого наглыми человеческими фирмами и содержащего глупую, далекую от истины рекламу.

Оглядев быстрым взглядом царивший вокруг беспорядок, Линда безнадежно махнула рукой в пустоту и откинулась на спинку высокого кресла, на две головы возвышающуюся над ее хрупкой фигурой. Взгляд выхватил блестящий кусочек круглого предмета, выглядывавший из-под наваленных стопками бумаг. Лениво потянувшись, волшебница извлекла заинтересовавший ее предмет и тут же отбросила прочь, словно прикоснувшись к ядовитой змее.

Зеркало! Наверняка его забыла Вероника, готовая каждую минуту любоваться собственной умопомрачительной красотой. Ночная Нимфа приезжала в ее замок несколько часов назад, к сожалению, не с самыми приятными новостями и оставила о себе память.

Линда подобрала зеркальце двумя пальцами и брезгливо выбросила в мусорную корзину. Она ненавидела зеркала. Год за годом, век за веком они показывали ей одно и то же лицо тринадцатилетнего подростка. Лицо, которое вызывало у нее лишь отвращение, ибо только его она винила в своей неудавшейся личной жизни. Всей ее силы, всей доступной ей магии не хватило, чтобы состарить его хотя бы на день. Благодаря многочисленным экспериментам над собственной внешностью она добилась только того, что некогда русые волосы превратились в снежно-белые, а светло-карие глаза приобрели почти черный оттенок. Эти метаморфозы придавали колдунье таинственности, но, увы, не делали старше.

Взмахом руки Линда задернула шторы, погружая и без того темную комнату в полумрак. Ей не хотелось, чтобы резвящиеся во дворе дети воителей, полюбившие в последнее время лазить на карниз по ту сторону окна ее кабинета, видели госпожу, предающуюся печали и самобичеванию.

Магию Солнечный Свет тоже недолюбливала, хоть и нашла в себе силы принять этот сомнительный дар. Именно с появлением необыкновенных способностей прекратилось неизбежное для каждого смертного взросление, они поставили обычную деревенскую девчонку на голову выше остальных, заставляя других преклоняться перед ней или ненавидеть, но эти же способности мешали найти по-настоящему близких друзей.

Впрочем, нет. Ее воины любили свою волшебницу искренне и готовы были пойти за ней в огонь и в воду, не задавая вопросов, расстаться с жизнью, стоило только пожелать. Линда отвечала им взаимностью, помня каждого в лицо и по имени. Любая неизбежная потеря заставляла

бессмертное сердце сжиматься от боли, только, к сожалению, изменить волшебница ничего не могла.

К тому же с ней был ее первый друг. Друг, с которым они вместе прошли этот долгий путь. Он был рядом еще в те далекие времена, когда маленькая Лида – дочь спившегося деревенского кузнеца – босиком бегала по окрестным лугам, гоняя птиц и ловя пупырчатых, скользких лягушек. Те дни давно остались в прошлом и почти забылись, а он по-прежнему каждую неделю приходил к ней с докладом, рассказывал об успехах подчиненной ему группы, отдавал артефакты, добытые в неприступных замках Темных, шутил, выпивал по старой памяти крепкой медовухи за процветание великой волшебницы. И уходил... Домой, туда, где его ждала жена. А Линде, самой сильной светлой волшебнице современности, запертой, словно в темницу, в тело подростка, оставалось только лить слезы, утешаясь изобретением очередных каверз, повергающих врагов в трепет и разрушающих их планы, да наставлять на путь истинный не слишком-то стремящихся к этому людей.

Безусловно, она могла завести любовника, и не одного. Многие молодые воители почтут за честь разделить с госпожой ложе, причем вовсе не потому, что это даст им какие-либо привилегии, а потому, что восхищаются ею, жаждут угодить да и просто считают вполне привлекательной. Все колдуньи, как светлые, так и темные, выбирали себе друга сердца из своих слуг, лишь немногие завязывали отношения с кем-то из волшебной братии. Но Линде было мало красивых слов, страстных ласк да вечеров, полных любовного шепота.

Превратившись из маленькой простушки Лиды в грозную Линду Солнечный Свет, она так и осталась романтиком, мечтающим о настоящей любви, такой, о которой пишут книги, снимают фильмы, слагают легенды. Любви, которая, выпав на чью-нибудь счастливую долю, входит в историю. Поэтому Линда оставалась одна, храня никому не нужную невинность, а тот единственный, кому она готова была подарить всю себя без остатка, об этом так никогда и не узнает.

О нем она мечтала с тех пор, как себя помнит. Еще сидя на руках у брата Макара, вскоре без вести пропавшего, она любовалась статной осанкой, горящими огнем карими глазами, сильными мускулистыми руками, прямой линией рта его лучшего друга. Уже тогда маленькая Лида мечтала, как он поведет ее к алтарю рубленой деревенской церкви, и отец Михаил, старый мужчина с постоянно трясущимися руками и хриплым голосом, произнесет священные слова, навеки отдающие ее любимому.

Когда он женился в первый раз, Лида долго рыдала в подушку. Толстенная, круглолицая, рыжая Марфуша, добрая и до невозможности глупая, не подходила умному, проницательному и божественно красивому сыну трактирщика. Однако отчаиваться было рано. Лида совсем молода для замужества, а многочисленные роды нередко оставляли безутешных вдовцов, готовых повторно связать себя узами брака. Девочка приходила в ужас от собственных мыслей, молилась, постилась, но не могла избавиться от святотатственных желаний. Проходя мимо улыбающейся Марфы, она испытывала острое чувство стыда, смешанное со жгучей ненавистью.

Шли годы. Рожать детей жена ее милого не собиралась, хвори, уносившие жизни односельчан, обходили счастливцу стороной, а он с каждым днем все сильнее и сильнее любил свою толстушку. Ни разу он не был замечен засидевшимся с друзьями за полночь, ни разу не лазил в избы к вдовым бабам, готовым в любое время принять и обласкать интересного мужчину. Каждый вечер, если позволяла погода, он, держась за руку с Марфой, уходил в лес к небольшому озеру, где супруги наслаждались природой и обществом друг друга. Если же на дворе стояла зима или лил осенний дождь, они оставались в добротной, поставленной из бревен и глины хате, топили печку, жарили пироги, и дом оглашал веселый смех жены в ответ на забавные шутки мужа.

Времени для Лиды у друга Макара не осталось. Он весело трепал ее по щеке, когда случайно встречал на центральной (и единственной) улице, не замечая, что она уже не ребенок. Помогал организовывать встречи с любимым братом, несносная жена которого мешала видиться с сестрой, мучаясь от ревности и собственного дурного характера. И все время шутил, что пора бы ей начать смотреть на ребят, вон их сколько развелось, хороших, домовитых, только и дел-то, что по сторонам оглянуться. Лида скромно опускала глаза, выдавая боль за смущение. И он ничего не замечал, продолжая упиваться семейным счастьем.

А потом Макар исчез, оставив любимую сестру на произвол судьбы да на милость младших непутевых братьев. Первые несколько дней, полные горя и беспробудного одиночества, ничего особенного не происходило. Лида заперлась в своей комнате под самой крышей отцовского дома, отказывалась от еды, не спала ночами, не пускала к себе надоедливых снох, то и дело лезущих с бесполезной помощью, а в особенности Аглаю, благоверную Макара, невесть с чего решившую, что она знает, куда тот подевался.

Раза четыре приходил он, но Лида, уже ставшая вполне взрослой девушке (в те времена тринадцать лет был возраст достаточно солидный) не хотела, чтобы любимый видел ее опухшие от слез глаза, и, перебросившись с ним парой фраз через запертую дверь, так ни разу и не открыла.

Когда она наконец вышла из дома, ее ждал второй сокрушительный удар. Марфа, которая несколько лет не могла зачать, вскорости должна была разрешиться от бремени. Когда эта новость достигла Лидиных ушей, в соседском доме рухнула крыша, а колодец неизвестно почему завалило, да так, что его уже никогда не откапали. До мелких деревенских проблем убитой горем Лиде не было никакого дела. Она убежала в лес, к озеру, полюбившемуся ее ненаглядному и его жене, и там, круша все вокруг, уступила первому в своей жизни приступу ярости.

Лида ломала ветки, до которых могла дотянуться, в отчаянии топтала хрупкие цветы, швыряла в воду дикие валуны, которые по всем законам природы просто физически не могла поднять. Так продолжалось около получаса. В конце концов, выбившись из сил, она бросила тяжелый взгляд на другой берег, и, повинувшись невидимой воле, неглубокое озерцо стало вдруг полноводным, вышло из берегов, подтопив соседнее село.

Вот тогда девушка по-настоящему испугалась. Где это видано, чтобы разлив случался от одного взгляда истеричной девки? Только ведьмы, о которых ей в детстве одна старуха, прежде жившая в большом городе, рассказывала, могли сотворить такое. А ведьмы, всем известно, — дьявольские отродья, и место им на костре, в самом центре жаркого очищающего пламени.

Лида побежала в деревню, стараясь отогнать глупые мысли. Мало ли отчего озеро могло из берегов выйти? Это у нее нервы расшалились, вот и мерещится невесть что. Придя к такому утешительному выводу, девушка снова углубилась в свои грустные размышления и огородами пошла домой, не желая видеть никого из соседей. Как назло, на опушке ей повстречалась Марфа, уже немного округлившаяся и чрезвычайно довольная собой и жизнью в целом.

— Лида, Лида, — позвала ее рыжая. — Дела-то как? В себя пришла али еще тужишь?

— Нормально, — буркнула Лида и, не глядя на счастливую соперницу, припустила к кузне.

Метнувшаяся через двор свинья соседки тети Маши угодила прямоиком Лиде под ноги, сбив ее и окунув в зловонную грязную лужу.

— Да чтоб ты сдохла, нечисть окаянная! — выругалась дочь кузнеца, кинув в рыло зверю клочок вырванной с корнем травы. Свинья тоскливо взвизгнула и упала, перевернувшись на бок, да так и осталась лежать бездыханной. От ужаса Лида еще минут десять просидела в вязкой жиже, тупо пялясь на внезапно почившую животину, а потом бросилась со всех ног, да не домой, а обратно в лес.

Там она бродила до поздней ночи. Когда темнота сгустилась так, что в тусклом свете зарождающейся луны не стало видно даже собственных рук, девушка остановилась как вко-

панная, только сейчас сообразив, что заблудилась, и не имеет ни малейшего представления, куда идти.

Покрутившись на месте и окончательно убедившись, что выбраться до рассвета ей не удастся, Лида присела на бугорок, поросший высокой травой и полевыми цветами. Бояться по-настоящему сил уже не было. Уход брата, беременность жены любимого да чертовщина, творящаяся с ней самой, довели несчастную до изнеможения. Она легла на холодную землю и, закрыв глаза, постаралась уснуть, скорее желая, чтобы ее съели волки, чем боясь этого.

Вой раздался над самым ухом, от неожиданности задремавшая девушка вздрогнула, и с громким криком отскочила в сторону. Прыжок более чем удался. Сама не понимая как, в один миг она очутилась на ветке высокой дикой яблони. Серая морда зверюги скалилась в нескольких сантиметрах от ее босой ноги, свесившейся с сука.

– Пшла прочь, пшла! – заорала Лида не своим голосом. Естественно, волк остался стоять там, где стоял, глядя на загнанную на дерево жертву желтыми голодными глазами.

– У-у-у, скотина! – крикнула несговорчивая «еда» и запустила зеленым маленьким яблочком прямо в лоб серой твари. На излете безобидный плод внезапно превратился в острый отточенный клинок, который легко, словно в топленое масло, вошел в череп незадавшегося убийцы.

Больше доказательств ей не было нужно. Лида уверилась окончательно: в нее вселился дьявол, и пощады ей ждать неоткуда.

В деревню она вернулась с петухами. Неведомо как возникший прямо на ладони огонь осветил путь через темный лес на расстоянии нескольких верст. Она понимала: пользоваться колдовством – грех, но оставаться на неприветливой, кишачей волками опушке было невозможно.

Завидев сестру, возвращающуюся на рассвете, Аким, второй по старшинству в их многочисленном семействе, пришел в ярость. Вспышки гнева для любившего выпить брата были делом обычным. Но сегодня, вообразив себе всякую похабщину, он разве что не сыпал молниями, падающими на голову провинившейся прямо с потолка.

Пообещав «непутевой девке» неделю на хлебе и воде, он успокоился и с громким храпом уснул, уронив голову прямо на грубо сколоченный стол. Его жена, уже проснувшаяся и нацепившая засаленный, несколько месяцев не стираный передник, тут же выплеснула в лицо забуддыге полведра колодезной воды и громким визгливым голосом начала отчитывать за непристойное поведение.

Лиде и так хватало неприятных впечатлений, чтобы еще выслушивать отборную брань снохи, подхваченную у проезжих извозчиков. Она снова поднялась в комнату да там и закрылась, решив как можно реже показываться людям на глаза.

До конца лета испуганная девочка пряталась от посторонних и старалась поменьше думать, так как все ее мысли и желания мгновенно становились реальностью. Например, когда шумные куры у соседа справа разбудили ее своим кудактаньем, Лида пожелала сгоряча, чтобы все они передохли. Не прошло и десяти минут, как неведомая болезнь скосила птиц. А после того как противная бабка, живущая на краю деревни, обозвала неприличным словом дочь кузнеца, у женщины перестала доиться корова. Аким свалился с лестницы, просто оттого, что, задумавшись, Лида пристально глядела на ступени, и они взяли да прогнили за считанные секунды.

Однажды, когда она увидела любимого, идущего в обнимку с растолстевшей, отекающей женой, из ее глаз брызнули слезы, и тут же прямо с ясного неба хлынул ливень. «Грибной дождь!» – обрадовались бабы, готовя лукошки.

Осень в том году началась рано. В начале сентября зарядили дожди, сгоняя работников с неубранных полей, губя пшеницу, подмывая хаты.

Лида вместе со всеми работала в огороде, собирала не слишком богатый урожай с изъеденных жуками грядок. Цветы, в отсутствие ее постоянной заботы, вообще зачахли. Женам братьев было не до полива бесполезных красивых растений.

Однажды, после ежедневной порции труда вперемишку с бабскими сплетнями, собранными снохами по всей деревне и битый час обсуждавшимися с видом величайшего оживления, уставшая девушка побрела в лес, к пресловутому озеру. Сегодня она узнала, что до рождения дитяти ее избранника осталось всего несколько недель. Проклиная про себя судьбу, богохульствуя почем зря и рыдая, она присела напротив огромного булыжника, величиной в человеческий рост. Откуда взялась такая красота, никто не знал, но ее как достопримечательность показывали проезжим воинам девки, не отличавшиеся чрезмерной порядочностью.

Целый час Лида изучала вмятины на камне, разглядывала мелких паучков, облюбовавших невероятных размеров дом, и лила слезы на увядшую, сырую от утреннего дождя траву. В себя ее привел громкий треск, сотрясший, казалось всю округу. Огромный булыжник легко сорвался с места и повис в воздухе, словно чья-то сильная рука выволила его из земли, подняла на несколько метров выше головы. Вокруг кружились вырванные с корнем травинки и комья грязи, подхваченные в воздух. Возмущенные жуки с громким жужжанием разлетались в разные стороны.

С ужасом наблюдая за взбесившимся камнем, Лида не заметила, что находится у озера не одна. С видом крайнего изумления и выражением суеверного страха на бледном лице в паре шагах от нее застыл тот, кого она меньше всего хотела видеть в такой момент. Лучший друг Макара, ее любимый мужчина.

– Лида... – прошептал он, не в силах ни убежать, ни смотреть на творящееся бесовское непотребство.

– Стас, – тоненько пропищала девушка. Камень, поднявшийся, казалось, в самое небо, вздрогнул, несколько раз перевернулся и, подняв тучу брызг, ухнул в середину озера. – Стас, это не то, что ты думаешь.

– Господи, да что такое ты творишь? – недоумевал он, переводя взгляд с кругов, бегущих по ровной поверхности водоема, на девочку и истово крестясь.

– Стас, выслушай меня, пожалуйста, – Лида всхлипывала, размазывая грязными руками слезы. – Я, правда, не знаю, что со мной происходит. Только не беги к отцу Михаилу, он сожжет меня на костре. Я так боюсь... Ох, Стас!..

При последних словах слезы уже градом катились из карих глаз. Сложив на коленях руки, Лида уткнулась в них носом и, громко всхлипнув, замолчала. Она знала: он ей не верит.

Когда теплая, шершавая рука приобняла ее за плечи, она вздрогнула.

– Что происходит? – уже спокойнее спросил он, присаживаясь рядом.

– Не знаю, – затараторила дочь кузнеца, – это началось почти сразу... после того, как уехал Макар (О том, что в довершение она узнала о беременности его жены, Лида предпочла умолчать.) Странные вещи...

И Лида выложила ему все, молясь, чтобы он поверил.

В тот день узнать мнение любимого ей было не суждено. Едва закончив рассказ, она услышала торопливые шаги. Кто-то ломился напрямую через кусты, пренебрегая протоптанной селянами дорожкой.

– Стас, Стас! – кричал знакомый голос Миколы, его старшего брата. – Марфа рожает! А где камень? – Парень с самым тупым выражением лица уставился на место, где еще совсем недавно высилась громада неизвестного происхождения, а теперь лишь зияла развороченная дыра. Ответа он так и не получил.

Забыв обо всем на свете, Стас вскочил с места, походя потрепал Лиду по волосам и бросился к деревне. Брат устремился за ним.

– Ненавижу! Ненавижу! Ненавижу ее! – в сердцах прокричала Лида, едва их шаги затихли вдали.

Впоследствии она очень винила себя за слова, сорвавшиеся сгоряча. Даже спустя много лет она так и не разобралась до конца, повлияли ли они на исход родов Марфы, или та умерла сама, без всякого колдовского воздействия.

В любом случае спустя сутки, когда стало известно, что и роженица, и ее так и не появившийся на свет ребенок покинули этот мир, а Стас впервые за всю свою жизнь заперся, закрывшись в опустевшем доме, Лида не могла найти себе места. Она металась по деревне, пугая своим видом даже ко всем привычных ворон. Собаки разбегались врассыпную, едва завидев безумную, растрепанную девушку. Однажды вечером ноги сами принесли ее к озеру. Плавать она не была обучена, да и холод стоял знатный, но ее уже не могли остановить такие мелочи. Не раздеваясь, Лида шагнула в ледяную воду. На секунду перехватило дыхание, но, быстро справившись с ним, она продолжила движение. «Для того, кто вознамерился свести счеты с жизнью, насморк не проблема», – решила девушка, заходя все глубже и глубже. Вот уже вода коснулась подбородка, дошла до носа, закрыла глаза. Воздух в грудь она не набирала, посчитав, что так все закончится быстрее. Но едва удушье начало подступать, как легкие сами наполнились кислородом. Вдох, еще один и еще... Смерть отказывалась забирать отчаянную грешницу, опорочившую себя колдовством. Промучившись минут сорок и порядком замерзнув, Лида побрела обратно к берегу.

На небольшом камешке у самой воды сидела незнакомая богато одетая женщина. Ее светлые волосы были убраны в сложную прическу. Дорожный костюм украшали драгоценные камни. Рядом паслась лошадь под стать госпоже, идеально белая и чистая, словно на дворе стоял сухой июль и ее только что вычистил заботливый конюх.

Поманив Лиду тонкой, униженной дорогими перстнями рукой, женщина с самым скучающим видом сорвала засохшую травинку и принялась крутить ее в нежных пальцах.

– Садись, девочка, – приказала она, указывая на возникшую из воздуха скамейку. Один взмах руки – и вся одежда Лиды высохла, даже волосы стали приятно сухими и теплыми. Испугавшись, что это новое колдовство ее рук дела и прекрасная незнакомка сейчас поспешит к священнику, девушка метнулась в кусты, готовясь бежать до тех пор, пока не упадет замертво. Но женщина оказалась проворнее, в мгновение ока она очутилась перед незадачливой беглянкой.

Воспользовавшись ее замешательством, незнакомка присела и, схватив сопротивляющуюся Лиду за руку, потянула на себя. После короткой борьбы девушка оказалась рядом с красавицей, вдыхая запах духов, пахнувших сиренью.

– Не бойся, к инквизиторам я не побегу, – улыбнулась блондинка.

– К кому? – не поняла Лида. – Инквизиторы – это еще что за напасть?

– К отцам церкви, к священникам, называй, как хочешь. Меня зовут Ромильда, – представилась незнакомка.

– Лида, – все еще испуганно ответила девочка, не понимая, чего от нее хочет барыня со странным именем, какого на Руси отродясь не водилось. Впрочем, ей-то почему знать, – может, у господ Ромильдой каждую вторую кличут.

– Очень приятно, – улыбнулась Ромильда. – Ты маг, девочка, – без оговорок заявила она.

– Кто? Кто?

– Ведьма, если так тебе более понятно, или колдунья – как больше нравится. Ты можешь творить волшебство.

– Боже мой! Боже мой! – запричитала Лида. – Они меня сожгут, сожгут!

– Никто тебя не сожжет, ты вообще не горишь, – усмехнулась Ромильда и, щелкнув пальцами, напустила на растерянную селянку настоящий огненный вихрь. Лида кричала, пока не

охрипла, и лишь тогда заметила, что вся одежда на ней сгорела, а ей хоть бы что, ни одного ожога. Ромильда еще раз щелкнула пальцами, и пламя унялось, а вместо старого платья, доставшегося Лиде в наследство от жены Акима, появилась новая, значительно более добротная и богатая.

– Ну что, теперь будешь меня слушать?

Лида растерянно кивнула.

Ромильда долго вещала что-то непонятное. Она говорила о бессмертии, которым Лида теперь якобы обладает, о тьме и свете, о страшных магических войнах, о каких-то потоках, которые надо пропускать через себя и сплетать в сложные связки заклинаний, о грани, куда однажды уходят такие, как они, и об изнанке мира – не о рае и аде, а о чем-то другом, откуда опытный маг может черпать силу. Лида ничего не поняла, но слушала, открыв рот. Через пару часов Ромильда рассмеялась и, потрепав ее по щеке, сказала:

– Это все ты запомнишь, не переживай. Я всему тебя научу.

Лида не сразу поняла, что они идут к ее дому. Ромильда вежливо раскланялась с братьями девочки и их женами, поиграла с многочисленными детишками и, представившись родной сестрой матери, вышедшей замуж за купца и уехавшей жить в Москву, осталась у них погостить. Отец семейства жену свою привез из единственной в жизни поездки в город, поэтому никто особенно не удивился свалившейся на их головы родственнице. А подвыпивший Аким так вообще утверждал, будто видел тетю Раю (так представилась Ромильда), когда был еще совсем-совсем маленьким. От одного взгляда «тети Раи» словоохотливости в парне поубавилось, в глазах появилась осмысленность, и, насколько помнила Лида, с этого дня спиртного в рот он больше не брал до самого смертного часа, а умер Аким человеком в годах, всеми уважаемым деревенским старостой.

Научившись контролировать силу под неусыпным руководством «родственницы», Лида почувствовала себя лучше. Теперь она могла не бояться, что за ней придут священники и потащат на костер, а даже если придут и потащат, пламя вреда ей никакого не причинит.

К концу зимы она уже сносно управляла потоками и прекрасно знала историю волшебного мира, а еще втайне от братьев научилась читать и писать и по ночам штудировала умные книги, которые Ромильда приносила из своего замка, посещаемого примерно три раза в неделю через порталы.

После Рождества волшебница посчитала, что основы колдовства Лида познала и теперь ей пора покидать отчий дом. Но сперва надо создать охранный отряд воителей, тех, кто будет оберегать ее, пока она не накопит силы и опыта, чтобы построить свой замок и набрать армию.

Тут-то Лида и вспомнила о Стасе. Она не видела его с похорон Марфы. Братья говорили, что он почти спился и теперь похож на старую развалину, то есть выглядит на все свои немалые тридцать.

Своего первого воителя Лида нашла в пропахшей перегаром темной комнате. Он полулежал на полу, облокотившись спиной о жесткую лавку, и, свесив набок голову, громко храпел. Растолкать его оказалось делом непростым, пришлось применить отрезвляющую магию, после которой он устался на гостий ничего не видящими пустыми глазами.

Колдуньи были вынуждены изрядно потрудиться, чтобы объяснить Стасу цель их визита. Глядя на пропитого, заспанного мужика, Ромильда неодобрительно качала головой, но ничего не говорила. Каждый маг сам выбирает воителей, и лезть в этот процесс не вправе никто.

После долгих убеждений и нескольких наглядных демонстраций магических способностей Стас согласился на предложение Лиды. Этой же ночью они втроем бежали из деревни. В гостеприимном замке Ромильды Стасу и Лиде отвели шикарные помещения, от которых они, не избалованные роскошью, пришли в полный восторг.

На следующий день в комнате с золотым кругом, принадлежащей хозяйке, юная волшебница провела свой первый ритуал, а после выдержала с отличием непростой экзамен, который

принимали сотни мужчин и женщин, шикарно одетых и очень высокомерных. Так Лида впервые увидела своих будущих коллег, таких же колдунов и колдуний, как она сама.

С того дня она официально вошла в круг магов, ее причислили к коалиции Жизни – не самой мощной, но, по мнению Лиды, самой мудрой из всех. Свое простенькое имя она предпочла сменить на иностранное и более звучное – Линда, а второе имя, используемое вместо фамилии, ей, по принятой среди волшебников традиции, дала ее учительница Ромильда.

Так на свет родилась Линда Солнечный Свет, знакомая любому, кто хоть как-то связан с волшебным миром. Естественно, для учебников, в которых значилось полное жизнеописание колдуньи, ее историю сократили. Линда не хотела, чтобы кто-либо узнал о ее душевных терзаниях и тем более об истинной причине того, как в ней проснулся дар.

Дальше начался трудный период. Кое-как Линда насобираала восемь первых воителей. Не умея правильно подбирать ребят, она умудрилась составить охрану из людей, категорически неспособных работать вместе. Надо отдать им должное, они очень старались избегать конфликтов и стойко терпели общество друг друга, но лишь до тех пор, пока у них не появился выбор. А потом шестеро парней и две девушки из первой восьмерки разбегались по разным отрядам. Пятеро из них здравствуют до сих пор. А трое других остались незаживающей раной в сердце волшебницы, потому что дали ощутить всю глубину потери и страдания. Сара... Линда никогда не забудет, что почувствовала в тот день, когда ей доложили о смерти Сары, погибшей на задании в замке темного Александра. Рыжая бестия была незаменимой разведчицей, второй такой волшебница не нашла по сей день. А Виктор... Когда сбрендивший маг из другого мира нарушил многовековой договор и уничтожил разом десять групп «летучих», Виктор был среди них. Она еще долго оплакивала воителя, ушедшего за грань, и тосковала по его грубоватым, но всегда своевременным шуткам. И, наконец, Валентина, последняя из трех... Она погибла всего двадцать лет назад. «Стрелы», к которым она принадлежала, встретились в честном бою с «ангелами» Сантьяго Испанского Дьявола и проиграли.

Но в те времена, когда путь Линды только начинался, все они были вместе и день за днем тренировались под руководством опытных воителей Ромильды.

Сама Линда быстро совершенствовала свои способности. Не прошло и десяти лет, как она превзошла свою учительницу, а через двадцать ей предложили сменить старшую колдунью на должности главы коалиции. Молодая волшебница, к огромному удивлению всей магической братии, от лестного предложения отказалась. Ей и без того хватало интриг и сложных политических игр, к которым она морально была совершенно не готова.

К тому же Линда еще не собрала армию, положенную по статусу волшебнику, занимающему высокую должность. Солнечный Свет обходилась всего сотней бойцов, охранявших преимущественно ее замок. Со столь незначительного воинства даже не взбиралась обычная дань, никто из людей Линды не служил у порталов, что ее вполне устраивало.

Увы, вскоре спокойствию девушки пришел конец. Когда темные прослышали о невероятно одаренной волшебнице, примкнувшей к стану врага, они стали вести активную политику выживания ее, еженедельно устраивая набеги на замок, шпионя за малочисленными «котами», изо всех сил трудившимися среди смертных, стараясь хоть чуть-чуть приблизить конец слепого Средневековья и донимая саму ведьму нелепыми угрозами. Именно тогда свод магических законов пополнился поправкой о том, что колдун, посмеявшийся угрожать своему собрату, автоматически считается начавшим открытое противостояние со всеми вытекающими из этого последствиями.

Над текстом той поправки трудились главы как светлых, так и темных коалиций, яростно отстаивая свои интересы, пожирая соперников глазами и проклиная, правда, про себя. Процесс занял не меньше месяца, за время которого противоборствующие стороны успели надоесть друг другу до зубовного скрежета.

Линда сделала правильные выводы из преподанного ей урока. Уже через год ее армия состояла из пятисот человек, а через пять лет – из полутора тысяч. Она смогла заставить уважать себя, но обзавелась бессчетным множеством личных врагов. Однако, памятуя о ее незаурядных талантах, темные предпочитали не связываться с «зарвавшейся девчонкой», как называли Линду между собой, а светлые почтительно раскланивались с «уважаемой коллегой» как с самым близким человеком, надеясь при необходимости получить ценного союзника.

Их ждало жестокое разочарование. Волшебникам из других коалиций Солнечный Свет всегда вежливо, но непреклонно отказывала, а своим помогала не больше, чем требовалось прописанными в кодексе коалиции правилами. Естественно, это не касалось тех случаев, когда услуга для нее была пустяковая, но в последующем обязывала просителя. Со своими собственными делами Линда предпочитала разбираться сама.

Однако не только политика волновала ее душу. Линда жила ожиданием радостных перемен в судьбе. В те времена девушка тринадцати лет считалась вполне взрослой и могла рассчитывать на счастье. Стас по-прежнему оставался одинок и проводил с колдуньей почти все свободное время. Помимо магических дел, у них осталось одно незавершенное дело в мире людей. Оба мечтали найти Макара и сделать одним из своих. Тридцать лет они искали его по всем известным странам, но старший брат Линды словно сквозь землю провалился, едва выехав за пределы родной деревни. Спустя три десятилетия поиски пришлось прекратить. Люди редко доживали до столь почтенного возраста, да и для воителя организм глубокого старца не годился.

Стас постоянно жил при замке и служил в подразделении «львов». Главой он тогда еще не был, и цвет нити имел зеленый. Их отряд состоял из семи человек: пятерых мужчин и двух девушек, каждая из которых, едва вступив в группу, обращала внимание на статного, красивого мужчину, но при первой же попытке перевести служебное общение в личные отношения неизменно получала вежливый и категорический отказ. Вскоре девушки находили свое счастье с менее гордыми парнями из своих же, оставив неприступного Зеленого в покое.

Линда тешила себя иллюзиями, что ее наконец-то заметили. Регулярные совместные прогулки, длинные беседы, тянущиеся от заката до самого рассвета, подогревали сплетни, а они – надежды влюбленной женщины.

К сожалению, сбыться им было не суждено. В первый год семнадцатого столетия Валерий – один из парней, входивших в группу Стаса, – отправился проведать родные места. Его дом находился в маленьком, никому не известном селении на побережье Средиземного моря. Отсутствовал он недолго, но вернулся не один, а со смертной девушкой по имени Эсмеральда.

Испанка, зарабатывавшая на жизнь торговлей собственным телом в бедняцком районе нищих и забулдыг, с радостью согласилась на предложение влюбленного по уши молодого человека заполучить бессмертие, силу и одного постоянного любовника. Как ни странно, Линде девушка вполне подошла, и уже через неделю был проведен ритуал обретения знака.

Эсмеральда была прекрасна. Несмотря на свой не самый здоровый образ жизни, который выросшая в канаве девочка вынуждена была вести с десяти лет, она сохранила красоту и молодость. Ее оливковая кожа была нежна и бархатиста, в огромных черных глазах сияла зазорная искорка. Небольшой вздернутый носик делал ее милой, а черные волосы, крупными локонами спускавшиеся ниже поясицы, добавляли великолепия. В довершение всего она обладала идеальной фигурой: ее высокая, полная грудь, осиная талия и крутые бедра провоцировали на грех даже самого отъявленного праведника.

Стас праведником не был, а ветреная испанка не отличалась высокими моральными принципами и не собиралась хранить верность парню, вытащившему ее из грязи. Вначале роман Зеленого и Красной (а именно такого цвета была нить новенькой) походил на дешевую интрижку, замешанную на сексе. Но уже к концу года Линда поняла: между ними все серьезно.

Суровый и надежный, как гранитная скала, Стас пленил охочую до развлечений девку. Они так и светились счастьем и безмерной любовью.

В отличие от глупенькой простушки Марфы, эффектная и не лишенная ума Эсмеральда составляла с Зеленым отличную пару. Именно тогда Линда принялась за эксперименты с собственной внешностью, стараясь подражать образу пленившей ее возлюбленного испанки. Не преуспев в своих попытках обрести шикарные формы и идеально красивое лицо взрослой женщины, отчаявшаяся волшебница решила избавиться от наваждения, руководствуясь известным принципом: с глаз долой – из сердца вон. Она повысила всю группу, причислив ее к подразделению «летучих», и отправила за порталы в другие миры, подальше от себя. К тому времени Стас и Эсмеральда уже два года были женаты.

Больше двух веков спустя, в течение которых Линда практически не виделась с Зеленым, ее слуха достигли новости, в былые времена заставившие ее потерять голову от горя. Испанка родила сына. Красивого, крепкого бутуза, как две капли воды похожего на своего отца. Эсмеральда временно перебралась в замок, чтобы хоть какое-то время заботиться о ребенке самой. Естественно, пришлось дать отпуск всей группе: ослабленный отряд в среде «летучих» несет угрозу не только его членам, но и целому миру.

Линда, глотая слезы, сохраняла на лице счастливую улыбку. Она поздравила молодых родителей, так и лучащихся любовью друг к другу и ко всему человечеству.

За долгие столетия полной тревог и опасности жизни мага она научилась контролировать свои чувства. Стас, по-прежнему видевший в волшебнице лишь близкого друга, не заметил бури, мечущейся в глубине растревоженного сердца.

Спустя полгода, группа вместе со счастливой супружеской парой вернулась к своим обязанностям, оставив малыша воспитываться в замке, рядом с другими такими же детьми. Стас и Эсмеральда получили разрешение раз в месяц на два дня покидать пост и навещать мальчика.

Рома рос красивым и общительным. Отсутствие родителей не сказывалось ни на его настроении, ни на жизнелюбии. Линда, отчаявшись обрести любовь Стаса, сильно привязалась к мальчику, выделяя его среди других ребят и чересчур балуя. Несмотря на капризный и порой вздорный нрав матери, который в полной мере унаследовал Рома, она видела в нем только те черты, которые так долго и безответно любила. Малыш стал ниточкой, которая связала Линду с его отцом. По крайней мере, она хотела так думать, проводя с чужим ребенком столько времени, сколько могла.

Стас, приезжавший на внеурочные выходные, неизменно навещал волшебницу, рассказывая последние новости, высмеивая странные по меркам землян вещи, которые творили жители мира, где он вынужден был находиться. Он никогда не приходил в обществе жены, и Линда была ему за это благодарна: видеть взгляды, которыми они обмениваются, наблюдать за сдержанными прикосновениями, когда она отвернется, понимать, что он принадлежит другой, было невыносимо. От этого могла потерять контроль над магией и куда более старая колдунья, а быть второй раз причастной к горю любимого человека она не хотела.

Спустя десять лет после рождения Ромы, группа, в которой служил Стас, снова поселилась в замке. У лучшего друга Зеленого, того самого парня, который некогда привез Эсмеральду, и его не слишком красивой, но отличавшейся на редкость приятным нравом жены из другой группы «летучих» родился первый ребенок – девочка. Лиза была болезненной, мать боялась оставлять ее без присмотра даже на день, опасаясь, что хрупкое здоровье малышки внезапно ухудшится. Бросить жену и дочь в замок, а самому вернуться на границу Вальерий отказался категорически, и Стас испросил разрешение у волшебницы временно поменять место службы. Не принять его просьбу Солнечный Свет не смогла. Целый год отряд служил вместе со «львами», и Стас ежедневно был на глазах, такой же сильный, красивый, спокойный и чужой, как столетия назад.

Когда маленькая Лиза окрепла, «летучие» ушли за портал, поселив в душе волшебницы горечь, преследовавшую ее с раннего детства. Она пыталась забыть, все больше и больше запутываясь в делах, все сильнее оказывая влияние на смертных и порой с ужасом понимая, что благодаря усилиям темных человечество вместо всеобщего блага неуклонно движется к глобальным, смертоносным войнам.

В девятнадцать лет Рома получил знак. Состоялся грандиозный бал новичка. Солнечный Свет расстаралась вовсю, стремясь отметить вступление в ряды воителей своего любимого чада. В замок съехались все ее подопечные, разряженные и веселые. Впервые за пять лет в замок заглянул Стас. В мире, в котором он служил, стало беспокойно. Темные твари, выведенные местными магами и вышедшие из-под контроля создателей, норовили прорваться в другие измерения. В обязанности воителей входило им помешать. Линда несколько раз порывалась перевести группу любимого в места более спокойные, но их глава каждый раз отвечал вежливым, но непреклонным отказом.

Рома поступил на службу ко «львам». Группа, сформированная всего каких-то десять лет назад, так и оставалась неукомплектованной. Ее глава, турок Али, категорически не хотел брать к себе девчонок, считая их взбалмошными и неуравновешенными, а подходящего парня все не находилось.

Участившиеся на замок набеги темных заставляли жить в постоянном напряжении. После того как за неделю восемь раз неприятелю удалось проникнуть за стены крепости (причем четыре случая оказались исключительно удачными, а о цели еще двух никто так и не узнал) Линда безвылазно засела дома, забыв об общественной деятельности и бросив все силы на защиту собственной территории.

Это, а также усилившийся натиск нечисти в других мирах, превратил жизнь в бесконечную череду боевых действий.

Беспорядки касались всех магов без исключения. Вскоре междоусобицы пришлось прекратить, обстановка у порталов слишком накалилась, чтобы тратить время и силы на внутреннюю грызню.

Пожалуй, только Сантьяго Испанский Дьявол продолжал упорствовать в своей нелюбви к светлым. Его армии, многократно превосходящей все остальные по численности, хватало ресурсов, чтобы вести войну сразу на два фронта, а при желании на три или даже на четыре. Воспользовавшись царившей в магическом мире паникой, он не преминул вступить в открытое противостояние с волшебником, чьи земли находились недалеко от точки перекреста потоков – редкой природной аномалии, позволявшей магу использовать более сложные связки и творить мощнейшее колдовство.

У Линды не оставалось времени даже на сон, не говоря уже о душевных терзаниях. Она колдовала, носилась по миру и снова колдовала. Постоянные совещания (как в составе коалиции, так и общесветлые и даже смешанные) забирали последние свободные минуты. Совет магов следовал за советом. Но ничего толкового на них не обсуждалось.

Так длилось почти десять лет. Когда ситуация у порталов наконец стабилизировалась, все вздохнули с облегчением, возвращаясь к привычному расслабленному образу жизни. Естественно, тут же всплыли все мелкие разногласия. С ужасом колдуны заметили, что Сантьяго за время их манипуляций у порталов успел свалить четырех магов, один из которых был темным и принадлежал к коалиции войны. Однако нарываться на неприятности никто не решился. Более мощного колдуна на земле (да и в большинстве других миров) не было. Ходили слухи, что Испанский Дьявол может пользоваться редкими потоками истинной тьмы, добывая их из-за грани в невероятных количествах или выуживая из обычных темных, которые были доступны всем. Правда ли это, достоверно никто не знал. Более древние маги вспоминали, что во времена их юности находились умельцы, покорявшие как истинный свет, так и истинную тьму, но, насколько было известно, все они пали в Великой войне между мирами или сразу после.

Сантьяго никогда не заявлял о своих умениях напрямую, оставляя любопытных гадать сколько угодно по поводу своих возможностей.

Вернувшись к обычной жизни, Линда с удивлением обнаружила, как выросла Лиза. Из угловатой болезненной девочки она превратилась в красивую, умненькую девушку. Светлые, редкого пепельного оттенка волосы спускались до плеч, голубые глаза светились ярким огнем. Худая и очень высокая, она выглядела воздушной и незащищенной, что на практике было весьма далеко от истины. Она все еще оставалась смертной – свободных мест в группах было не так много, а те, что имелись, не подходили ей по психологическому складу.

Солнечный Свет предложила порекомендовать девушку другим магам, но та только возмущенно фыркнула. Она видела себя лишь воителем Линды.

Мать Лизы погибла сразу, как вернулась за портал, а отец, во всем потворствовавший единственной и безмерно любимой дочери, закидывал колдунью просьбами подыскать девочке хорошую группу. Линда обещала помочь, но случая все не представлялось. Даже потери, понесенные во время боевых действий последнего десятилетия, не обеспечили достаточного количества вакансий: слишком много было желающих их занять, и подходили они гораздо больше.

Лиза продолжала жить в замке, терпеливо ожидая своей очереди. В свободное время она пропадала в личной библиотеке Линды и набиралась всевозможных знаний. Больше всего ее интересовало все, что связано с магией, хотя никаких талантов у нее не обнаруживалось. Впрочем, и достойных встрясок на ее долю пока не выпадало.

Когда Рома обратил внимание на красавицу, Линда совсем не удивилась и искренне порадовалась за человека, который стал для нее практически сыном. Лиза ей нравилась, и она не сомневалась, что лучшей пары ее любимец просто не найдет. Волшебница даже попросила несговорчивого Али принять в группу девятого члена, но турок заупрямился, верный своему главному принципу – «никаких девчонок».

Больше двух лет молодой «лев» и его невеста предавались любовным утехам в закоулках замка, где царила вечная весна. Свадьбу они все время откладывали, дожидаясь, когда Лиза получит долгожданный знак и присоединится к любимому в его бессмертии.

К сожалению, судьба не любит счастливых и всячески старается им помешать.

Никому не известный темный, едва научившийся колдовать, решил, что ему по зубам взять твердыню одного из сильнейших светлых. Не посчитавшись с мнением более старых и опытных коллег, давно оставивших Линду в покое и организовывавших проникновения только в случае крайней нужды, он послал своих «смерчей» за не самым мощным, но зачем-то ему позарез понадобившимся артефактом.

Естественно, неумелых воителей, едва разменявших первое десятилетие бессмертия, выставили с позором, не дав даже забраться на стену. Они злобно скалились, отстреливались и неловко размахивали огромными мечами, не сумев нанести сколь-нибудь существенного вреда. Уже отчаявшись преодолеть неприступную преграду и беспорядочно отступая, не в меру ретивый темный совершил единственный за ночь удачный выстрел. Пуля нашла сердце Романа, да так там и осталась.

Озверевший от боли Али со своими ребятами легко преодолел стену и сумел схватить темного. Убивали долго, зверски надругавшись над едва живым телом. Линда потом наказала «львов» за дела, недостойные светлых, Впрочем, не слишком сурово. Смерть Ромы потрясла ее до глубины души, заставив пролить реки слез. Стас с Эсмеральдой, убитые горем, примчались, не испросив разрешения. Парня похоронили на замковом кладбище со всеми возможными почестями.

Через месяц Лиза, побледневшая и осунувшаяся, с покрасневшими от ежедневных слез глазами, пришла к Линде с просьбой сделать ее воителем. Солнечный Свет не отказала.

Али согласился принять новенькую Голубую к себе, но она сама отказалась наотрез, не желая занимать место погибшего возлюбленного. Она осталась жить при замке, выполняя поручения с другими группами.

Не прошло и полугода, как новое несчастье потрясло Голубую, ударив заодно и по Линде.

За порталами, казалось, уже успокоившаяся нечисть подняла голову. Одним ударом иномирцы опрокинули восемь земных групп, развеяв их тела на отдельные молекулы. Никто не представлял, как технически они запихнули сразу семьдесят человек во врата под неправильным вектором, но результат говорил сам за себя. Шестьдесят девять несчастных, среди которых были как светлые, так и темные, распались на атомы, встроившиеся в структуру самого портала. И лишь одному счастливчику удалось материализоваться на обратной стороне.

Им оказался Стас. Без сознания, оглушенный неправильным переходом и болью от разрыва одновременно семи нитей, он упал к ногам изумленных «защитников Рая». Дежурила группа темной Маргариты Полярной Звезды, но около порталов нет деления на темных и светлых, есть земляне и чужие. Ребята тут же перенесли «летучего» в местный лазарет, но выполняющие роль врачей «защитники» только беспомощно разводили руками. Доставить раненого в замок к его магу было невозможно, он был слишком слаб и еще одного перехода не перенес бы.

Каково же было удивление воителей, когда волшебница сама объявилась в лагере, прежде чем известие о новой атаке извне успело достичь чьих-либо ушей. Она материализовалась прямо около межмирового портала, что считалось технически невозможным, и тут же устремилась к комнате, куда поместили Стаса, словно совершенно точно знала, где он находится.

Линда и знала. Уже давно, еще в те времена, когда она была молодой волшебницей, с невероятным рвением осваивающей все возможные разделы магии, она наткнулась на старый фолиант, созданный за много лет до начала Великой войны, которая уничтожила самых сильных и талантливых колдунов, а вместе с ними и их знания. В запыленной книге с рассыхающимися страницами, покрытыми вековой пылью и обросшими паутиной, она нашла то, что втайне искала с того дня, как Ромильда допустила ученицу до своей библиотеки. Бесценные сведения, за ненадобностью позабытые современными магами, сыскались на сотой странице. Верхняя строчка, испещренная сложными рунами древнейшего языка, который позабыли не только смертные, но и большинство бессмертных, гласила: «О том, как сделать воителя поистине бессмертным». Прочитав заветные слова, Линда возблагодарила Ромильду, не поленившуюся обучить ее тайнописям языка предков, и Олафа, подарившего эти знания своей ученице.

С жадностью волшебница принялась изучать полустертые загогулины, выведенные яркими сиреневыми чернилами. Милхар Колокольный Звон, автор книги, подробно описывал самый сложный ритуал, по затрате энергии во много раз превышающий стандартный ритуал обретения знака или перерождения в вампира. Восемь тысяч лет минуло с тех пор, как неизвестный темный, канувший в лету вместе со всем своим воинством, написал заветные строчки. Вряд ли кто-то из современных магов читал их, а если и читал, то уж точно не пользовался полученными рекомендациями в практических целях. Магия так же, как и человечество, за истекшие тысячелетия обмельчала, потеряла свою первозданную мощь, превратилась в набор более или менее стандартных заклинаний, считающихся небывалой силой. Теперь каждый, даже светлейший из светлых, думал в первую очередь о собственном благополучии, а ритуал, который Линда собиралась провести, нес в себе огромную долю самопожертвования. Когда-то на такое были способны только самые темные.

Глубоко вздохнув, Солнечный Свет принялась заучивать наизусть рисунки, движения и слова. Ей понадобилась почти неделя, чтобы ознакомиться с каждой мелочью, отрепетировать каждый жест, и только после этого она пригласила на ужин своего самого близкого друга и единственного любимого мужчину, Стаса.

С момента ее инициации к тому времени прошло всего лишь пятнадцать лет, и надежды в душе девушки цвели в полную силу. Накормив Зеленого сытным обедом и опоив редчайшим вином, доставленным «летучими» из мира, где произрастал виноград, не сравнимый по своим вкусовым качествам ни с одним другим известным видом, и подаренным ей Вероникой на прошлый день рождения. Сонное зелье, заранее сваренное и подмешенное в бордовую жидкость, не смог бы заметить даже самый отъявленный гурман.

Очень скоро Стас захмелел и, откинувшись на мягкую спинку кресла, заснул.

Линде пришлось попотеть, чтобы доставить отяжелевшее тело парня в специально расчерченный круг, изукрашенный старинными символами и рунами. Поместив воителя в центр, Солнечный Свет встала напротив, выставив вперед обе руки. Сложнейшие формулы на чуждом трудновыговариваемом диалекте, больше всего схожем с современным китайским, с легкостью слетали с уст волшебницы. Белые светящиеся нити вытекали из груди девушки и устремлялись туда, где билось сердце ее избранника. Ей пришлось коснуться темного потока, плотно соединенного с десятью светлыми, но даже в таком соотношении опытному магу, погрязшему в силе своей стороны, он мог причинить жгучую боль. Однако Линда была молода. Ее тело еще не успело насквозь пропитаться светом, и особого дискомфорта она не ощутила.

Ритуал занял несколько часов. Линда с замиранием сердца ожидала результатов. Древний Милхар описывал его подробно для темного, лишь вскользь упомянув, как использовать светлые потоки с вкраплением всего одного темного, а не наоборот. Юная колдунья очень боялась, что во время обряда что-нибудь напутала.

Она прождала час, два, стоя в круге и не смея шелохнуться. К концу третьего часа, когда Стас начал ворочаться во сне, она всерьез забеспокоилась.

Это произошло, когда он открыл глаза. Колющий удар в самое сердце, а затем разлившееся внутри тепло, имеющее чувственную зеленую окраску.

Воитель приподнялся на локте, не понимая, что случилось и как здесь очутился.

Сказать ему правду Линда не смогла. Глупо хихикая, она поведала ему уморительную историю, как старалась протрезвить опьяневшего парня, а вместо этого только погрузила в глубокий сон на неделю, напутав с заклинаниями. Пришлось на скорую руку чертить круг и будить спящего принца.

Зеленый ей поверил, посмеялся и отправился домой, тихонько улыбаясь собственным мыслям.

Он не знал, что в его душе поселился свет.

С этого дня, он стал поистине бессмертным, ибо даже развеянное на атомы тело должно было соединиться вновь, питаемое энергией Линды. Смерть не могла забрать Зеленого до тех пор, пока хоть капля жизни плещется внутри его волшебницы.

Когда Стас влетел в портал под неправильным искусственно заданным вектором и изначальные силы принялись раздирать его плоть по кусочкам, Линда почувствовала резкий толчок, заставивший на миг потерять сознание от боли. Она и раньше ощущала каждую царапину, полученную ее воином, как свою собственную, ведь часть ее энергии тут же переходила в другое тело, которое к тому же находилось совсем не близко. Но в этот раз все было иначе, на секунду ее душа покинула брентную оболочку и устремилась к грани, туда, где, удерживаемый толстой светлой нитью, метался знак Зеленого, стремясь покинуть пределы этого мира, но не в силах преодолеть невидимое тяготение, мешавшее переступить порог и отправиться дальше.

Линда активировала заклинание портала, от боли и ужаса позабыв, что вблизи ворот в иные вселенные оно не действует. К удивлению, ее вынесло именно туда, куда она нацелилась. Самым сложным оказалось сохранить подобающее магу бесстрастное лицо, когда к ней бросились чужие и ее воители, наперебой рассказывая последние страшные новости.

Проблемы за порталом Линду сейчас волновали меньше всего. Она шла туда, где чувствовала биение любимого сердца, с каждой секундой становившегося все глуше.

Отмахнувшись от назойливых вестников беды, она вошла в простую, небогато обставленную комнату, служившую лазаретом для «защитников» и нуждающихся в помощи «летучих».

Колдунья выпроводила из комнаты воителя-лекаря, принадлежащего к воинству кого-то из темных. Находясь словно в полусне, Линда забыла считать его знак. Она присела у постели Стаса. Бледный, похудевший и будто постаревший на десяток лет, он лежал, распластавшись на жесткой широкой койке. Прерывисто дыша, Зеленый чуть слышно стонал.

Оказавшись в непосредственной близости от него, Линда почувствовала, как ее энергия начала перетекать по невидимому каналу, постепенно заставляя Стаса дышать ровнее.

Через несколько часов непрерывного бдения волшебница поняла, что израсходовала уже больше половины собственного резерва, а желаемого эффекта от ее усилий так и нет. Стас даже не пришел в себя и ни разу не пошевелился.

Целую неделю Линда провела наедине с Зеленым, все отдавая и отдавая. На пятый день он на миг приоткрыл глаза, посмотрел на свою спасительницу и тут же снова провалился в небытие. Линда поняла: кризис миновал.

Боль во взгляде карих глаз полоснула Солнечный Свет, словно ножом. Она еще долго просидела неподвижно, представляя, что должен чувствовать любимый, потеряв всю группу за считанные секунды. Такая боль ощущается даже во время боевого транса, практически не оставляя шанса выжившему вырваться из переделки, унесшей жизни друзей.

Через две недели все еще бессознательного Стаса перевезли в замок.

Линда чувствовала себя измотанной и впервые за несколько столетий абсолютно пустой. Сейчас она вряд ли смогла бы совершить самое простое волшебство, не говоря о том, чтобы провести ритуал.

У входа в лазарет, куда доставили Стаса, ее поджидала Лиза. На девушке не было лица, она нервно теребила зажатый в трясущихся пальцах платочек, прямо на глазах изумленной Линды превращающийся в бабочку, готовую вспорхнуть и улететь. Но раздавленная смертью отца, последовавшей сразу за смертью возлюбленного, девушка этого не замечала.

– Пойдем, – коротко приказала Линда, вместо больничной палаты ведя ее в свой личный кабинет. Стас уже достаточно окреп, чтобы протянуть несколько часов без нее, а вот девочке необходима помощь, причем немедленно.

Лиза становиться магом не пожелала, предпочтя оставить новые возможности скованными знаком воителя, что для Линды стало огромным бонусом. Многие маги имеют в своих армиях одного, а иногда двух или даже трех несостоявшихся волшебников, способных творить простое колдовство, но не желающих вступать в колдовские дразги. У нее таких не было.

Лиза согласилась помочь в лечении Стаса. Естественно, всей правды Солнечный Свет ей не сказала, но это было и ни к чему. Теперь ее возлюбленный мог черпать энергию даже на расстоянии, требовалось всего лишь поддерживать нужное заклинание активным, и Лиза вполне справлялась с задачей.

Стас пришел в себя через две недели. Он ни с кем не разговаривал, целыми днями лежал, уставившись в потолок, и – Линда не сомневалась – молил о смерти, которая для него была невозможна. Он по-прежнему был очень слаб. Атомы и молекулы, почти уже разлетевшиеся по мирам, упорно не хотели оставаться вместе, и парень испытывал сильнейшие муки. Помимо боли душевной, страшный физический недуг приковал его к постели на долгие годы.

Линда, а вместе с ней и верная Лиза терпеливо ухаживали за больным, который не хотел выздоравливать.

Только спустя пять лет он снова начал разговаривать, а через восемь впервые встал и сделал несколько неуверенных шагов по комнате. Тогда стало понятно, что из Зеленого Стас превратился в Черного. Редкий феномен, случающийся с некоторыми выжившими.

Через несколько месяцев он стал выходить во двор. Обычно его сопровождала мало чем занятая по службе Голубая – вопрос с подбором для нее группы отложили на неопределенный срок до выздоровления Стаса. Они часами сидели, греясь под ласковым солнышком, специально для этого превращенное Линдой из весеннего в летнее, читали книги, разговаривали. Волшебница часто присоединялась к ним, рассказывая о последних событиях, развлекая запертых в замке воителей сплетнями и щедро делясь энергией с Черным.

Шли годы. Состояние больного медленно, но неуклонно восстанавливалось. Спустя двадцать лет с момента несчастья, он заставил себя покинуть уютные стены дома Линды и в сопровождении снабженной четкими инструкциями Лизы отправился путешествовать по землям смертных. Несмотря на долгую жизнь, большая часть мира оставалась для новоиспеченного Черного такой же загадочной, как во времена молодости, проведенной в деревне. Все свое время отдавая службе, он не мог себе позволить кататься по свету и разглядывать достопримечательности. По правде говоря, он и сейчас предпочел бы остаться в замке, предаваясь своему ни на минуту не отпускающему горю, но Линда, объединив усилия с Голубой, настояла на длительной поездке. Не имея сил спорить, Стас согласился.

Вернулись они только через пять лет. Все это время Лиза периодически пользовалась порталами, чтобы хоть иногда ходить на задания и не терять формы. Каждую неделю с помощью магических кристаллов она связывалась с волшебницей и как на духу докладывала обо всем, что было связано с состоянием выздоравливающего.

К пущей радости Линды, новости были весьма утешительные. Вдали от мест, вызывающих воспоминания о погибшей семье и друзьях, Стас поправлялся быстро и, как утверждала Лиза, стал почти прежним. Сама колдунья отдыхающих не навещала, боясь растревожить старые раны: ежедневно ей приходилось бороться с собой, чтобы, едва проснувшись утром, не открыть портал и, словно снег на голову, не свалиться в объятия любимого мужчины.

В замок Стас и Лиза нагрянули неожиданно. Желая сделать сюрприз Линде, о своем возвращении они заранее не сообщили, и ждавшая их столько лет волшебница по закону подлости оказалась в отъезде.

Черный решил остаться на службе, что для выживших было огромной редкостью. Он был готов вступить в любую группу на усмотрение Линды, самому ему было все равно с кем работать плечом к плечу.

Однако желание желанием, а сил у Черного пока явно было недостаточно для того, чтобы немедленно отправиться на задание. Да и уровень регенеративных способностей, исчерпавших себя двадцать пять лет назад, оставлял пока желать лучшего.

Как следует подумав, Стас решил выждать еще пару лет, а это время потратить на усиленную подготовку. Как выяснилось, даже тренировки давались ему нелегко. Под неусыпным бдительным оком Лизы, он заново учился орудовать мечом, стрелять из более совершенных пистолетов, метать ножи и сражаться врукопашную. Даже обманывать магические ловушки стало намного труднее, чем раньше, а отвыкшие от постоянных мелких движений пальцы никак не желали справляться даже с обычным ничем не примечательным человеческим замком.

Линда помогала Стасу, чем могла, переживая каждый раз, когда замечала его бесцельно блуждающий взгляд. Она могла сохранить ему жизнь, могла вернуть утраченное здоровье, но боль душевная была ей неподвластна.

Однажды, зайдя в комнату воителя, Солнечный Свет обнаружила портрет Эсмеральды. Красавица испанка стояла в полный рост, обмахиваясь веером из павлиньих перьев. Спускающееся складками тяжелое бархатное платье подчеркивало ее прелести. Прекрасно понимая чувства Черного, Линда едва не завывала от обиды, вылетев из комнаты через окно, – так было быстрее, чем сбегать через двери.

Когда Стас совсем восстановился, он решил создать собственную группу, подобрать ребят по своему вкусу и войти в состав подразделения «демонов». Возвращаться к порталам

он не хотел категорически. Линда дала на это добро, она не сомневалась, что глава из Черного получится отличный, несмотря на то, что раньше он всегда от этого отказывался, предпочитая, чтобы ответственный пост занимал кто-то другой. Сам он обычно выступал в роли защитника, как самый сильный и опытный.

Лиза, не раздумывая, вошла в состав только начавшей формироваться группы. С момента ранения прошло тридцать лет.

Они очень ответственно подошли к подбору команды, не желая принимать в нее тех, кто не подходил хотя бы по одному незначительному параметру. Все новички, имеющиеся в распоряжении волшебницы, были отвергнуты ими без колебаний.

Пока подходящих кандидатов не наблюдалось, Стас и Лиза продолжали тренироваться вдвоем, отлично сработавшись в паре. Линда часто присутствовала на их занятиях, с удовольствием наблюдая, как крепнет ее избранник, как набирается опыта Голубая, как постепенно с прежней силой разгорается огонь в любимых карих глазах.

Она не заметила, когда Лиза стала для него больше, чем напарница и подруга, но, узнав об их отношениях, Линда не позволила чувствам одержать над собой верх. Она была готова видеть любимого с кем угодно, лишь бы с его лица сошла маска бесконечной печали.

Только спустя восемь лет Стас нашел третьего члена группы. Им оказался парень, частенько появлявшийся в замке, сын Игната и Тамары Корневых, очень успешных «котов», которые раз за разом отражали пакости со стороны враждебно настроенных темных, активно использующих смертных в своих грязных играх.

Влад был флегматичным и очень покладистым, никогда не задибался, не спорил с главой и старался как можно скорее овладеть всеми навыками, необходимыми воителю. Его самой сильной стороной стали ножевой и мечный бой, однако с точностью при стрельбе у него были серьезные проблемы. В рукопашном он уступал Стасу, но довольно быстро превзошел Лизу.

Готовили парня не торопясь, понимая, что втроем отправиться на серьезное задание они все равно не смогут. Новичок быстро влился в небольшой коллектив, став для Черного лучшим другом, преданным и готовым пойти за ним в огонь и воду. О заслугах первого воителя он, как и все дети, выросшие в замке, был наслышан с малолетства и считал для себя огромной удачей попасть в сформированную легендарным воином группу.

Через год состоялась третья свадьба Стаса. Линда посетила церемонию в качестве почетной гостьи. По своему размаху праздник превзошел все ожидания, даже его свадьба с Эсмеральдой не могла похвастаться подобной роскошью. Изысканное убранство дома, доставшегося Лизе от родителей, подчеркивало безупречный вкус невесты. А рядом с высоким, крупным женихом она смотрелась как фарфоровая статуэтка, такая же хрупкая и невесомая.

Линда подарила молодой бриллиантовое кольцо, а ее супругу меч с рукоятью, инкрустированной красными, как кровь, рубинами. Счастливая улыбка на губах любимого стала для волшебницы лучшей наградой за приложенные для его спасения усилия.

Еще четыре года спустя в команду взяли четвертого члена – американца, рекомендованного Линде Кристофером Танцором, магом коалиции природы. Парень, в былые дни промышлявший не слишком честным трудом и имеющий взрывной, задиристый нрав, просто по определению не мог подойти любителям цветочков и жучков. Помешанный на острых ощущениях и постоянной опасности, сменяющейся бурными пьянками в обществе красивых женщин и крапленых карт, непревзойденный стрелок и дуэлянт, сумевший сохранить чистоту души и неубиваемое жизнелюбие, он полностью соответствовал требованиям Линды. Однако она была крайне удивлена, когда парня выбрал для себя Стас, оставив с носом многочисленных конкурентов, позарившихся на перспективного новичка. Роберт Уилкс с радостью принял предложение присоединиться к группе, еще окончательно не сформированной, и уже через пару месяцев стал своим в доску как спокойному Владу, так и серьезному Стасу. Лиза вообще не

чаяла души в курносом блондине, развлекающем друзей своими историями о прошлых похождениях, веселыми шутками и наливающим бренди из фляги, обычно припрятанной в кармане.

А вот следующий выбор Стаса Линду не порадовал, но воспротивиться было нечему. Из поездки в Санкт-Петербург, где в это время работали его родители, Влад привез девушку. Красивую, словно дикая роза в период расцвета, и такую же колючую. Отказница, сбежавшая из замка Сантьяго, в котором выросла, она смотрела на всех с опаской, не скрывая вызова, притаившегося в огромных глазах. От своего избранника она не отлипала ни на секунду, не стесняясь, прижималась к нему у всех на виду, изводила добродушную Лизу бесконечным недовольством то одним, то другим и за неделю дважды умудрилась перегрызться даже с Робертом, видящим жизнь сквозь розовую призму собственного легкомыслия. На Линду отказница смотрела с нескрываемым интересом. Казалось, она сама не понимала, как очутилась в замке колдуньи, о которой с детства слышала лишь гадости.

Возможности несостоявшейся темной поражали. Она уже была обучена всему, что должен знать воитель, а получив знак, стала одной из сильнейших в армии Солнечного Света. К тому же девушка имела полную устойчивость к пыткам, любым, включая самые жестокие. О замке своего прошлого повелителя, она помнила прискорбно мало, но даже то небольшое, что Сантьяго не заблокировал магией, превосходило все, что было известно светлым ранее. Ромильда даже предложила нарушить закон и схватить кого-нибудь из отказников, ушедших со службы у Испанского Дьявола и живущих среди людей. Но никто из членов коалиции ее не поддержал. В своде магических законов было недвусмысленно прописано, что возжелавшие мирной жизни воители, неважно – ставшие ли смертными или сохранившие знак, – были неприкосновенны. Редко кто решался нарушить данный параграф, и другие маги неизменно наказывали виновных по всей серьезности закона.

Соня Коршунова стала настоящей находкой для Линды и неплохо прижилась в новой среде, несмотря на отвратительный характер и зашкаливавшую злобность.

Спустя еще три года Стас нашел шестого члена группы – полную противоположность Сони. Добрую, отзывчивую девочку-арабку Линда привезла из Португалии, где ее хотели завербовать в армию главы коалиции любви, Глафиры Герцогини Страсти, но по каким-то неведомым факторам она ей не подошла. По очереди Хадижу – так звали новенькую – пытались пристроить ко всем магам коалиции, но безрезультатно. Неожиданный визит Линды пришлось очень кстати, Глафира предложила девушке пройти сканирование у Солнечного Света, и... она наконец-то подошла.

Стас, не задумываясь, взял ее к себе, наверное, надеясь уравновесить вздорный нрав Сони легким характером Хадижи.

Остальных двух членов команды Черный присмотрел уже давно и лишь ждал, когда парням исполнится восемнадцать. Двое близнецов, дети «львов», выросшие в замке, отличались друг от друга как лед и пламень. Младший из двойняшек, Максим, знал, чем хочет заниматься, с тех пор, как научился говорить, а вот старший, Антон, предпочел бы бежать без оглядки от трудной жизни воителей, полной постоянного риска. Стас давно обсудил с Максом их перспективы на будущее, но упрямый Антон, имевший на брата огромное влияние, уговорил того вначале закончить институт в мире людей, надеясь соблазнить смертной жизнью.

Ровно через пять лет парни вновь появились в замке. Младший оказался настойчивее, убедил брата вернуться к Линде. Они прошли ритуал, получили знак. Макс стал Бордовым, а Антон – Зеленым, как когда-то Стас, и команда в полном составе наконец приступила к своим последним групповым тренировкам.

Не прошло и трех лет, как их отряд стал самым сильным в армии Линды. Солнечный Свет испытывала гордость за своего самого любимого и дорогого птенца. Кидая их раз за разом в самое пекло, она с восторгом наблюдала, как они приносят своему магу победу за победой, как с каждым днем оживает прежний Стас, тот, кого она знала и любила с детства.

Неожиданно почти сто лет везения закончились сокрушительным ударом. В замке Испанского Дьявола навеки остался Антон, старший и более сильный из близнецов. Линда опасалась, что новая потеря сломит Черного, но ласковые руки Лизы, ее понимающий взгляд, теплый голос и переполненная слепым обожанием душа спасли его от нового срыва.

Линда больше не ревновала. За столько лет она научилась желать Стасу счастья, отчаявшись найти свое. Когда он привел новую девочку, Солнечный Свет, не сканируя, согласилась пополнить их группу. Все что угодно, лишь бы он был доволен.

Серебряная нить немало удивила волшебницу, заставив внимательнее присмотреться к новенькой. «Рожденные для славы» – так между собой называли маги носителей серебра, каждый из которых был наделен сверхспособностями. К сожалению, у Алины они проявлялись спонтанно, но всегда вовремя, что давало и без того сильной команде шанс стать еще сильнее. Сверхскорость и мощь, сравнимая разве что с мощью мастера боя, каким в своем нормальном состоянии девочка не являлась, не раз и не два спасали жизнь всей группе.

Относительно спокойные времена, длившиеся несколько лет, вызывали у Линды подсознательную ассоциацию с затишьем перед бурей. Объяснить свои предчувствия колдунья толком не могла, но, не желая рисковать, озадачивала каждого члена своей разведки, заставляя вынюхивать все, что только можно.

Несмотря на опыт и огромные способности «сокрытых», они умудрились проглядеть угрозу. Впрочем, их вины в этом не было. Разведка всех светлых упорно молчала, в то время как Сантьяго Испанский Дьявол готовился к открытому противостоянию... с ней.

Восемь лет он насмеялся над Линдой, держа в плену того, кого считал ее генералом. Но Сантьяго ошибся. Антон Дубровин был отличным мальчиком, который всегда со всеми ладил и сумел завоевать искреннюю симпатию своей госпожи. Но слишком мягкий характер и врожденное неприятие войны делали его абсолютно непригодным для высокой должности. В любом случае, к тому моменту, когда Антон родился, почетный пост давно уже был занят.

Вызволить Зеленого из беды стало для Линды навязчивой идеей. Она винила себя в том, что произошло с парнем. Это она позволила ему просиживать в своих покоях сутки напролет, сопровождать ее на общественные мероприятия в составе личной охраны, мозолить глаза темным, все время находящимся начеку. Любознательность и жажду знаний Антона они расценили как кровный интерес. А ее попустительство – как признание его генералом. Никто не подумал, что так глупо подставлять главного человека в своей армии Линда никогда не стала бы. Против мальчика сыграла ее выгодная в иных ситуациях репутация неумного и недальновидного ребенка, подверженного своим сиюминутным прихотям.

Если бы старший Дубровин не принадлежал к группе Стаса, она постаралась бы свернуть конфликт, остановить его, подождать. Но причинить новую боль и без того израненному сердцу любимого Солнечный Свет не могла. Зная, как крепко связаны души воителей, работающих в группе, она просто не имела права позволить Зеленому умереть.

Его спасли. Ценой жизни брата Антон, ослабевший, измученный, но преисполненный благодарности к Линде и (в первый раз в жизни!) охваченный ненавистью к темным, вернулся в мир. Спасти Стаса от боли не вышло. Теперь его душа изнывала от потери Максима, но, по крайней мере, волшебница сделала все, что было в ее власти, поставив на карту даже собственную жизнь.

Линда откинулась на спинку кресла, сминая между пальцев очередной свиток, полученный от Ромильды. Все реже и реже Мать Цветов доставляла по-настоящему ценные сведения, то ли списав ученицу со счетов, то ли просто устав от дел.

Поглощенная собственными воспоминаниями, она не заметила, как стемнело. Сквозь шторы с улицы не проникал ни единый лучик света. И маломощный магический шар, болтающийся под самым потолком, уже не мог рассеять царивший в комнате полумрак. Детвора давно

разбрелась по комнатам пить горячее молоко и, укрывшись одеялами, готовиться к таинственной встрече с Морфеем.

Солнечный Свет встала и, подойдя к окну, откинула тяжелую ткань, вдыхая полной грудью ночной воздух.

Скоро будет война. Она удивлялась, что Испанский Дьявол медлит с ответом. С момента вызволения Антона из плена минуло больше трех месяцев, а темный продолжал бездействовать, никак не реагируя на проникновение, унесшее жизни не одного десятка его воинов. Эта задержка настораживала. Сантьяго никогда никому ничего не прощал.

Линда нажала скрытую пружину. Окно тут же превратилось в дверь, выпустившую волшебницу на улицу. Во дворе стояла полная тишина, изредка нарушаемая негромкими разговорами дежурных «львов».

Обойдя стену по периметру и обменявшись коронными фразами с главами рабочих групп, Линда углубилась в замковый парк. В прежние времена здесь частенько можно было застать влюбленные парочки, теперь же в темных аллеях стояла гулкая тишина. Свободные от заданий воители предпочитали отсыпаться впрок, а не бегать на свидания. Все ждали войны.

Пройдясь вдоль знакомых до мелочей посадок, Линда пришла на маленькую поляну, скрытую заклинаниями от посторонних глаз. Сюда не было доступа никому, даже Стасу. Это была ее маленькая тайна, ее убежище. Только здесь она чувствовала себя спокойно и могла хоть немного расслабиться. Сегодня это оказалось непросто. Сказывалось напряжение последних месяцев, постоянное ожидание удара. Даже редкие нападки темных, решивших что-нибудь украсть или о чем-нибудь пронюхать, прекратились, только усиливая чувство надвигающейся катастрофы. Солнечный Свет свернула большую часть операций, сейчас на счету была каждая жизнь, а то, что по своду магических законов воители обязаны были стараться выводить из строя, но не убивать противников, не могло спасти всех. Никогда не спасало. Многие гибли – кто случайно, кто по глупости, кто сводил старые счеты, а кто просто наткнулся на беспринципного врага, ни в грош не ставящего чужие жизни, или попадал в плен, частенько выходя оттуда в облике подвластного темному магу вампира.

Линда растянулась на мягкой траве, заросшей ее любимыми желтыми одуванчиками.

Звезды ярко блестели на черном небе. Полная луна висела прямо над головой. Теплый воздух ласкал кожу. Неважно, что за стенами замка царит сентябрь, в ее доме всегда была весна, которую Линда любила с детства, как пору любви и расцвета.

На Солнечный Свет неумолимо надвигалось первое в жизни открытое противостояние, в результате которого выживет сильнейший, и никто, даже самый отъявленный оптимист, в этой битве не поставит на нее.

Линда закрыла глаза, призывая магический сон. Обычный не шел к ней вот уже несколько месяцев. Приятная дрема опускалась будто сверху, постепенно заволакивая разум, освобождая его от тяжелых мыслей.

Луну закрыло одинокое белое облачко. Рядом с поляной пробежала возвращающаяся с ночного свидания девушка, громко цокая каблучками по выложенной камнем дорожке. Но вечно юная волшебница этого уже не слышала. Она погрузилась в мир грез, далекий от тревог и волнений.

Она снова была маленькой девочкой, Макар держал ее на руках, а Стас, еще совсем молодой, протягивал ей венок из одуванчиков. Она весело смеялась, стуча по коленям брата ногами, обутыми в крохотные лапти. Вокруг кузницы ее отца буйством красок разгулялась пятая в ее жизни весна...

Она была счастлива.

Часть 2

Макар

Сентябрь 2008 года – апрель 2009 года

– Значит, будет война? – Влад не то спрашивал, не то утверждал, осторожно потягиваясь, стараясь не тревожить висящую на перевязи раненую руку. Сегодня ему крепко досталось, и теперь, шипя от боли, Фиолетовый пытался устроиться поудобнее, надеясь, что так раны быстрее затянутся.

– Ты только догадался? – поинтересовалась Соня, настроение у нее было отвратительное, и риторический вопрос мужа не добавлял энтузиазма.

– Скорее бы уже, – вздохнула Хадижа. Она, как и все, устала от бесконечного ожидания, тянувшегося уже три с половиной месяца.

– Ты еще будешь вспоминать об этих деньках с улыбкой, когда гроза разразится, – возразил Стас. Его тоже зацепило шальной пулей, но, в отличие от Влада, которому достался осколок магии, выпущенный из шара с заклятием боли, чувствовал он себя вполне неплохо. Только шрам, оставшийся на месте недавней кровоточащей раны, сильно чесался. В довершение ко всем бедам, сыплющимся на них в последнее время словно из рога изобилия, это раздражало.

– Ничуть не сомневаюсь, – отозвалась арабка и, потянувшись за сигаретой, с визгом рассерженной кошки отдернула руку. – Лиза! – завопила Розовая. – Когда тебе надоест упражняться в этих дурацких заклинаниях?

Последнее время в преддверие скорой войны Линда взялась всерьез за обучение Лизы магии, вернее, тем основам, которые девушке были доступны, и, как примерная ученица, Голубая практиковалась в любую свободную минуту. Прекрасно сознавая, насколько скудны ее возможности, она старалась взять усердием и постоянными тренировками. Вот и сейчас девушка наложила на пачку сигарет простейшее заклинание, индуцирующее слабенький разряд электрического тока, и с нетерпением ждала, когда кому-нибудь приспичит покурить. Последнее время эта потребность возникала у всех, причем довольно часто. Сказывался постоянный стресс.

– Мама! Мама! Дядя Антон!

Со второго этажа по лестнице кубарем скатился упитанный мальчуган, размахивая зажатой в руках длинной палкой, видимо выполнявшей роль меча.

Парнишка подбежал к развалившейся в кресле дремлющей Алине, оглядел ее серьезным детским взглядом и, решив, что сонная мама вряд ли восхитится его умением владеть «оружием», подлетел к сидевшему неподалеку дядьке, размахнулся и попытался ударить его палкой. Антон со шкодливой улыбкой легко парировал удар подвернувшимся под руку пультом от телевизора.

– Ты должен бил упасть и уметь, – обиженно прогнусавил мальчик, откидывая бесполезное «оружие» в сторону и опуская наполнившиеся слезами глаза.

– А я упал. Смотри! – Антон картинно развалился на диване и под дружный смех измотанных друзей задрал кверху ноги и высунул язык, по-собачьи свесив его набок.

– Упаль, упаль, упаль, – пританцовывал на месте парнишка, задорно хлопая в ладоши.

– Антоша, отстань от дяди, – не открывая глаз, проямлила Алина.

– Ну, мама! – умоляюще пропищал Антоша и положил голову матери на колени, зная, что за ласку она простит ему все и даже не будет мешать играть с другими взрослыми. Алина лениво погладила сына по светлым волосам, привычным движением взлохматив их и пропустив между пальцами. Хорошо, что у мальчика хороший сон. Сегодня ему пришлось ночевать в загородном доме под присмотром соседки из подразделения «котов», в то время как они вместо празднования Лизиного дня рождения отправились отвлекать внимание темных от группы

разведки. Что Линда хотела получить от этой операции, они не знали, но наверняка что-то важное. На пороге открытого противостояния без острой необходимости волшебница никого на задания не гоняла, а Матиас Гость Из Прошлого был вольным магом и даже не принадлежал к пресловутой коалиции Смерти. В любом случае, веселиться никому не хотелось, гибель Максима все еще витала над группой черной тенью, отзываясь непрекращающимся зудом в знаке и пустотой в душе, от которой порой хотелось выть на луну.

– Что сегодня будем делать? – поинтересовался Роберт. Он был единственным, кому удавалось хоть изредка просыпаться в хорошем настроении, вот и сейчас американец откупоривал очередную бутылку бренди, с самым беззаботным видом пододвигая поближе стакан.

– Хватит пить, – огрызнулась Хадижа, сумевшая-таки добраться до вожаемой сигареты, но из-за присутствия в комнате ребенка не имеющая возможность прикурить. Последнее время Розовая частенько бывала не в духе, чего раньше за ней не наблюдалось.

– Я чуть-чуть, – улыбнулся Роберт и махом осушил полный стакан сорокаградусной жидкости, пока жена не отобрала. Но Хадижа слишком устала и была не в настроении спорить, поэтому просто махнула рукой и, прихватив со стола зажигалку, отправилась курить на улицу. Соня к ней присоединилась, по дороге хлебнув робертовского пойла прямо из горла.

– Можем отпраздновать Лизин день рождения, – неуверенно предложил Влад, косясь на холодильник, где со вчерашнего дня было припрятано ведро замаринованного, но так и не пожаренного шашлыка.

– Боюсь, нам надо навеститься к моим родителям, – сообщила Алина, успевшая проснуться под настойчивые тычки сына. Сказать предкам о смерти Макса она пока не решилась. Далекие от мира бессмертных, мама с папой вряд ли смогли бы понять, что приключилось с зятем. А уж о таинственном воскрешении приснопамятного Антона при них вообще заикаться не стоило. Вот и решили, что Зеленый будет играть роль брата, изредка навещаясь на свидания с родителями. Каждый раз Алина с ужасом ждала, что маленький Антоша проговорится и заставит бабушку с дедушкой вспылать праведным гневом, но развитый не по годам мальчик молчал, послушно в их присутствии называя дядю папой. Сыну Серебряная правды тоже не рассказала: у нее просто язык не повернулся заявить полуторагодовалому ребенку, что его отец погиб, выполняя задание. С помощью Лизы и Хадижи они объяснили пареньку, что папа получил новое назначение и теперь служит за порталом в иные миры, откуда, к сожалению, в отпуск приехать можно только через десять лет. Мальчик долго плакал, звал отца по ночам, но в конце концов привык и больше о Максиме не вспоминал, в отличие от всех остальных.

– Во сколько ты с Еленой Николаевной договорилась? – поинтересовался Антон, которому претило играть роль покойного брата, но поставить Алину, перед которой он и так был кругом виноват, в затруднительное положение он не мог. Да это и не сложно – пару раз в месяц ездить в гости к милым людям и изредка откликаться на чужое имя.

– На три, – подумав, ответила Серебряная и взглянула на часы.

– Тогда вам пора, – сообщила Лиза.

Алина и Антон покорно встали и, разойдясь по комнатам, принялись приводить себя в порядок. Являться к родителям с запекшейся на лице кровью, спутанными грязными волосами и в порванной одежде было несколько опрометчиво.

Через час все трое: Зеленый, Серебряная и ее сын – уже сидели в новенькой «хонде», купленной Антоном взамен растащенного дворовыми пацанами на запчасти седьмого «БМВ», а то, что не приглянулось хулиганам, так добротнo проржавело, что не годилось даже для сдачи на металлолом.

Пристегнутый к автомобильному креслу мальчуган всю пинал дядю ногами в спину.

– Антон, не пихайся, – строго сказала Алина, заметив действия сына, но он только довольно улыбнулся и принялся еще настойчивее колотить в спинку водительского сидения.

– Ты мне массаж делаешь? – вежливо поинтересовался Антон, сворачивая с проселочной дороги, ведущей от коттеджного поселка воителей на трассу.

– Ага, – подтвердил пацан с самым довольным видом.

– Ты помнишь, что при бабушке и дедушке дядю Антона надо называть папой? – на всякий случай спросила Алина.

– Ага, – еще раз авторитетно заявил Антоша, разглядывая проплывающий за окном пейзаж.

– Очень устала? – заботливо осведомился Антон, отрываясь от дороги и внимательно вглядываясь в лицо Серебряной.

– Справлюсь, – честно призналась Алина. – Скорее бы все уже закончилось, – со вздохом проговорила она, имея в виду предстоящую войну.

– Не уверен, что у этой сказки будет счастливый конец. – Антон резко нажал на гудок, подгоняя нерасторопную даму на «школе», зачем-то едущую со скоростью шестьдесят километров в час в левом ряду.

– Любой конец лучше ожидания, – возразила Алина, не слишком веря в свои слова.

Антон, заметив ее состояние, убрал одну руку с руля и осторожно погладил по плечу.

– У нас все получится, обязано получиться, кто-то должен, наконец, положить конец злодеяниям Испанского Дьявола.

– Дядя, дядя, – раздался сзади голос Антоши, – а почему там дельвья желтые, а вон там класные?

– Потому что осень, дорогой, – спокойно ответил Антон.

– А где зеленые? – допытывался мальчик.

– Осенью не бывает зеленых, деревья переодеваются, как мама перед вечеринкой.

– А, так значит у дельвьев вечелинка! – с умным видом изрек Антоша, не вполне поняв смысл слова «вечеринка».

Остальную часть пути проехали в молчании. Мальчик уснул, убаюканный равномерным движением. Антон следил за дорогой, в честь выходного дня переполненной машинами любителей дачного отдыха, благо большая их часть двигалась в противоположную им сторону. А Алина тихонько подпевала знакомой старой песенке, которую крутили по радио уже второй раз за последний час.

«Хонда» припарковалась у подъезда. Алина выключила радио и откинулась на спинку сидения, обреченно вздохнув. Идти к родителям не хотелось. Она не любила вранья, а все разговоры сводились к сплошной лжи, в которой недолго и запутаться. Так было еще при жизни Максима, когда им приходилось сочинять небылицы о происхождении огромных финансовых средств, о частых ночных отлучках, во время которых безотказным бабушке с дедушкой приходилось сидеть с внуком, о ее внешности, не меняющейся из года в год, благо в том возрасте, который числился в свидетельстве о рождении Серебряной никто не ждал многочисленных морщин, и о многом другом, что было неотъемлемой частью ее жизни и о чем им знать не полагалось. Теперь, когда вместо Максима вместе с ней к родителям приходил Антон, выдававший себя за погибшего брата, все стало еще хуже.

Антон протянул руку к бардачку, задев ее колено рукой. На секунду Алина почувствовала разряд электрического тока, пробежавший по коже, но привычно не обратила на него внимание. Напряжение, имеющее вполне очевидный характер, постоянно присутствовало между ними, постепенно усиливаясь и то и дело грозя вылиться во что-то большее, нежели дружеские отношения, которые они решили сохранять, по крайней мере, пока. С каждым днем держать себя в рамках становилось труднее, но память о Максе была еще слишком свежа, и оба, уважая

ее, сдерживали инстинктивные порывы, заставлявшие их изголодавшиеся друг по другу тела стремиться к утолению навязчивой страсти.

Антон достал маленький контейнер для линз и, приладив небольшое зеркальце на панель управления, принялся осторожно надевать их. Еще перед первым визитом к Алининым родителям они решили, что лучше бы добавить их вранью достоверности и заказали линзы, по цвету напоминавшие редкий цвет глаз Максима.

Закончив со своим кропотливым и не слишком приятным занятием, Антон повернулся к Алине, посмотрел на нее своими новыми золотыми глазами. Серебряная от неожиданности вздрогнула. Антон с горящим золотым огнем взглядом был практически неотличим от брата. Если бы не хужоба, от которой после плена Зеленый так и не смог избавиться, она и сама могла бы ошибиться.

– Похож? – понимающе улыбнулся Антон. Она молча кивнула, сглотнув вставший в горле комок.

Зеленый первым вышел из машины, приоткрыл перед Алиной дверцу и, галантно протянув ей руку, помог выбраться наружу. Слишком высокие каблуки мешали нормально двигаться, и Серебряная уже успела раз сто проклясть идиотскую идею разрядиться, словно на праздник. С другой стороны, надо же было хоть куда-то носить гору красивой и ужасно дорогой одежды, которая без толку пылилась в шкафу.

Антон вытащил с заднего сидения все еще дремлющего мальчугана. Пикнула сигнализация, автоматически блокируя двери, мигнули и тут же снова погасли фары.

Проходя через двор, в котором прошло ее детство, Алина невольно вспомнила, как Антон впервые провожал ее домой. Как же тогда все было просто и понятно: только она, и он, и легкие шестилучные снежинки, падающие с утреннего новогоднего неба.

Подавив невольный вздох, Серебряная нажала цифры домофона. Антон с мечтательным выражением лица, придававшим ему невыразимую прелесть, оглянулся назад. Видимо, он думал о том же, о чем и она. Алина уже привыкла, что их мысли всегда идут в одном направлении, и даже годы разлуки не смогли этого изменить.

– Кто? – послышался родной голос мамы.

– Мы, – ответила Серебряная, дергая за железную ручку двери. Девушка вспомнила, какой тяжелой она казалась когда-то.

Гостей встретил отец. Дмитрий Олегович с радостной улыбкой поцеловал дочь и пожал руку «зятю».

– Проходите, проходите, мы вас уже ждали, – бубнил он, буквально стаскивая с Алины плащ. – А вот и наш маленький принц!

Дед протянул руки к мальчику, тот лишь недовольно проворчал что-то на своем детском языке и, крепче прижавшись к дяде, продолжил спать.

– Я приготовила твои любимые салаты! – крикнула из кухни мама. – Мойте руки.

Антон так и стоял в дверях, не зная, что делать дальше. В отличие от Максима, он чувствовал себя страшно неловко в обществе Алининых родителей – то ли из-за вранья, то ли из-за неослабевающего чувства вины, то ли из-за всего сразу.

– Давай его сюда, отнесу в спальню, пусть выспится, – прошептал Дмитрий Олегович и, ловко перехватив внука, понес в дальнюю комнату. Антон, избавившись от ноши, быстро разделся и отправился вслед за Алиной в ванную.

Через пятнадцать минут все уже сидели в гостиной с полными тарелками разносолов, которые неизменно готовила Елена Николаевна к каждому визиту дорогой дочери.

– Как у тебя на работе, Максим? – поинтересовался Дмитрий Олегович, разливая по стопкам не слишком дорогую и омерзительно противную водку.

– Лучше не бывает, – стараясь копировать манеру разговора брата, ответил Антон, – сделка за сделкой. Так что, скорее всего, отправимся с Алинкой в отпуск, этак на месяцок.

Серебряная согласно кивнула, подкладывая «мужу» новую порцию салата. Она знала, что, в отличие от Макса, который мог пить все, что угодно, Антон предпочитал только дорогие напитки, причем в умеренных количествах, но, учитывая ситуацию, должен был «наслаждаться» любимой папиной водкой, оставлявшей гурмана желать много лучшего.

– Счастливые! – протянула Елена Николаевна. – Вот бы ты, Дим, меня тоже на море свозил. А то уже три года дальше дачи не выбирались.

– Леночка, обязательно, вот только на работе все наладится, – отмахнулся Дмитрий Олегович.

Эти слова его жена слышала из года в год. Лишь несколько раз за всю совместную жизнь истериками и угрозами ей удалось выманить домоседа погреть косточки где-нибудь на пляже, да и то ездить приходилось исключительно туда, куда можно добраться на поезде. Самолетов отец Алины боялся панически.

В целом ужин прошел неплохо. Примерно через час проснулся Антошка и принялся носиться по квартире, махая по очереди всеми продолговатыми предметами.

– Что-то вы Антошеньку перестали у нас оставлять, – сетовала Елена Николаевна, когда уже вся честная компания, не в силах ни есть, ни пить, перебралась на диван.

– Не хотели вас лишний раз беспокоить, – ответила Алина, чувствуя, что настроение несколько улучшилось, и блаженно облокотилась на плечо Антона. Родители не обратили на ее жест никакого внимания, зато Зеленый от неожиданности вздрогнул, задев локтем стоявшую на журнальном столике вазу. Алина подхватила хрустальный сосуд на лету, водрузила на место и с укором посмотрела на парня – тот только виновато опустил глаза.

– Ловко ты ее, – рассмеялся довольный жизнью Дмитрий Олегович.

– Летела медленно, – отшутилась Алина.

– Дочка, – продолжила мама начатую тему, – нам не в тягость лишний раз посидеть с внучком. – При этих словах «внучок» ощутимо ткнул бабушку под ребра, за что немедленно получил от Алины по известному месту. – Вот, например, сегодня, оставляйте его у нас. Вам ведь и вдвоем побыть хочется... Уж я-то знаю.

Алина почувствовала, как заливается краской. Мать, заметив реакцию дочки, восприняла ее по-своему и продолжала настаивать, пока та не согласилась. В конце концов, решила Серебряная, выспаться хоть одну ночь ей явно не повредит.

Родители буквально вытолкали «счастливую парочку» за дверь, желая приятно провести выходные.

– Какие планы? – поинтересовался Антон, расставаясь с линзами еще в подъезде.

– Не знаю, – пожалла плечами Алина, – отвезешь меня домой, завалюсь в ванну, перечитаю какой-нибудь добрый роман и улягусь спать.

– Есть другое предложение, – Антон замялся: каждый раз, приглашая куда-нибудь Алину, он заметно стеснялся. – Звонил Роб. Просил спасти его от очередного просмотра «Унесенных ветром».

Алина фыркнула, нездоровая любовь Хадижи к этому фильму давно вошла в легенды. Она считала, что таким образом становится ближе к мужу, родившемуся в Вирджинии вскоре после окончания американской гражданской войны. Самого Роберта уже тошнило от всего, что хоть чуть-чуть напоминало пресловутый фильм.

– Они не остались в коттедже? – поинтересовалась она.

– Нет, Соня всех достала. Устроила Владу разнос из-за какой-то ерунды, в результате лишние свидетели предпочли подобра-поздорову сбежать как можно дальше.

– Что ж, поехали, – внезапно согласилась Алина, решив перенести на другой раз и долгую ванну, и добрый роман, и крепкий сон.

По дороге они зашли в неплохой магазин коллекционных вин, Антон взял три бутылки красного. Судя по надписи на этикетке, разлили его еще до рождения Зеленого. В это Алина

верила слабо, но, зная страсть товарища к хорошим напиткам, не стала портить ему настроение.

– Ты хоть предупредил, что мы приедем? – запоздало спохватилась Алина, когда Антон уже нажал на дверной звонок.

– Нет, я в любом случае обещал Роберту заехать, так что...

Договорить Зеленый не успел. На пороге возникла Хадижа в легком голубом халатике на голое тело и с огуречной маской на лице. Зачем воительнице маски, если кожа, охраняемая знаком от малейшего повреждения и тем более старения, у всех женщин, посвятивших жизнь нелегкому служению магам, всегда выглядела отлично, Алина не знала, но к причудам подруги успела привыкнуть.

– А мы тут «Унесенные ветром» смотрим! – зашебетала Розовая, приглашая гостей внутрь.

Одного взгляда на экран хватило, чтобы понять: полностью спасти Роберта от ненавистного просмотра они не успели. Ретт Батлер уже вовсю целовал перепуганную Скарлетт среди испепеленных войной окрестностей.

– Отлично, – улыбнулся Антон и протянул Розовой купленное по пути вино. Хадижа радостно хлопнула в ладоши, взяла бутылки и отправилась на кухню доставать бокалы.

– Вы вовремя, – шепнул Роберт и тут же с как можно более мечтательным видом уставился в телевизор. Вернулась Хадижа.

– Вот три бокала, Роби опять свою гадость хлещет, – скривилась арабка, с неодобрением покосившись на бутылку американского бренди, и поставила по высокому фужеру перед гостями.

– Я, пожалуй, присоединюсь к нему, – неожиданно для себя выпалила Алина. Настроение начало стремительно улучшаться, и ей страшно хотелось закрепить эффект. К тому же напиток, как школьница на выпускном, иногда очень даже полезно. Роберт одобрительно хмыкнул и плеснул Серебряной бренди.

– Ну, тогда я, наверное, с вами. Понижать градус все равно нехорошо, – улыбнулся Антон, наливая вино удивленной Хадиже, и перехватил у Роберта бокал с более крепким напитком.

Фильм Розовая выключить не разрешила, но на экран смотрела в гордом одиночестве, периодически шмыгая носом.

Алина почувствовала, что хмелеет. Тяжелые мысли одна за другой покидали голову, оставляя только радужные и веселые. Так как последних было не очень много, внутри черепной коробки воцарилась гулкая пустота, зеркально отражающаяся от хорошего настроения.

– Слушай, Роб, а кем ты был до того, как пришел к Линде? – Алина знала уже истории всех членов группы, только о прошлом Оранжевого никогда раньше не спрашивала.

– А я уж думал, ты напрочь лишена любопытства, – осклабился Роберт, разливая новую порцию алкоголя. – Разве Макс тебе не рассказывал?

Имя Бордового отозвалось болезненным покалыванием в знаке. Антон разом махнул содержимое своего бокала, Хадижа еще сосредоточеннее уставилась в телевизор.

– Нет, не рассказывал, – честно призналась Серебряная.

– Что ж, слушай, – с наигранной серьезностью принялся излагать Роберт. – Хоть в группу я пришел на несколько лет позже Влада, на свет мы появились в один год. Он старше меня всего на семь месяцев. Я родился в тысяча восемьсот шестьдесят девятом в Вирджинии. До войны мой отец был крупным плантатором. В его распоряжении находилось огромное количество рабов и большой, необыкновенно красивый особняк, в котором чуть ли не каждые выходные устраивали грандиозные балы. На них съезжались все сливки местного высшего общества. По крайней мере, так мне рассказывала мать. Я этого великолепия не застал. Когда конфедерация проиграла, отец потерял все. Вместо бывшего дворца пришлось довольствоваться маленькой лачугой на территории поместья, некогда принадлежавшего нашей семье. От дома осталось

одно пепелище, а вокруг строили свои жилища янки и освобожденные ими негры. Денег не было буквально ни на что. Родители, словно рабы, впахивали на новых хозяев, но даже это не спасало от нищеты, убившей дух отца и красоту матери. У меня было три старших сестры. Мэри и Кэт вошли в возраст еще до войны, но вот обзавестись мужьями не успели. Они были еще слишком молоды, и хоть желающих получить пусть не очень красивую, зато богатую невесту было много, ни один не показался им достойной партией. Они ждали принца на белом коне, а вместо этого дождались войны, загубившей на корню все их надежды. От постигшего их разочарования сестрички стали невыносимы. Они злобствовали по поводу и без и кидались на любого представителя мужского пола, проходящего мимо. Однако, как я уже сказал, красавицами они не были никогда, а теперь еще стали нищими, сварливыми и великовозрастными, так что желающих жениться не находилось. Дэниэл было всего двенадцать, и бывшее величие семьи она почти не помнила. Да и внешне она значительно превосходила старших сестриц. Так что из всей семейки она единственная наслаждалась жизнью, насколько это было возможно в наших стесненных обстоятельствах. Бесконечные слезы матери, отец, от которого постоянно пахло дешевым спиртным, и надоедливые сестры, способные довести до белого каления даже ангела, сделали детство не самым счастливым периодом моей жизни. Когда среднюю, Кэти, все же взял замуж сын бывшего друга отца, такой же нищий и унылый, я вздохнул с облегчением. Впрочем, Мэри постаралась, чтобы легче не стало. От зависти она прямо-таки лопалась, истекала ядом и превратилась в совершенно несносную особу. К тому же Кэти, получив то, что, казалось бы, хотела, каждые выходные прибегала домой и плакалась, как она несчастна. Конечно, родители берегли любимых дочек, работая вместо них. А муженек предпочитал пить, взвалив всю тяжелую работу на нашу белоручку. Кроме того, уже к концу третьего года супружества у нее было трое детей, двое последних, близнецы, не давали матери времени даже присесть, стараясь день и ночь переорать друг друга. От подобной жизни Дэниэл, единственная моя отрада, сбежала с янки, едва достигнув шестнадцатилетия. Отец рвал и метал: как же так – убежать с врагом. Позор! И пил еще больше прежнего. Вскоре Мэри пала еще ниже. Она спуталась с негром, бывшим рабом родителей, и, не выходя за него замуж, родила очаровательную девочку. Не перенеся собственного позора, она покончила с собой. После этого жизнь в отчем доме стала вообще напоминать ад. К пятнадцати я уже думал только о том, чтобы как можно быстрее сбежать и желательно никогда не возвращаться. Так я и поступил, подбив на сомнительную авантюру приятеля, о чем жалею до сих пор. Дороги в те времена были не спокойны. И, едва выбравшись из города, мы встретились с бандой, промышлявшей чужими кошельками. Крис не пережил этого приключения, в отличие от меня. В ту ночь я совершил первые в своей жизни убийства. Путешествовать по стране оказалось не таким легким и безопасным делом, как мне казалось, особенно без денег и определенной цели. Я нанимался то к одному, то к другому. Иногда чинил крыши, иногда таскал тяжелые мешки, а то и вовсе не хуже иной бабы мыл полы. Но платили за это гроши. И вскоре, устав от вечного голода, я начал заниматься делами более выгодными, – Роберт презрительно хмыкнул. – Я стал вором и по совместительству наемником, частенько лишая жизни тех, кто чем-то не угодил моему работодателю. То, что лично мне несчастный не сделал ровным счетом ничего, меня не сильно заботило. В карманах зазвенели деньги, и жизнь наладилась. Я превратился в завсегдатая притонов и кабаков. Научился играть в покер. Вернее, мухлевать. Равных мне в шулерском искусстве не было. Через некоторое время я практически завязал с воровством и убийствами, лишь иногда соглашаясь на самые выгодные заказы. Я без труда переключился на новый, как мне тогда казалось, более благородный стиль жизни, вверив свою судьбу и кошелек госпоже фортуне. Естественно, подолгу на одном месте я не задерживался, и туда, где уже был, никогда не возвращался. Я не сразу заметил, что ноги несут меня напрямик в Нью-Йорк. Преимущественно я выбирал направление наугад и, оказавшись в по-настоящему крупном городе, растерялся. Там я попытался вести прежний образ жизни. Но умельцев хватало и без меня. К тому же все

вакантные места шулеров, воров, убийц и мошенников давно были заняты. Местная братва лихо воспротивилась моему вторжению на их территорию и едва не перерезала горло в темном переулке. Улизнул я чудом. По-быстрому провернув одно очень грязное, но весьма прибыльное дело, подкинутое случайно встреченным старым клиентом, я сел на первый попавшийся корабль, отплывающий в Старый Свет. Денег хватило на билет в трюме, но и это было уже что-то. Корабль оказался невезучим. Подобно своему будущему собрату «Титанику», он умудрился напороться на айсберг и отправился ко дну вместе со всеми своими пассажирами. Я барахтался в ледяной воде из последних сил, прощаясь с жизнью и безбожно матерясь. Неожиданно, когда на поверхности нас осталось всего двое, я и еще один парень, судя по промокшей, изодранной одежде путешествовавший первым классом, я заметил одну странность. Незнакомец достал из кармана какой-то камень, потерял его, и тут же перед ним возникло море, сквозь которое просвечивал отнюдь не ночной пейзаж безбрежного океана. Что это было, я не знал, но, не раздумывая, вцепился в не ожидавшего от меня такой прыти попутчика. Естественно, в других обстоятельствах он мог с легкостью от меня отбиться, но, находясь наполовину в портале, сопротивляться себе дороже. Так я оказался прямо во внутреннем дворе замка Кристофера Танцора. Маг, мягко сказать, моему визиту не обрадовался. Но гринписовцы лишней раз ручки не пачкают, так что жизнь мне сохранили. Да еще и предложили присоединиться к бессмертной и весьма обеспеченной братии. Я, естественно, согласился. К сожалению, сканирование показало, что для коалиции Природы я совершенно бесполезен, даже как служащий у порталов. Кристофер почти решил подкорректировать мне память и отпустить на все четыре стороны, когда с визитом к нему явилась Линда. Танцор предложил ей меня, и она, к моему огромному облегчению, согласилась. Меня немного пугало путешествие в далекую Россию, но лучше уж быть бессмертным богачом в стране снегов, чем нищим смертным в самом уютном уголке Земли. По крайней мере, так я тогда решил и никогда не жалел о своем выборе. Что было дальше, ты знаешь... Спустя несколько лет, я отправился в Америку, хотел по возможности помочь своим бедным родственникам, разумеется не раскрывая инкогнито. Как выяснилось, моя мать умерла от чахотки через год после моего бегства, а спившийся отец сгорел в собственном доме буквально через месяц. Кэти забрала к себе дочь Мэри. Правда, с девочкой обращались из рук вон плохо, но повлиять на это я не мог никак. Сама она успела обзавестись еще шестью пискунами и умерла при десятых родах. Дэниэл жила в достатке. Муж ее, хоть и янки, оказался человеком достойным. Оставив приличную сумму вдовцу Кэти, предварительно составив соответствующие бумаги, согласно которым он ими мог пользоваться только в интересах детей, я вернулся назад, больше о своих родственниках я никогда не слышал, но, думаю, учитывая многочисленное потомство сестер, немало их и по сей день бегают по просторам Штатов.

Из гостей Антон и Алина вышли изрядно захмелевшие. Пахло прелой листвой и недавно закончившимся дождем. Редкие машины проносились мимо, слепя глаза яркими фарами.

Домой Серебряной не хотелось, но что-либо предложить она не решалась. Поэтому, когда Зеленый открыл перед ней дверцу машины, она покорно села внутрь и принялась переключать радиостанции. Остановившись на веселой композиции восьмидесятых, она оставила ручку приемника в покое и откинулась на спинку сидения.

– Хо-ро-шо, – растягивая каждый слог, проговорила Алина, затягиваясь только что прикурной сигаретой.

– Не то слово, – согласился Антон. На его щеках, последнее время отличавшихся нездоровой бледностью, разгорелся румянец. Глаза светились, а на губах играла беззаботная улыбка... Именно таким Серебряная помнила его – жизнерадостным, счастливым, полным сил.

– Как насчет продолжения банкета? – обратился Антон к Алине, когда «хонда» выскользнула на большую дорогу и пристроилась в левом ряду за чьим-то навороченным «мерсом».

– Согласна, – улыбнулась девушка.

– Тогда прокатимся, – Антон надавил на газ и, без усилий обогнав «мерседес», вписался в поворот.

«Раньше он не позволял себе подобных опасных вольностей», – мелькнуло в голове у Алины. Впрочем, раньше она была хрупкой смертной, способной погибнуть от легкого удара головой о переднюю панель.

Около часа они носились по городу, весело хохоча и подпевая старым песням. Окна были открыты, впуская в салон бодрящий осенний воздух. Алина успела полностью протрезветь, но настроение и не думало ухудшаться.

– Может, по кофе? – решила она, указывая на первый попавшийся кабак с призывно горящей вывеской.

– «За», – согласился Антон и залихватски припарковался у обочины.

В небольшом душном зале было не больше десяти столов. Заняты из них оказались только три, и припозднившиеся посетители пили отнюдь не кофе.

– Два кофе, тирамису и чизкейк, – сообщил Зеленый лениво подошедшей девушке. Та молча кивнула и, сунув в карман фартука непригодившийся блокнот, отправилась выполнить заказ.

– Приятное местечко, – сказала Алина, усаживаясь поудобнее.

– Считаешь? – весело прыснул Антон, критически оглядывая довольно грязное помещение с висящими под потолком клубами дыма.

– Совершенно уверена. Ты посмотри: бармен не спит, тараканов нет, дверь закрывается сама, и даже музыка не орет.

– Еще и официантка подошла меньше, чем через час.

– Се-е-рвис!

Встретившись взглядами, они весело рассмеялись. Кофе оказался слабым, а пирожные малосъедобными, но этого никто не заметил. Антон и Алина слишком увлеклись беседой, вспоминая дни, когда они так же сидели за столиками разных не слишком дорогих кафешек, а между ними неизменно стоял букет цветов, подаренный влюбленным парнем.

– Подожди минутку, – внезапно сказал Антон и как ошпаренный выбежал на улицу. Алина не успела удивиться, как Зеленый появился в дверях с целой охапкой роз.

– Принесите вазу, – бросила Серебряная официантке и опустила лицо к цветам. Белые и красные, они прекрасно дополняли друг друга. – Где ты их взял?

– Видел палатку на другой стороне улицы, – пожал плечами Антон, вполне довольный произведенным эффектом.

– Красивые... – Алина опустила букет в принесенную девушкой бадью. – Почти как раньше...

– Раньше все было проще.

– Для меня, для тебя нет, – не согласилась Алина. – Сейчас перед тобой не стоит выбор.

– От этого не легче, – Антон проглотил последний кусочек чизкейка. – Но сегодня отличный день.

– Ночь, – поправила Серебряная, убирая за уши падающие на лицо волосы.

– Ты замечательно выглядишь. – Зеленый дотронулся до кончика спадающих до талии локонов.

– Может, пойдем на улицу? – Алина смутилась. Пристальный взгляд зеленых глаз сквозь полураспустившиеся красно-белые бутоны бередил воспоминания, будил чувства, для которых еще было слишком рано.

Антон бросил на стол крупную купюру. Не дожидаясь сдачи, подал Серебряной плащ и, придерживая дверь, пропустил ее вперед.

Они пошли пешком, не зная, куда идут, и не думая – зачем. Мелкий дождик то начинался, то затихал, а они все бродили по опустевшим улицам чужого района.

– Кажется, мы заблудились, – часа через два констатировал факт Антон.

– Теперь нас наверняка съедят волки, – Алина сделала бешеные глаза и, не удержавшись, прыснула со смеху.

– Наверняка!.. Поэтому предлагаю поймать такси, – Зеленый подошел близко, слишком близко. Она чувствовала запах ментоловой жвачки, смешанный с ароматом табака и бренди, едва уловимый амбре лосьона после бритья, слышала, как тикают часы на его запястье, отсчитывая оставшееся до утра время, могла рассмотреть каждый волосок, аккуратно уложенный гелем в рукотворный беспорядок.

– Не хочу домой, – честно призналась Алина, не в силах оторваться от созерцания его лица.

– У меня есть пара-тройка фильмов, которые можно посмотреть... – Антон выжидательное смотрел на нее, она лишь кивнула, соглашаясь. Зеленый вышел на обочину, поднял руку и, притормозив первые попавшиеся «жигули», назвал адрес.

В элитном жилом комплексе на Кутузовском проспекте, где находилась квартира Антона, Алина не была с того памятного дня, когда Максим показал своей девушке, как на самом деле жил его брат.

Уютный уголок, созданный Зеленым для жилья, претерпел множество изменений. Больше не было ни пыли, ни паутины, ни плесени. Повсюду висели рубашки, футболки, на журнальном столике приютилась пачка открытых сигарет и недопитая бутылка пива. У телевизора стояла стопка дисков с новинками, вышедшими начиная с двухтысячного. Серебряная с улыбкой отметила присутствие таких шедевров, как «Властелин Колец», первые пять нашумевших фильмов о Гарри Поттере и многие другие экшны, премьеры которых давно отгремели и которые Антон пропустил, будучи в плену.

– Вино? Мартини? Или что покрепче? – спросил Зеленый, открывая бар.

– Мартини, его мы сегодня еще не пили, – усмехнулась Алина и присела на мягкий бежевый диван.

Антон налил полный бокал и протянул девушке.

– Извини, сока и льда нет. Я не ждал гостей.

Алина отхлебнула приятный напиток. Раньше, давно, Антон никогда не давал ей много пить. Он всегда обращался с ней как с ребенком, которого надо было оберегать, и в то же время – как с королевой, которой нужно поклоняться. Он угадывал ее желания, на корню пресекал вредные привычки. Она даже не знала, что он курит и – тем более! – что любит превышать скорость на дороге.

Теперь в отношении Зеленого к Серебряной произошли разительные перемены. Она больше не была маленькой и хрупкой, она стала ему равной. Он по-прежнему всегда чувствовал ее настроение, знал, чего она хочет, старался сделать приятное, но никогда не давал советов и ни на чем не настаивал.

Антон присел рядом и протянул пульт подруге.

– Рули, – кивнул он, указывая на телевизор.

– Да ну его! Я все эти фильмы сто лет назад видела, – отозвалась Серебряная.

– Не сомневаюсь, большинство наверняка в кино.

– Ага, там как-то лучше смотрится. Дома не то.

– Особенно если в соседней комнате постоянно работает спортивный канал, – понимающе вздохнул Антон. В разговорах они старались избегать темы Максима, и то, что Зеленый

первый заговорил о брате, Алину удивило, но виду она не подала, даже покалывание в знаке предпочла проигнорировать.

– Ура, гол! Мяч попал в ворота, отлетев от ноги нашего нападающего. Смотрите, как ликуют трибуны. Счет «десять-один» в пользу команды противника! – передразнила она футбольного комментатора.

Улыбнувшись собственной шутке, Серебряная залпом допила martini.

– Алина, – голос Антона звучал тихо и очень нежно, совсем как раньше. По коже пробежали мурашки, сердце предательски пропустило удар. Медленно, очень медленно она повернула голову, чтобы встретить взгляд зеленых глаз. Он сидел так близко, что девушка могла почувствовать его дыхание.

Несколько минут они смотрели друг другу в глаза. Больше всего ей хотелось провести ладонью по его щеке, узнать такая же мягкая у него кожа, как была когда-то. Но она сдержалась, не в силах пошевелиться.

– Я хотел... – начал было Антон. Но Алина остановила готовые сорваться слова, приложив указательный палец к его губам, боясь разрушить волнующее очарование момента. Миг был слишком хорош, чтобы портить его ненужными, пустыми словами. Она и так знала, что чувствовал Зеленый, потому что то же самое творилось в ее душе.

– Молчи, – прошептала она, проведя пальцем по линии его губ, касаясь его дыхания. Антон покорно замолчал. Осторожно он перехватил ее запястье и, не отрывая взгляда от серых бездн, принялся нежно целовать ее ладонь. Алина не убрала руки, не пошевелилась. Она словно приросла к дивану, оглушенная собственными ощущениями. Ласки становились смелее, но все еще оставались в пределах допустимого между двумя друзьями. Серебряная понимала, что должна прекратить их, встать, уехать домой, но вместо этого застыла в неудобной позе, позволяя Антону делать все, что он захочет.

Когда губы Зеленого коснулись ее губ, Алина потеряла последнюю возможность сопротивляться. Все, что так долго она скрывала от всех, даже от самой себя, вырвалось наружу, словно цунами сметая на своем пути воздвигнутые разумом преграды.

Она, как безумная, вцепилась в светлые волосы, притягивая голову Антона к себе. Дыхания не хватало, но ей было все равно, он нужен был ей больше воздуха, больше самой жизни, больше всего на свете... Теперь Алина уже не понимала, как могла жить столько лет без его поцелуев, без его дурманящего запаха, без прикосновений, каждое из которых повергало ее в пучину неземного, первобытного счастья.

Пуговицы на его рубашке, не выдержав натиска силы воительницы, осыпались на ковер, тонкая ткань ее платья треснула под ненасытными пальцами. Голова бешено кружилась, мир вокруг превратился в калейдоскоп красок и эмоций. Она ощутила спиной длинный ворс ковра, что-то упало с журнального столика.

– Алина, – выдохнул Антон, стаскивая с нее кружевное белье, нисколько не заботясь об его целостности. Она запуталась в толстом кожаном ремне, руки слишком дрожали, чтобы с первого раза справиться с тугим креплением. Серебряная просто дернула за пряжку, вырвав ее «с мясом». Антон отбросил ненужную полоску кожи как досадную преграду и одним движением высвободился из брюк.

– Я люблю тебя, – прошептала она, когда между ними не осталось ничего.

– Я люблю тебя, – откликнулся Антон.

Мир словно превратился в некую грань между сном и действительностью. В нем не осталось ничего: ни памяти, ни боли, ни сомнений. Только они вдвоем, охваченные лихорадкой любви, пьянящей, сводящей с ума.

Она не знала, сколько прошло времени, наступило ли утро и какому дню оно принадлежало – этому или уже следующему за ним. Она лежала в крепких объятиях посередине уютной

комнаты, совсем не похожей на ту, где проходили их свидания раньше, но, несмотря на роскошь, такую же милую ее сердцу, ведь все здесь принадлежало Антону. Все, включая ее саму...

Они не разговаривали. Это было ни к чему. Вся их жизнь отныне свелась к трем вечным, как мир, словам. Преграды, которые каждый из них так долго возводил, рухнули. Душа парила над землей, наслаждаясь украденным у судьбы-разлучницы счастьем.

– Теперь все, наверное, изменится? – первой нарушила молчание Алина.

– Наверное, да, – согласился Антон. – Когда-то это должно было произойти.

– Максим понял бы. – Произнести имя бывшего мужа в объятиях его брата казалось кошунственным, но она не сомневалась: Бордовый, всегда считавший, что жить надо только настоящим, ловить момент, пока он не исчез безвозвратно за завесой времени, не осудил бы их. Он сам первым записал бы себя в прошлое, которое не должно мешать будущему.

– Я знаю, – согласился с ней Антон.

Идиллию прервал телефонный звонок, своей тревожной трелью разорвавший романтическую атмосферу полумрака и приятной тихой музыки. Антона он застал на кухне готовящим экзотический ужин на китайский манер.

– Ответь! – крикнул он Алине, примостившейся у телевизора в соседней комнате. Серебряная протянула руку, нажимая на зеленую кнопку вызова.

– Антон, здорово, тут есть такое предложение, – начал Стас, не дожидаясь, пока Зеленый скажет традиционное «алло». – Линда хотела собрать особую штурмовую группу немедленного реагирования на случай проникновения Сантьяго...

– Стас, – вклинилась в монолог Алина, – подожди секунду, он сейчас подойдет. А пока можешь рассказать мне, что там вы задумали. По-моему, меня это тоже касается.

– Э-э... привет, Алина, – промямлил Стас, немало удивленный наличием гостыи в доме друга. На памяти Черного это был первый случай больше чем за сто лет, когда трубку антоновского телефона снимала девушка.

– Так что стряслось?

– Пока ничего. Просто Линда хочет расквартировать несколько групп «демонов» в Испании под прикрытием «котов», чтобы немедленно ударить по замку Сантьяго, если он нападет на наш. Я хотел вызваться, но Лиза не слишком «за», а Хадижа с Робертом вообще рогом уперлись: не поедem в Испанию и все. Вот я и решил провести голосование, но не мог до вас дозвониться... кстати, что у тебя с сотовым?

– Не знаю, – Алина потянулась за сумочкой и вытащила оттуда гламурный, инкрустированный разноцветными камнями аппарат. Батарея была полностью разряжена. – Телефон сел.

– Неважно, что ты по этому поводу думаешь?

– Честно? Мне бы не хотелось никуда ехать. По-моему, и здесь дел скоро будет невпроворот, но если ты настаиваешь... – Алина пожала плечами, забыв, что собеседник ее не видит.

– Кто там? – поинтересовался только что вошедший Антон, вытирая руки кухонным полотенцем.

– Сейчас дам тебе Антона, спроси у него, – Серебряная протянула парню трубку: – Тебя Стас.

– Да, – тут же приняв деловой тон, ответил Антон. Он молча выслушал главу.

Зеленому Черный объяснял ситуацию куда дольше, но так как Алина слышала каждое слово, то мучиться догадками не пришлось.

– Я бы не хотел уезжать, – без колебаний ответил Антон, едва Стас закончил, – но если ты настаиваешь... – Зеленый пожал плечами точно так же, как за пару минут до этого Алина, что вызвало на лице девушки улыбку. Черного реакция друга тоже позабавила, он позволил себе короткий понимающий смешок:

– Ладно, тогда отказываемся, будем во вспомогательной части, которая в случае чего переместится либо к замку Дьявола, либо к Линде – по обстоятельствам. Завтра утром собрание. В одиннадцать в комнате отдыха «львов». Приятно провести время.

По голосу главы и Антон, и Алина поняли, что об их совместном времяпрепровождении скоро станет известно всей группе. Черный никогда не отличался болтливостью, но Лизе расскажет обязательно, а уж она непременно поделится приятной новостью с Хадижей. А там... Можно не сомневаться, что через час все их знакомые будут в курсе последних событий. Но им было все равно. Таить свое счастье они не собирались. В мире и так происходило слишком много плохого, чтобы скрывать частичку хорошего.

За сыном Алина попросила присмотреть родителей. Мама, не задавая лишних вопросов, согласилась, довольный голос дочери доставил ей искреннее удовольствие, и Зеленый с Серебряной получили еще несколько часов беззаботного счастья, когда не надо было думать ни о чем, кроме их воскресшей любви.

Утро наступило слишком быстро. Казалось, только-только закончился романтический ужин при свечах, на котором они кормили друг друга вкусностями, удерживая их тоненькими железными палочками, как уже зазвонил будильник, возвестив начало нового дня.

Часы показывали половину шестого. Алина поморщилась, глядя на светящиеся зеленым цифры на музыкальном центре. Рано вставать она не любила. Антон уже успел сварить кофе и приготовить бутерброды. В отличие от брата, он полуночником не был. Наскоро перекусив, они вышли на холодную улицу, встретившую их сбивающим с ног ветром и промозглой сыростью. Очутившись в уютном салоне «хонды», Серебряная облегченно вздохнула. В такую погоду находиться на воздухе неприятно, даже если ты на сто процентов уверен, что простуда тебе не грозит. Первым делом надо было заехать домой: отправляться на совещание в замок в разорванном на части коктейльном платье было не слишком прилично.

Переодевшись в простые подходящие к случаю джинсы и классического покрою джемпер, Серебряная наложила на лицо немного косметики. Сегодня ей хотелось выглядеть обворожительно. Она снова чувствовала себя юной и полной сил. В венах кипела кровь, а глаза блестели задорным огнем.

Антон ждал ее, развалившись в любимом кресле Макса, и читал позавчерашнюю газету.

– Готова? – поинтересовался он, оглядывая Алину с ног до головы. – Замечательно выглядишь!

– Конечно, неразорванная одежда мне к лицу. Поехали.

Серебряная выскочила на лестницу и едва не забыла закрыть дверь. Голова кружилась, за спиной словно выросли крылья.

Теперь им предстояло забрать маленького Антона и отвезти его в замок на попечение нянек. День обещал быть трудным и вряд ли приятным. На собраниях уже давно не сообщали хороших новостей. Но второй этап путешествия не вызывал даже малейших опасений. Разве что капризный со сна ребенок немного похнычет, пока окончательно не проснется.

Когда Алина и Антон прибыли в комнату отдыха «львов», там уже царила суматоха. В просторную залу набилось народу больше, чем она могла вместить, и воители сидели разве что не на головах друг у друга.

– Привет! – крикнула Хадижа через весь зал, по ее плутоватой улыбке было понятно, она уже в курсе последних новостей и теперь не отстанет от Серебряной, пока не выяснит малейшие подробности их возобновившегося романа. Алина не собиралась ничего скрывать и предстоящий разговор ее ничуть не беспокоил.

Группе Черного каким-то чудом удалось занять целый столик. Настроение у всех было приподнятое, если не считать хмурой Сони, забившейся между диванными подушками с видом страдающей великомученицы.

– О чем пойдет речь? – спросил Антон у Стаса, занявшего единственный свободный стул. Антону пришлось пристроиться на спинке позади возлюбленной. Но так ему нравилось даже больше.

– О том, что я вчера вам рассказывал. Будут формировать отряды, распределять функции, рассматривать варианты.

– Короче, ничего нового, – подвел итог Роберт. – Новые идеи, новые планы и полная тишина.

– Типун тебе на язык, – огрызнулась Лиза. – Может, Сантьяго вообще решит не ввязываться в очередную войну.

– Ты в это веришь? – скептически поинтересовался Влад.

– Нет, конечно, но помечтать-то можно, – вздохнула Голубая, устало прикрывая глаза. Судя по ее виду, Антон и Алина были не единственными, кто провел эту ночь без сна.

– Не выпалась? – спросила Серебряная, всем существом ощущая близость Зеленого, рука которого покоилась на ее плече. От его сдержанных прикосновений мысли путались, а сосредоточиться было практически невозможно.

– Выспишься тут, – Лиза бросила недовольный взгляд на Хадижу. – Розовая всю ночь заставляла нас дергаться под безумные ритмы, обещая, что после этого мы почувствуем себя как пятнадцатилетние.

– Теперь я в полной мере ощущаю свой возраст, и он давно перевалил за второй десяток, – буркнула Соня, зевая во весь рот.

– Да ладно, девчонки, знатно повеселились, – не согласился Роберт. Судя по хмурым взглядам, мнения Оранжевого никто не разделял. Ну, может быть, Влад... по его спокойному, отрешенному от всего мирского лицу вообще было сложно что-либо понять.

Линда вошла очень тихо, но каждый присутствующий почувствовал ее появление. Воцарилась полная тишина. Солнечный Свет села прямо на один из обеденных столов, так, чтобы все ее хорошо видели.

– Мы собрались здесь, чтобы еще раз обсудить сложившуюся ситуацию, – начала она. – Позавчера группа «стрел» перехватила «смерчей» Сантьяго почти у наших стен. Они полностью уничтожены, но, я полагаю, это было начало того, что все мы ждали последние месяцы. Испанский Дьявол перешел в наступление.

По залу прокатился громкий вздох. Туча, которая так долго приближалась, разразилась первым ударом грома. Пока еще тихим, почти неслышным. Но это значило конец ожидания. Затишье вот-вот должно было смениться бурей. Каждый присутствовавший ощущал страх перед неизбежной войной, но вместе с ним в душе просыпался предбоевой азарт. В недрах существа рождалось неодолимое желание победы.

Линда говорила долго. Алина перестала слушать на середине. Занятая собственными мыслями, она была не способна воспринимать тревожную информацию, поступающую от «сокрытых», «котов» и «стрел», исходя из которой следовало, что Сантьяго готовится к активным действиям. Сегодня ее сердце переполняла любовь, и места для ненависти и злобы там не было. Наверное, она была единственная, кого слова волшебницы оставили совершенно равнодушной.

После длинной речи Линды выступали главы групп. Каждый по очереди высказывал пожелание своей команды. Кто-то немедленно хотел вылетать в Испанию, кто-то планировал прямо сегодня перебираться в замок для усиления охраны, а кто-то стремился на улицы городов помогать уставшим от постоянной боеготовности «котам» и «стрелам». Группа Черного попала в ряды последних. Теперь в их обязанности входило патрулирование улиц и при необходимости агрессивный ответ на пока неизвестную угрозу. Также каждому воителю был выдан артефакт, с помощью которого в любую минуту можно было активировать портал в замок Линды, и черный камешек, способный перенести страждущего под стены цитадели Сантьяго.

Начавшись с утра, собрание затянулось до позднего вечера, и пропустившие обед светлые воины чувствовали себя измотанными и злыми от давящей на психику тесноты, духоты и отвратительных новостей.

– Приступаем завтра, – бодро заявил Стас, когда вся группа шла по длинной тропке от входа к стоянке. Все короткие оккупировали толпы воителей, стремящихся покинуть поскорее стены замка, и пройти по ним можно было только с помощью магии или прорубая себе путь мечом.

– Честно говоря, я не очень поняла, что именно мы будем делать, – призналась Алина, – просто ходить по улицам и выглядывать То Не Знаю Что?

– Примерно, – подтвердила Соня, – в лучшем случае хотя бы раз напоремся на случайную группу «ангелов», готовых подраться с кем угодно без всякого повода, а скорее всего, когда все начнется, воспользуемся порталами по тревоге.

– Веселое заданье, – прокомментировала Хадижа.

– Девочки, вы сами не захотели лететь в Испанию, так что теперь не жалуйтесь, – прервал их нытье Стас.

– Испания как-нибудь уж без нас, – отозвался Роберт, – но ты мог предложить наши услуги в охране замка.

– Не мог. Здесь столько желающих, что на всех даже комнат не хватит, – отрезал Черный. – Если уж оставаться в Москве, то надо делать хоть что-то, а не сидеть в переполненном замке и нагнетать друг на друга панику. К тому же до сих пор приходится отражать нападки других темных. «Стрелы» зашиваются. Некоторые не спали по несколько дней, а дома не были неделями. Им постоянно приходится быть начеку, чтобы чего-нибудь не пропустить.

– Только пропускать нечего, – махнула рукой Лиза и, не прощаясь, влезла на пассажирское сидение стасовского внедорожника.

Снова оказавшись наедине с Антоном, Алина тут же позабыла все неприятное.

– Какие планы? – спросил Зеленый, пристраиваясь в конец длинной очереди, организовавшейся на выезд. Впереди Соня нещадно давила на гудок своего «бентли», надеясь таким образом поторопить замешкавшегося водителя синего «субару импреза».

– Не знаю, все равно, – честно ответила Алина. Она хотела добавить «лишь бы с тобой», но вовремя остановилась. Это было бы слишком патетично. Антон загадочно улыбнулся и, выехав на трассу, повернул в противоположную городу сторону.

«Хонда» притормозила на небольшой подъездной аллее, начинавшейся от грязной, разбитой проселочной дороги и упиравшейся в очаровательный домик, выкрашенный голубой краской. Здание напомнило Алине обычную загородную дачу в два этажа с остроконечной крышей и выходящей на нее печной трубой, с крылечком, украшенным витым орнаментом, с высокими, в человеческий рост окнами и крохотным балконом с резными перилами.

– Где мы? – поинтересовалась Алина. За годы, проведенные в среде воителей, она привыкла к неприкрытой роскоши пентхаусов в центре города, к огромным квартирам-студиям, обставленным дорожной мебелью при помощи известных дизайнеров, к загородным коттеджам со всеми удобствами и множеством излишеств. Дом в подмосковной деревеньке с покосившимися заборами, сплетничающими на лавочке по соседству старушками и разгуливающими по единственной улице местными, раскрашенными дешевой косметикой дивами как-то не вписывался в привычные рамки.

– Дом нашего детства, – сообщил Антон, помогая Серебряной выбраться наружу. Алина почувствовала, как проваливается по щиколотку в глиняную кашу, заменяющую здесь нормальную дорогу, но промолчала.

– Я никогда не была здесь, – осмотревшись, сказала она.

– Не сомневаюсь, – улыбнулся Антон. – Максим всю жизнь ненавидел это место. Ему нравились шумные города, толпы, поставленная на широкую ногу индустрия развлечений и

все мыслимые и немыслимые удобства. Даже в детстве, когда родители забирали нас из замка и привозили сюда, он ходил целыми днями в отвратительном настроении, мечтая поскорее вернуться назад. Но мне здесь нравится. Я попросил мастеров привести домик в порядок, при этом стараясь не отступать уж слишком от оригинала.

Алина кивнула, искренне надеясь, что в понятие «оригинала» не входит туалет на улице и холодная вода из умывальника. В отношении любви к удобствам и городского образа жизни Серебряная разделяла вкусы бывшего мужа. Но, глядя в восторженное лицо Антона, разглядывающего горящими от счастья глазами неизвестно как простоявшую столько лет лачугу, она предпочла оставить свое мнение при себе и покорно последовала за любимым, морщась от скрипа деревянных ступеней.

Зеленый повернул ключ и снял висячий железный замок величиной с ладонь взрослого мужчины. Продуваемая всеми ветрами веранда была завалена калошами и старыми зонтами, стены украшали многочисленные дождевики и пара телогреек потрепанного вида.

Антон зажег лампу, дающую тусклый свет сквозь матовый круглый абажур, и пропустил девушку вперед в основную комнату. Здесь все было ровно так, как Алина и предполагала. В центре возвышалась огромная печь, на которой можно было спокойно спать, белая труба-дымоход пробивала потолок и устремлялась на второй этаж. У дальней стены стоял деревянный стол, сделанный явно деревенскими умельцами, и пяток таких же стульев. В углу примостилось кресло-качалка. Ближайшую к входу стену занимал книжный шкаф, заставленный книгами в старинных переплетах. Из комнаты открывалось четыре двери в другие помещения.

Естественно, здесь не было ни телевизора, ни телефона, ни компьютера.

– Пойдем, покажу тебе дом, – не замечая смущения ежащейся от холода подружки, предложил Антон и, крепко ухватив ее за руку, потянул в ближайшую комнату.

Судя по всему, когда-то это была гостиная. Здесь стоял более или менее современный диван, три широких раскладных кресла, столик с огромной вазой, заполненной сухими цветами, названия которых Алина не помнила, но точно знала, что на даче у бабушки такие росли. На стенах висело несколько картин. К своему удивлению, Серебряная обнаружила, что перед ней оригиналы, вышедшие из-под кисти известных мастеров.

Следующая комната представляла собой темное помещение, оклеенное бордовыми обоями, с массивной мебелью из красного дерева и люстрой из настоящего богемского хрусталя, переливающегося всеми цветами радуги.

Та же смесь роскоши и деревенской простоты царила повсюду. Это слегка озадачивало. Нельзя было знать наверняка, что найдешь за углом – современный джакузи или трухлявую табуретку восемнадцатого века.

– Здесь почти ничего не изменилось со времен моего детства, – сообщил Антон, показывая последнюю неисследованную комнату на втором этаже, оказавшуюся спальней. Огромная кровать занимала большую часть помещения, соперничая в размерах с полукруглым, на вкус Алины чересчур массивным шкафом и таким же внушительным комодом. Одна из стен представляла собой гигантских размеров зеркало с яркой подсветкой со всех сторон.

– Ну, думаю, электричества во времена твоего детства еще не было, – пошутила Алина, стараясь не пялиться на собственное отражение.

– Как и встроенного туалета с душевой кабиной, – заметил Антон и весело рассмеялся, прочитав на лице Алины облегчение. – Сейчас включу отопление, и здесь станет более чем уютно.

– А как же печь? – Алина сделала круглые глаза, указывая на трубу, торчащую перед входом в спальню в предбаннике, разделявшем комнату родителей Антона от бывшей детской с двумя маленькими кроватями.

– Если ты настаиваешь, могу пойти наколоть дров, но вообще-то я оставил ее только чтобы не менять дух дома, а так здесь вполне современное отопление, – Зеленый закатал

рукава, оповещая подругу о своей готовности немедленно приступить к тяжелому физическому труду, но она отрицательно покачала головой.

– Пожалуй, лучше как задумано природой... современное отопление.

Вопреки ожиданиям, дом, когда прогрелся, действительно, оказался уютным. Старенький граммофон крутил пластинку с давно забытым романсом, звучавшим еще на празднике новичка, устроенном в честь вступления в ряды воителей Максима и Антона. Свечи, которые Зеленый установил в подсвечники по углам вместо неромантичного электрического освещения, давали мягкие тени. Пахло деревом и прошлыми, давно минувшими временами. Алине казалось, что вот-вот распахнется дверь и огромный мужчина с мозолистыми руками и бородой, скрывающей половину лица, войдет внутрь, широко распахнув объятия навстречу шумной горстке полуголой детворы, а его молодая жена с толстой косой в красном сарафане поднимет глаза от вышивки и улыбнется мужу доброй, чуть застенчивой улыбкой.

– Этот дом построил твой отец? – спросила Алина, поддавшись очарованию момента.

– Мой прадед, последний смертный в нашем роду, – поправил возлюбленную Зеленый. Серебряная лишь покачала головой. Историю семьи Дубровиных она неплохо знала в пересказе Максима. Их дед стал воителем, оказав какую-то давно позабытую услугу одному из слуг Линды, проезжавшему через деревню, где он тогда жил. Кондрат Дубровин поступил в «стрелы» и там среди девушек своей группы нашел себе жену – прекрасную Кэрри Кэтчер, которая родила ему единственного сына Виктора. Через пять лет они оба погибли на задании, оставив мальчика сиротой. Тот, в свою очередь, вырос в замке и в возрасте двухсот с небольшим лет женился на дочери одного из друзей, «летучих», которая только-только готовилась принять знак. Пока Зеленый еще раз рассказывал свою родословную, в отличие от Макса опускающая незначительные подробности, Серебряная наслаждалась запахом его кожи и мерным стуком сердца под мягкой шерстью теплого свитера. Никогда прежде она не чувствовала себя так комфортно и не была настолько счастлива.

Алина с Антоном пили вино, ели захваченный предусмотрительным Зеленым ужин, приготовленный на замковой кухне. Серебряная не помнила, чтобы он отлучался на время, достаточное для заказа плотной трапезы. Но Антон на то и был Антоном, чтобы удивлять, устраивать сюрпризы и создавать праздник в самый обыкновенный день. Под гитару, найденную в одном из бездонных шкафов, Антон исполнил несколько нежных песен о любви, какие в былые времена парни пели под окнами своих избранниц, рассчитывая всего лишь на мимолетный взгляд, брошенный из щелочки между плотными шторами, перемежая их с хорошо знакомыми Алине роковыми композициями «Арии», «ЧИЖа», «Машины времени» и других популярных среди современных гитаристов групп. Естественно, в отличие от кавалеров позапрошлого века, Антон был вознагражден за труды чем-то более существенным, нежели взгляд или даже сорванный украдкой быстрый поцелуй.

Спать они легли под утро, поэтому писк установленного на сотовом будильника, возвращающий из экскурса в девятнадцатое столетие в сегодняшний день, отозвался в каждой клеточке тела пульсирующим раздражением.

Алина с грустью покидала приют детства Антона, искренне надеясь, что еще вернется сюда. Оказалось, что отдыхать можно не только в коттедже с бильярдом, бассейном, стереосистемой и огромным плазменным телевизором на всю стену, но и в самобытном доме предков, выстроенном несколько столетий назад, этакой колыбели жизни. Естественно, при условии наличия ванной, туалета и отопления.

Первый день патрулирования улиц, то есть бесцельного блуждания по городу под моросящим дождем, начался с Манежной площади. Группа разделилась на две команды по четыре человека и разошлась в противоположных направлениях. Алина успела заметить спины еще нескольких воителей Линды, свернувших на параллельную улочку, и группу замаскированных под студентов гуляк «стрел», с бутылками пива восседавших на мокрых скамейках.

Алина оказалась на Тверской в компании Антона, Стаса и Лизы. Каждые полчаса они должны были созваниваться с остальными, сообщать, что все в порядке. Во второй подгруппе за главную осталась Соня. Бродить в толпе прячущихся под зонтиками от непогоды смертных без видимой цели было весьма неудобно. Алина внимательно вглядывалась в лица прохожих, стараясь различить знакомые очертания знака на левом виске. Несколько раз она заметила символы «растлителей» Маргариты, дважды попались «ангелы» Александра, Стас разглядел еще чьих-то воинов с очень сильной маскировкой метки, но ни одного слуги Сантьяго среди них не было. С остальными они мирно расходились в разные стороны, смерив потенциальных противников уничижительным взглядом и получив в ответ точно такой же. Но, во-первых, гулять по центру города никому не воспрещалось, а во-вторых, если нет непосредственной угрозы вмешательства в чужие дела, то и повода для драки тоже нет.

Устав от хождений туда-сюда, ребята вернулись к памятнику Жукову, где их уже ждала остальная часть отряда. Они были такие же промокшие и злые на весь мир.

– Предлагаю пообедать, пока я не прибила кого-нибудь, – хмуро предложила Хадижа.

Ее идею поддержали все. Ресторан выбрали достаточно крупный, на всякий случай присев за столик в углу, такой, чтобы можно было видеть весь зал, оставаясь практически незамеченными.

После перекуса, во время которого друзья даже не успели толком обсохнуть, патрулирование продолжилось. Но улицы оставались спокойны. Естественно, Испанский Дьявол не выбрал центром своих темных кампаний Москву, находившуюся в непосредственной близости к замку своего врага, и не предпринимал никаких попыток диверсий против слуг Солнечного Света в наводненных людьми местах. Да и раскрыть никаких секретных замыслов других магов темных коалиций возможности не представилось. Для этого надо быть «котами», имеющими неограниченные связи и способными распознавать тайный заговор за ничем не примечательной беседой двух подвыпивших друзей, угадать происки темных в случайно оброненной девочкой-старшеклассницей фразе, заметить внедренного с противными идеям твоего мага целями агента в компании веселящихся на дискотеке студентов. На худой конец, надо быть «стрелами», вечно готовыми к бою, умеющими даже среди бела дня в спокойном спальном районе отличить агрессивно настроенных «ангелов» от перепившей шпаны. «Демоны» всему этому обучены не были. И видели только то, что способен был увидеть любой. К концу смены они попросту возненавидели одни и те же пейзажи вверенной им территории и с завистью смотрели на коллег, постоянно работавших в городе и теперь выглядевших такими же бодрыми, как с утра.

На следующий день повторилось все то же самое. Только погода была лучше. На смену дождям пришли холода, и тот факт, что не нужно было ходить в постоянно мокрой одежде, весьма поднимал настроение.

День за днем, неделя за неделей «демоны» патрулировали улицы города. Пару раз они менялись районами с другими группами, дабы «не мозолить глаза, кому не следует». Выходных в условиях напряженного положения никому не полагалось, поэтому, когда Алина оказалась на проспектах в десятый раз, ее тошнило от города в целом, и она проклинала и себя, и друзей за то, что они предпочли промозглую Москву солнечной Испании.

Радовало лишь то, что наряду с усталостью стало проявляться мастерство. Теперь каждый из «демонов» видел огромное множество агентов темных, замаскированных под бизнесменов, туристов, клерков, беззаботных гуляк, таксистов и прочих обыкновенный люд. Алина никогда не думала, что на каждой улице постоянно несет службу такое количество воителей. Раньше, просто гуляя по Москве, она не приглядывалась к лицам, стремясь разглядеть едва просвечивающий знак.

На пятнадцатый день новой службы команду вместе со Стасом в условленном месте поджидал еще один глава. Он принадлежал к «стрелам». Алина видела его несколько раз в замке и на общих собраниях, но лично знакома не была.

– Это Натан, – представил парня Черный. – Ему нужны пятеро ребят для укрепления позиций.

– Что укреплять? – поинтересовалась Соня.

– Будем пить пиво на Пушкинской площади и приглядываться к одной подозрительной группе «ангелов» Адриана Паука, – ответил Натан. – По-моему, они затеяли очередной теракт, безусловно, чтобы повысить стремления людей к научному прогрессу в военной области и улучшить дисциплины представителей органов правопорядка. Короче, как обычно.

– Драка планируется? – спросил Роберт, уставший от однообразных прогулок по городу и мечтавший размять кости.

– Вряд ли. Скорее всего, обнаружив, что их план провалился, а противник превосходит числом, они попросту разбегутся кто куда. Это в их стиле, – заверил Натан.

Оранжевый лишь печально вздохнул, осознав, что им предстоит играть роль массовки в спектакле, разыгрываемом другими.

– Мы пойдем, – первой вызвалась Соня. Группа по-прежнему ежедневно делилась на две части.

Стас кивнул. Видно было, что он колеблется, кого отправить пятым. После секундного замешательства глава выбрал Антона. Проводив взглядом друзей, которым выпало счастье сделать хоть что-то полезное, оставшаяся тройка зашагала по выбранному маршруту. Им предстоял еще один нудный день без происшествий.

– Как насчет похода по магазинам? – неуверенно предложила Лиза. – В конце концов, в торговом центре напасть на что-нибудь интересное шансов ничуть не меньше, чем на улице.

– Я «за», – быстро проголосовала Алина, прежде чем Стас успел что-нибудь возразить. Девушки уставились на главу своими самыми жалобными взглядами. Черный виновато осмотрелся по сторонам, поежился под порывом холодного ветра и молча кивнул.

Народу в магазинах было немного. День был будний, и большинство людей отсиживало положенные часы в офисах. Около входа в бутик известного дизайнера друзья столкнулись с другой группой своих «демонов», видимо тоже решивших скоротать бесполезное дежурство в поисках обновок. Неловко помявшись, они пропустили друг друга, не обменявшись ни словом и вообще сделав вид, что совершенно незнакомы.

Перемерив с дюжину платьев, ни Алина, ни Лиза не нашли ничего подходящего. То ли настроения не было, то ли одежда этой фирмы не шла их фигурам. Перебравшись в другой магазин, они повторили процедуру, но с тем же успехом. Видимо, дело было все-таки в настроении.

Обойдя с десяток не самых дешевых мест, Лиза прикупила полупрозрачную шелковую блузку, а Алина ограничилась комплектом нижнего белья. Не в пример брату, Антон предпочитал не слишком откровенное белье с избытком кружев, а что-нибудь попроще. Гардероб Серебряной после нескольких лет супружества пестрел крохотными стрингами, практически полностью лишенными ткани лифчиками, шелковыми комплектами, расшитыми блестящими стразами и прочими аксессуарами во вкусе Максима.

– Обед, – провозгласил Стас, вздохнув с облегчением, когда девушки сообщили, что устали от магазинов не меньше, чем от улиц.

Ресторан долго выбирать не стали, зайдя в первое попавшееся приличное заведение, благо в центре столицы таких мест в избытке. Небольшой зал с дорогим дизайном в вечернее время использовался как Dj Cafe, но сейчас большинство столиков пустовало, а негромкая музыка не мешала деловым посетителям спокойно общаться на важные темы.

Заняв место у окна в дальнем конце помещения, друзья открыли меню, принесенное вежливой официанткой с покрасневшими от недосыпа глазами.

– Следи за входом, – выполняя свой долг главы, напомнил Стас Алине. Черный вместе с Лизой оказался спиной к двери, в то время как Серебряная лицом. Она повела плечами в знак

согласия и тут же уткнулась в страницу с суши, напрочь забыв о бесполезном указании. Тайных агентов ей все равно не разглядеть, а большую заварушку не пропустишь даже с закрытыми глазами.

Выбрав по паре роллов и по сладкому алкогольному коктейлю, воители откинулись на спинки диванчиков, вытянув под столом уставшие от долгой ходьбы ноги. Алина прикурила сигарету и с наслаждением затянулась. Стас с Лизой в шутку переругивались по какому-то незначительному поводу, и Серебряная к ним не прислушивалась, целиком уйдя в свои мысли.

Последние недели они с Антоном почти не расставались, и Алина радовалась возможности обдумать ситуацию без отвлекающих факторов в виде поцелуев, случайных касаний и нежных взглядов.

Как выяснилось, думать особо было не о чем. Она была счастлива, несмотря на неразбериху, творящуюся вокруг, несмотря на ежедневное брожение по холодным улицам и вечно кислое настроение товарищей по несчастью, несмотря на угрызения совести и чувство вины по отношению к Максиму, просыпающиеся тогда, когда сама она засыпала в объятиях Зеленого.

Нежная улыбка тронула губы Серебряной при воспоминании о приближающемся вечере. Она не сомневалась: у Антона в запасе имеется что-нибудь новенькое, чтобы удивить ее и сделать приятное.

Легкий сквознячок влетел в зал, возвещая о новых посетителях. Расставлявшая на столе еду девушка-официантка обернулась, привычным взглядом оценив вошедших клиентов. Алина вскользь посмотрела в сторону двери. Парень и девушка, явно уверенные в себе и на вид очень обеспеченные. Ему около тридцати, высокий, светлые волосы отливают рыжиной, смеющиеся голубые глаза из-под густых ресниц с любопытством изучают помещение, многочисленные веснушки обсыпали курносый, немного широкий нос. Его спутница, наоборот, отличалась хрупким сложением, черными, как смоль, волосами и карими, почти черными глазами. Весь ее облик выдавал присутствие южных корней, начиная от оливковой очень гладкой кожи и заканчивая плавной грацией излюбленных дочерей солнца.

Оценив импозантную пару, Алина собиралась отвернуться, когда девушка слегка наклонила голову. В тусклом свете ламп, спрятанных в красноватые абажуры, на левом виске незнакомки мелькнул знак. Черный квадрат, а замерший в защитной стойке человечек держал в руках сияющий посох. «Коалиция Смерти, Сантьяго, «псы»», – как раскат грома прогремело в голове.

– Слуги Испанского Дьявола, «псы», – мысленно отрапортовала Серебряная, стараясь сохранять безразличное выражение лица и не привлекать к себе лишнего внимания. Стас и Лиза замерли, словно по команде, не донеся до рта зажатую между палочками еду. Пара темных отошла от входа и углубилась в центр зала. Светлых они пока не заметили или весьма умело сделали вид.

Черный аккуратно повернул голову, чтобы разглядеть вошедших, но высокая спинка дивана загораживала большую часть зала, не давая увидеть потенциальных врагов.

– Что могут делать «псы» так далеко от охраняемого замка? – недоумевала Лиза.

– Отдыхать, – оборвал ее Стас. – Или, как наши коллеги, шатающиеся по Испании, выслеживать нас.

Парень тем временем отодвинул стул для своей дамы, и та, жеманно улыбнувшись, с видом дивы уселась на него. Рыжий, как про себя Алина окрестила незнакомца, огляделся по сторонам. Его взгляд скользнул по окну, покрытому разводами воды, перемешанной с грязью, задержался на расставлявшем стаканы бармене, снова метнулся к окну и замер... Глаза, до этого сверкавшие неприкрытым весельем, стали настороженными и недобрыми.

– Нас заметили, – констатировала факт Алина, прикуривая новую сигарету. Лиза громко выдохнула и облокотилась на спинку дивана. Обе ее руки находились под столом, из чего Серебряная заключила, что Голубая приготовила оружие. Стас пока не шевелился, ожидая

дальнейшего развития событий. Он принял расслабленный вид отдыхающего человека, только складка, залегшая на высоком лбу главы, говорила о том, что он готов к любому повороту событий.

Алина не сильно опасалась непредвиденной встречи. Во-первых, вот уже две недели они бродили по городу, ожидая чего-то подобного. Во-вторых, перед ними были не «ангелы» или «растлители», которых стоило всерьез опасаться в оживленном месте днем, а «псы». Они либо были такими же несчастными идиотами, оказавшимися не на своем месте и теперь гадающими, как поступить со свалившимися на голову светлыми, либо, действительно, находились в Москве по личным делам. Впрочем, на последнее Серебряная не рассчитывала. Она бы по личным делам в Испанию сейчас не поехала.

Рыжий наклонился к подруге и что-то ей прошептал. Алина не сомневалась, что речь идет о них. Девушка медленно повернулась, отточенным движением опытной соблазнительницы отбросив назад тяжелые волосы. На секунду Алина встретила с ней взглядом. Затем восточная красавица поднялась и, тронув спутника за плечо, пошла к их столику. Парень поспешил следом за подругой, не отставая ни на шаг.

– Идут к нам, – сообщила Алина. Стас больше не старался разглядеть визитеров, он с самым блаженным видом взял в руки коктейль и потянул прохладный напиток из трубочки, тут же поменявшей цвет. Лиза принялась сосредоточенно поедать роллы. Чтобы отвлечься, Серебряная попыталась выпустить аккуратные колечки дыма, но, как обычно, этот трюк ей не удался. Она досадливо махнула рукой и с максимально вежливой улыбкой, на какую только была способна, уставилась на подошедших темных. Они, словно две зловещие тени, нависли над столиком. Серебряная заметила злые глаза девушки, ее перекошенное презрительной гримасой лицо и парня, замершего столбом, не дошедшего до них пару шагов.

– Не может быть! – выдохнул Стас. Палочки выпали из рук, привыкших крепко держать тяжелое оружие, ролл ударился о стол и разлетелся на мелкие части, засыпав сидевшую рядом Лизу рисом и рыбой.

– Ты... – протянул Рыжий, буравя Черного взглядом, в котором сквозило удивление и недоверие.

Воцарилась неестественная при подобной встрече пауза, во время которой три девушки, забыв о принципиальных несогласиях, переглядывались, рассчитывая прочитать по выражению лиц друг друга, что случилось с их мужчинами.

– Кх-кх... – обратила на себя внимание темная. – Прошу «уважаемых» светлых представиться, – протянула она. По интонации, с которой она произнесла эти слова, было очевидно: никакого уважения к собеседникам она не испытывает.

– По какому праву? – поинтересовалась Лиза, сообразив, что Стас, в чем бы ни заключалась причина его необычного поведения, не произнесет ни слова. – Вы требуете, чтобы мы представились, уважаемая темная? Мы на территории города, часть которого находится под протекторатом нашего мага, в отличие от вас.

– Вы находитесь в зоне, подвластной одному из магов нашей коалиции, – парировала брюнетка. – Я жду.

– Только после вас, – вставила Алина и посмотрела на наглую красавицу, стараясь скрыть еще более презрительную мину, чем у нее. В том, что это ей удалось, Серебряная сильно сомневалась.

– Как такое возможно? – пробормотал Рыжий, по-прежнему меряясь взглядом с застывшим Стасом и не обращая никакого внимания на перебранку, произошедшую между девушками.

– Лейла Кузнецова, темная на службе у Сантьяго Испанского Дьявола, коалиция Смерти, подразделение «Псы тьмы», – выплюнула девушка, решив, что узнать имена врагов важнее,

чем сохранить собственное инкогнито. – А это Макар Кузнецов, темный на службе Сантьяго Испанского Дьявола, коалиция Смерти, подразделение «Псы Тьмы».

– Елизавета Иванова, светлая на службе у Линды Солнечный Свет, коалиция Жизни, подразделение «Демоны мрака», – представилась Лиза, посчитав, что нет повода нарушать принятый между магами разных коалиций и их слугами этикет. В конце концов, кафе, в котором они сидели, действительно, находилось на территории, официально закрепленной за Ванессой Несущей Боль, принадлежащей к коалиции Смерти.

– Алина Дубровина, светлая на службе Линды Солнечный Свет, коалиция Жизни, подразделение «Демоны мрака», – представилась следом Алина. На секунду воцарилось молчание, все присутствующие смотрели на Стаса, ожидая его ответа. Черный взял себя в руки и, не отрываясь от Макара, произнес:

– Станислав Иванов, светлый на службе Линды Солнечный Свет, коалиция Жизни, подразделение «Демоны мрака», – голос его звучал непривычно глухо. Алина физически ощущала волнение главы, которое подтверждали случайно выпавшие в общий ментальный эфир группы фразы. Смысла их уловить не получалось, но в каждой Серебряной слышалось удивление и боль.

– Это все, что вы хотели узнать, уважаемая Лейла? – Лиза стремилась прервать тягостную встречу.

– Нет. Я требую, чтобы вы сообщили о цели вашего присутствия в этом месте, – огрызнулась Лейла, явно не зная к чему придраться и спрашивая откровенную ерунду.

– Не поверите, уважаемая, – с легкой иронией в голосе ответила Голубая, взяв на себя функции главы, так как, судя по всему, Стас играть собственную роль был совершенно не способен. – Наша цель – обед, здесь готовят восхитительные суши, советую попробовать. – Лиза демонстративно подцепила палочками обернутый темно-зеленой водорослью ролл и отправила его в рот, задорно подмигнув.

Стас, наконец, оторвался от созерцания своего визави и перевел взгляд на его спутницу.

– Добрый день, боярыня, – проговорил он. Каждое его слово было пропитано ядом, от которого холодело внутри. Ни разу за все годы их знакомства, Алина не видела уравновешенного Черного в таком гневе. Если судить по выражению лица, Лизу поведение мужа удивляло не меньше.

– Что с ним? – мысленно спросила Серебряная у подруги.

– Сама бы хотела знать, – продолжая наблюдать за разворачивающейся сценой, ответила Голубая.

– Сынок трактирщика! – воскликнула Лейла, ударив ладонью себя по лбу. В отличие от подруг Стаса, она, по-видимому, поняла, что здесь происходит. – Живехонек! Неожиданно...

– Не могу сказать, что это приятная встреча, темная, – скорее прорычал, чем сказал Стас.

– Значит, ты стал воителем, – заговорил Макар и медленно присел на диван, не обращая внимания на возмущенный вид Алины.

– Как и ты, Макаша, как и ты, – ответил Стас.

Серебряной пришлось подвинуться к стене, так как Макар умудрился занять не меньше половины дивана. Теперь Серебряная прикидывала, как в случае чего лучше отразить атаку из стратегически невыгодного положения, в котором она оказалась. Лейла немного помялась, затем присела рядом со своим спутником, тем самым окончательно загнав Алину в угол.

– Значит, вот что заставило тебя бросить семью! Бессмертия захотелось... – отдельно произнося каждый слог, выговорил Стас.

– Ты не хуже моего знаешь, какая у меня была семья! – вспыхнул Макар. – Я ненавижу Аглаю всей душой!

– У тебя были дети, за которых ты нес ответственность! – почти кричал Стас.

– Они никогда ни в чем не нуждались! – Макар сжимал кулаки, так что побелели костяшки пальцев. – Все шесть моих дочерей удачно вышли замуж, ни одна не осталась в той жуткой дыре!

– Им нужен был отец, а не деньги, поступающие неизвестно откуда!

– Отец-кузнец не мог обеспечить им достойного будущего!

– У тебя была сестра! Ты хоть раз задумался о том, каково ей пришлось после твоего ухода? – Стас кипел от гнева. Алина начала понимать, кто сидит перед ней, теперь приходилось прилагать огромные усилия, чтобы держать рот закрытым. Вдавливая ее плечом в стену, рядом с ней сидела живая история, человек, имя которого было указано во всех фолиантах, повествующих о биографиях магов. Макар Кузнецов, брат Линды, исчезнувший много веков назад, мерился громкостью голоса со своим другом детства.

– Ах, сестра? – теперь Макар уже кричал, не заботясь о том, что его могут услышать. Посетители за соседними столиками обернулись, как по команде, стремясь увидеть своими глазами нарушителей общественного спокойствия. Вышибала, огромный детина, мирно дремавший недалеко от барной стойки, мгновенно взбодрился, готовый в любой момент прийти на помощь неважно кому, лишь бы размять затекшие от долгого сидения косточки.

Лейла достала что-то из сумочки, и, быстро прошептав незнакомое слово на испанском, хлопнула в ладоши.

– Артефакт, приглушающий звуки, – мысленно успокоила Лиза пришедшую в боевую готовность Алину. Серебряная немного успокоилась и с видимым усилием затолкала в рот кусочек еды, чтобы хоть чем-то занять руки.

– Сестра? – продолжал вопить Макар. – Что-то ты поздно задумался о благе моей сестры!

– Я всегда думал о благе Лиды! – стараясь переорать бывшего друга, выкрикнул Стас. Черный слегка привстал, наклоняясь над столом. Макар последовал его примеру, и они едва не столкнулись лбами. Алина возблагодарила сообразительность Лейлы, поставившей звуковую защиту. Теперь все не заинтересованные в беседе люди слышат лишь беседу, ведущуюся самым обычным тоном, а слов так вообще разобрать не могут.

– Ты называешь благом увести девушку из родительского дома, обесчестить и бросить неизвестно где? Я все знаю. Через год я вернулся в деревню, хотел забрать ее с собой, но Аким рассказал, что еще зимой она сбежала с тобой.

– Аким ничего не знал!

– Интересно чего не знал мой брат? Того, что ты променял Лиду на бессмертие, кинул ее, как падшую девку!

– Я никогда, слышишь, никогда не бросал твою сестру!

– Поэтому светлая, что сидит рядом с тобой, носит твою фамилию? Только не ври, что она твоя родственница, я все равно не поверю!

– Не буду Лиза – моя жена, – согласился Стас. Было видно, что он пытается взять себя в руки, но получалось плохо. Все, на что он оказался способен, – это сесть обратно, скрестив на груди руки, чтобы случайно не применить физическую силу к одному из слуг Испанского Дьявола и тем самым не ускорить развязку назревающего конфликта. Макар, судя по всему, подумал о том же и тяжело упал на диван, придавив Алинино колено. Кем бы эти двое ни были в прошлом, теперь прежде всего они были воителями и не имели права вести себя не подобающим ситуации образом. Маги их по головке за это не погладят.

– Мерзавец! – Макар от крика перешел на шипение, больше всего напоминавшее змеиное. – И ты смеешь утверждать, что не бросал ее!

– Между мной и Лидой никогда, слышишь, НИ-КО-ГДА НИ-ЧЕ-ГО не было. Ни разу за все эти столетия я к ней и пальцем не прикоснулся! – Стас выделял каждое слово, произнося отдельные слоги, будто учил разговаривать несмышленного ребенка или иностранца, неспособного уловить правильное русское произношение. Его слова произвели эффект разо-

рвавшейся бомбы. Макар принялся бешено трясти головой из стороны в сторону, раскачиваясь, как безумный. Встревоженная Лейла ухватила парня за локоть.

– Все... эти... столетия?.. – эхом повторил он, пустыми глазами вглядываясь в лицо бывшего друга. Он искал подвох в трех самых обычных словах и не находил. – Она воитель? Светлая?

– Нет, – отрезал Стас. – Ты хоть раз историю читал? Или бойцов Сантьяго учат только убивать, пытать и терпеть боль?

– Ответь мне! – потребовал Макар. Он больше не кричал, а говорил мертвым, ничего не выражающим голосом.

– Нет, она не воитель. Она маг... Мой маг. Линда Солнечный Свет.

Лицо бывшего кузнеца вытянулось. Кожа побледнела на глазах, и веснушки, образовавшие причудливые узоры на его переносице, проступили с отвратительной отчетливостью. Сейчас он не выглядел ни веселым и обаятельным, ни злым. Он выглядел мертвецом, по прихоти темного мага поднятым из могилы.

– Какие-то проблемы? – прозвенело над головой. Раздраженный голос Сони с визгливыми нотками истерички со стажем Алина могла узнать из миллиона. Красная склонилась над столиком, за которым разворачивалась одна из самых невероятных драм последнего столетия, облокотившись на него обеими ладонями, и развернулась так, чтобы рукоять меча слегка выглянула из-под широкого маскирующего плаща. – Темная Лейла, темный Макар... весьма неожиданная и неприятная встреча, – поприветствовала она слуг Сантьяго, оказавшихся старыми знакомыми из несчастливого, но не позабытого детства. За спиной Сони столпились остальные члены группы.

– Никаких проблем, мы уже уходим, светлая София, – ответила Лейла, оценив численное преимущество врага. Вести дальше разговор смысла не было, а любой повод придраться к ненавистным слугам Линды сейчас не сработал бы, ее муж был не способен реагировать на ситуацию. Темная ухватила Макара за рукав и, встав из-за стола, потянула за собой. Он, как безвольная марионетка, последовал за ней, не проронив ни слова и ни разу не оглянувшись.

– Ты должен знать, с кем будешь воевать! – вдогонку бросил ему Стас и с силой саданул кулаком по столу, заставив стаканы и тарелки подпрыгнуть с возмущенным звяканьем.

– Это ничего не сможет изменить, – прошептал Макар от самых дверей, так, чтобы слышать его могли только те, кто обладал слухом воителя, и, сгорбившись, вышел под усилившийся дождь. Серебряная увидела, как Лейла нежно гладит его по мокрым волосам.

– Ужасно неприятная история, – сказал Антон, когда они вдвоем с Алиной ехали к нему домой.

– Не то слово, я никогда не видела Стаса таким, – Серебряная неопределенно махнула рукой, вспоминая лицо Черного после того, как за Макаром закрылась дверь. Казалось, глава постарел на десять лет. Он сидел с потерянным, лишенным всякого выражения лицом и нервно кромсал зубочистку на еле видимые части, пока Лиза и Алина, как могли, рассказывали остальным, что произошло. Рассказ их получился неполным и содержал больше домыслов, чем достоверных фактов, однако суть они передали: Макар, лучший друг Стаса, старший и самый любимый из братьев Линды, тот, из-за исчезновения которого она открыла в себе магический талант, оказался жив и здоров и находился на службе у злейшего врага Солнечного Света – Сантьяго Испанского Дьявола. Новость шокировала всех, историю магического мира каждый из них знал назубок, да и с Линдой все находились в хороших и довольно близких отношениях, насколько это вообще возможно между волшебником и его воителями. Больше всех удивлялась Соня. Макар и его противная жена Лейла были ей хорошо знакомы. Они принадлежали к элите двора Сантьяго и входили в круг общения ее родителей. Кузнецова она еще могла

выносить, а вот восточную красавицу ненавидела всей душой за беспримерную жестокость и невообразимое высокомерие.

Разговор затянулся до позднего вечера, но, несмотря на то, что обсуждать было особо нечего, расходиться не хотелось. Поэтому они продолжали перетирать новость, переливая из пустого в порожнее. Только Стас не участвовал в общей беседе. Он сидел, уставившись в одну точку, находящуюся где-то в области наручных часов Влада, и думал, думал, думал. Лиза все время гладила его по плечу, стараясь ободрить, но Черный ничем не обнаруживал, что вообще чувствует ее присутствие или чье-нибудь еще.

Первые слова, которые они услышали от главы за вечер, Стас произнес в трубку сотового.

– Линда, – голосом, охрипшим от напряжения, сказал он, когда на другой стороне провода раздался звонкий девический голосок их мага, – я должен поговорить с тобой с глазу на глаз.

– Что-то произошло? – встревоженно спросила волшебница.

– Да, я приеду утром, пришли на наше место другую группу.

Сообщать такие новости по телефону было верхом бестактности, и Стас это понимал, а ехать сейчас в замок он был не в состоянии. Его вести терпят до утра, пусть еще одну ночь маленькая Лида поспит спокойно, не зная, что ее брат, о котором она тосковала все эти столетия, – враг.

Выйдя из машины около подъезда антоновского дома, Алина по-прежнему видела непривычно печальные глаза главы и слышала возмущенные фразы Сони, которыми она старалась подбодрить Стаса и просто высказывала собственное нелестное мнение о таких, как Макар Кузнецов.

Ночь была темной, очень темной. Ни одной звезды не было на осеннем, затянутом тяжелыми тучами небе. Фонари и магические шары на территории замка тоже никто не зажигал. Последнее время Хозяин запрещал устраивать иллюминацию, ожидая нападения слуг своего самого злого и опасного врага. Даже в комнатах, имеющих большие окна, царил гнетущий полумрак.

Где-то на улице кричали коты и лаял сорвавшийся с цепи пес, – судя по окрикам дежурившей у стены охраны, это, как всегда, был неугомонный Санчес – бультерьер, любимчик нынешней любовницы Хозяина, русской воительницы Светланы.

Смятые простыни, свалившееся на пол одеяло и подушка, наполовину застрявшая между широкой кроватью и стеной, – все указывало на то, что их обладатель не может похвастаться невинным сном младенца. Он лежал, тяжело дыша и массируя виски тонкими бледными пальцами. Только глаза лихорадочно блестели, перебегая с одного знакомого предмета на другой. Он прекрасно мог различить малейшие детали обстановки; даже черный рисунок на темно-синих обоях, затерявшийся в крошечной тьме спальни, он видел с ужасающей четкостью. У вампиров отличное, ни с чем не сравнимое ночное зрение, а жилец этой комнаты, расположенной на первом этаже замка Сантьяго Испанского Дьявола, был вампиром.

Олег потянулся к прикроватной тумбочке и, почти не глядя, достал пепельницу и пачку сигарет. Он прикурил и крепко затянулся дымом. Впрочем, ни вкуса, ни аромата табака он не ощущал, как не чувствовал никакого его воздействия на организм. Курение для вампира было абсолютно бесполезным занятием. Однако Олег упорно не мог избавиться от этой привычки, видимо оставшейся еще с прошлой жизни. Жизни, о которой он не помнил ровным счетом ничего. Иногда он вообще сомневался, что эта самая жизнь была, что он существовал до того момента, как проснулся в центре пентаграммы, в верхнем заостренном углу которой возвышалась фигура его Хозяина – с взлохмаченными седыми волосами, в которых кое-где виднелись угольно-черные пряди, с длинной бородой, спускавшейся чуть ли не до пояса, в развевающихся белых одеждах.

Олег совершенно не помнил, кто он, не знал, где находится, но был уверен в одном: перед ним его господин. Тот, кому он обязан служить до последнего вздоха. Тот, кто владеет его жизнью и смертью. Затем пришла жажда – сводящая с ума, удушающая. Все его существо горело в адском огне, и ничто, казалось, не могло приглушить мучений.

Дверь ритуального зала резко отворилась. На пороге стоял незнакомый мужчина с меткой воителя Сантьяго. Даже в таком состоянии он мог читать знаки, он помнил, что некоторые люди добровольно выбирают бессмертие и получают знак от мага, которому обязуются служить верой и правдой. Он мог бы назвать имена всех ныне живущих и большинства давно умерших волшебников, и только собственное имя постоянно ускользало.

Впрочем, сейчас он был не в состоянии думать об этом. Он хотел пить. Пить или умереть. Что угодно, только бы не чувствовать раздражающей горло боли, которая только усилилась с появлением воителя. Вернее, мучения Олега связывались не собственно с наделенным знаком посетителем, в жилах которого вместо спасительной влаги течет яд, смертельно опасный и отвратительно пахнущий, а с той, кого он привел в зал и сейчас крепко держал за плечи. Это была молодая девушка с округлившимися от ужаса глазами и бледностью, залившей прекрасное лицо. Человек... смертная... еда...

– Выпей ее, – скомандовал Хозяин.

Олегу не надо было повторять дважды. Только отсутствие разрешения, без которого он вряд ли смог бы даже свободно дышать, удерживало его в центре пентаграммы, мешая вскочить на ноги и неистово, яростно, насколько позволяли силы, броситься на свою первую жертву. Он, не задумываясь, оттолкнул воителя в сторону, и парень рухнул на пол, больно приложившись головой о стену. «Ничего, переживет. Бессмертный как-никак», – промелькнуло в голове Олега.

Он не знал, что надо делать, но инстинкты были надежнее любого знания. Крепко обхватив девушку за плечи, он молниеносным движением откинул ее длинные черные волосы за спину, обнажая тонкую изящную шею. На ней пульсировала голубая жилка, едва просвечивающая сквозь загорелую оливковую кожу испанки. Не медля более, он вонзил острые, как бритва, зубы ей туда, где безошибочным чутьем угадывал биение сонной артерии. Девушка заголосила, извиваясь всем телом. Но длилась ее агония недолго, вскоре глаза затуманились от блаженства, даруемого поцелуем вампира, которое постепенно превращалось в блаженство небытия. Выпив всю кровь до последней капли, он опустил безжизненное тело на пол и вытер испачканные алым губы. Жжение в горле прекратилось, он чувствовал себя великолепно.

– Назови свое имя, раб, – приказал Сантьяго, подходя на расстояние вытянутой руки. От него пахло апельсинами и одеколоном «Хьюго Босс».

– Олег, – выпалил новорожденный вампир первое имя, которое пришло в голову. Хотя не сомневался: раньше его звали по-другому. Впрочем, он понятия не имел, что было раньше. В голове теснилась уйма сведений по истории и боевым искусствам, он даже помнил названия и содержание сотен книг, мог пересказать дурацкое телевизионное шоу, показанное по кабельному телевидению десять лет назад, и назвать точную дату его выхода, без ошибки перечислить всех победителей Чемпионата мира по футболу, причем не только страны, но и фамилии каждого игрока, рассказать, в каком фильме кто из актеров снимался, но он ничего не мог вспомнить о себе. Олег даже не знал, откуда он все знает, было ли оно частью его прошлой памяти или маг вложил сведения ему в голову во время ритуала.

Но это было неважно. Он здесь, чтобы служить, а не для того, чтобы думать, вспоминать, страдать или радоваться.

– Можешь идти, новорожденный Олег, – распорядился Сантьяго, положив руку на плечо своему вампиру. – Диего тебя проводит.

Парень-воитель с опаской косился на своего нового соратника, но ничего не говорил. Ему было не впервой присутствовать при пробуждении мертвых. Почти все, особенно бывшие

воители, первые сутки были малость нервными. Потом это проходило, и новички практически ничем не отличались от носящих знак, разве что рационом питания.

С тех прошло несколько месяцев. Выяснилось, что Олег – сильный воин. Он прекрасно владел всеми видами рукопашного боя, имел отличную тактику боя на мечах, метко стрелял из любого оружия. Его прикрепили к одной из групп в подразделении «Псы Тьмы», в котором вампиров было больше, чем воителей. В его отряде живой была только глава, отвратительная дама по имени Сальма. Он ее ненавидел всей душой, но не мог послушаться Хозяина. Она была из выживших, тех, кто потерял всех своих боевых товарищей, и не хотела больше связывать себя отношениями с живыми. Между вампирами и воителями уз не возникало. Они были соединены не так крепко, нити немертвых имели прозрачный цвет и не ощущались как часть собственной души. Сальму это вполне устраивало. Даже если все они умрут в один день, она этого не заметит.

Олег чувствовал себя вполне комфортно в окруженном стенами замке. Днем он играл в карты с новыми друзьями или заводил кратковременные, ничего не значащие интрижки, по ночам же либо нес вахту на стенах, либо отправлялся в населенные смертными города на охоту. Убивать он больше не убивал, предпочитая поохотиться несколько раз, но выпить не больше, чем позволено магическим законом. Человек после укуса оставался жив, но ничего не помнил. Большинство из них, просыпаясь утром, считало, что вчера крепко перебрали.

Только под утро, когда он засыпал в своей постели, его начинали одолевать сомнения. Он хотел знать, кем был раньше. Хотел вспомнить, как прошло его детство, как он в первый раз влюбился, что предпочитал делать по вечерам в выходные. Он мечтал выяснить, была ли у него семья: жена, девушка, братья, сестры, мать, отец, дети. Хоть кто-то, кто помнил его настоящим, оплакивал его исчезновение. Но прошлое надежно скрывала темная пелена, как и в первый миг нового существования.

Это могло значить только одно: в прошлой жизни он был воителем. Судя по тому, что сразу после пробуждения его не окружила толпа взволнованных друзей и безутешных родственников, выбор этот он сделал не добровольно и Сантьяго раньше не служил. А значит, практически со стопроцентной вероятностью был светлым. Скорее всего, «демоном», одним из тех, с кем теперь сражается не на жизнь, а на смерть, когда они как сумасшедшие лезут через неприступные стены, повинаясь приказам своих магов – идиотов, лелеющих глупые идеи о всеобщем благе, красоте, гармонии и вечном покое на Земле.

Каждый раз, скрещая клинок с новым врагом, Олег задавался вопросом, не были ли они знакомы, не был ли тот, кого он пытается убить, когда-то близким ему человеком. Но ни разу, ни в чьих глазах он не заметил искорки узнавания. Все они, эти бесконечные парни и девушки с вражескими метками на руках и висках, были ему совершенно чужими.

С каждым днем он все реже задавал себе вопрос, кто он, постепенно смиряясь, что никогда этого не узнает. И если бы не одно очень странное обстоятельство, скорее всего, он стал бы относиться к своему довампирскому прошлому, как большинство других немертвых: было и прошло.

Но каждую ночь, стоило ему только заснуть, он видел ее. Она являлась на фоне полной темноты. Стройный силуэт, серые глаза, пепельные длинные волосы. Она не обладала классической сногшибательной красотой, как, например, его последняя любовница Мадлен, но была несравнимо милее всех женщин, каких ему довелось видеть.

Случалось, она улыбалась ему. Иногда почти удавалось услышать ее смех. А временами в ее глазах таилась печаль. Тогда она словно звала его, но он не мог расслышать имя, которое она произносила. Несколько раз девушка приходила в его сны не одна. С ней был мужчина, он держал ее за руку очень бережно, почти благоговейно. Она смотрела на незваного гостя с любовью и восхищением. Мужчина как две капли воды был похож на Олега и в то же время им не был. Это больше всего напоминало ожившее отражение в зеркале, которое вдруг ни с

того ни с сего начинает жить самостоятельно и совершать то, чего ты сам никогда не сделал бы. Глядя на них, Олег ощущал к своему двойнику благодарность, смешанную с легкой грустью и чувством утраты. Но благодарность была сильнее, благодарность за то, что он любит ее, за то, что делает счастливой, что защищает и оберегает.

Сегодня незнакомка опять пришла к нему во сне. На ней было свадебное платье, белое до голубизны, с пышными юбками, отороченными тонким кружевом, и открытым декольте, едва скрывающим округлости груди. Ее волосы были собраны в высокую, очень сложную причёску, а длинная фата спускалась почти до пола. Она улыбалась ему, маня к себе длинным пальчиком с аккуратным французским маникюром. На безымянном пальце правой руки красовалось обручальное кольцо – тоненький золотой ободок с тремя вытянутыми неправильной формы изумрудами, соединенными между собой в форме сердечка. Больше всего Олегу хотелось подойти к ней, дотронуться до нежной кожи, поцеловать подведенные розоватым блеском губы, но он словно прирос к месту и не мог пошевелиться. Он с таким трудом пытался сделать вожаемый шаг, что наяву, в реальном мире, разворотил всю постель, но она осталась все так же далека. Он понимал: она могла жить десять лет назад, или сто, или тысячу, или вообще являться всего лишь плодом его воображения, рожденным страстным желанием узнать, кем он был раньше. Но в последнее Олег не верил. Они были знакомы. Только вот кем ему приходилась до боли знакомая незнакомка – женой, подругой, матерью, сестрой, дочерью, он не помнил. Но судя по чувствам, которые вспыхивали в его душе от одного только взгляда, кровной родственницей ему она не могла быть.

Измученный собственными видениями, Олег расспрашивал остальных вампиров, бывших воителей, чью память тоже уничтожили, не являются ли и им во снах картины из прежней жизни. Они смотрели на него с жалостью, качали головами и, опутив глаза, объясняли, что это невозможно. Воспоминания того, кто наделен знаком, при перерождении стираются полностью и безвозвратно. Исключений не было. Никогда...

Олег и сам знал, что они правы. Весь день он убеждал себя, что незнакомка – это иллюзия, всего лишь сон, однако ночью, когда она опять приходила, он не сомневался, что между ними существует некая связь. Ему хотелось забыться, погрузиться в темноту, хоть на ночь дать отдых истерзанному сердцу, но ни один вид снотворных на вампиров не действовал, и даже алкоголь, которым так любили спасаться смертные и воители, не оказывал на немертвый организм абсолютно никакого влияния.

Стас приоткрыл окошко машины, давая возможность конопатому Джефу, стоящему на посту охранника, считать знак и опознать в Черном своего. Удостоверившись, что все в порядке, парень махнул рукой напарнику, Шарлю, и ворота медленно и бесшумно стали открываться.

Было не больше шести утра, и замковый двор практически пустовал, если не принимать во внимание несущую дозор стражу да парочку перепивших с вечера обитателей, решивших провести ночь на газоне, вместо того чтобы ютиться в тесной комнатке.

Стас оставил машину на стоянке и, не потрудившись вытащить ключи из зажигания и установить сигнализацию, направился к особняку.

Идти через обычные для воителей двери и плутать по бесконечным коридорам он не собирался. Для него, самого первого из воителей, имелась другая дорога, ведущая не в третий зал (кабинет Линды), а в ее личные покои.

Обойдя замок с задней стороны, он приоткрыл узкую дверцу, не видимую невооруженным глазом, и оказался в огромном, светлом помещении, которое служило для Лиды местом отдыха. Пройдя через несколько комнат поменьше, уставленных красивой мебелью, сделанной для волшебницы на заказ умельцами прошлых эпох, он очутился перед двустворчатой дверью, начинающейся от пола и достигающей потолка.

Черный поднял руку и постучал сначала три раза подряд, потом два с интервалом в секунду, затем пять подряд, и снова два с интервалом. Двери распахнулись, едва не сбив Стаса с ног. Увернувшись от неуклюжих створок, он вошел в просторную комнату с большой кроватью, телевизором, занимавшим почти половину стены напротив и трельяжем с высокими зеркалами. В углу около окна, занавешенного тяжелыми темными гардинами, стояло плетеное кресло-качалка. В нем сидела Линда в кружевном пеньюаре и пила кофе. Рядом прямо в воздухе висело блюдечко и поднос, полный эклерами с заварным кремом.

– Привет! – поздоровалась Солнечный Свет, облизывая шоколадную очень сладкую глазурь.

– Привет, я с плохими новостями, Лида. – Наедине Стас всегда называл ее настоящим именем, и ей нравилось, как самое обычное, ничем не примечательное имя звучит в его устах.

– Садись... – Линда взмахнула рукой, перед ней материализовался стол и еще одно кресло-качалка. Поднос с эклерами аккуратно опустился на столешницу, на которой уже стояла вторая чашка и кофейник. – Поешь сначала, позавтракать небось не успел.

– Не успел, не до того было, – признался Стас, с удовольствием кусая тающее во рту угощение. – Новости есть?

– Глухо, как в танке, – поморщилась Линда. – Даже вездесущие «коты» и «ангелы» Сантьяго, от которых раньше ни в одном крупном городе спасу не было, куда-то подевались. Никто не видел даже одного случайного выходного темного с его знаком. И так не только в Москве. Они как сквозь землю провалились.

– Мы видели вчера, – кисло сказал Стас, стараясь запить горечь воспоминаний слишком крепким кофе без сахара.

– И?... – Линда отставила чашку, перейдя от ленивой утренней расслабленности в состояние полной боевой готовности.

– Ты только не нервничай, ладно? – Стас осторожно подбирал слова, хоть и понимал: для того, что он собирался сообщить, не было мягких выражений, способных утишить боль Лиды, как и его собственную. – Вчера мы с ребятами разделились. Пятерых попросил Натан, чтобы предотвратить теракт, запланированный Адрианом, а я, Алина и Лиза остались в городе. Мы зашли в кафе на территории Ванессы Несущей Боль. Практически сразу за нами туда пришли двое темных. Алина заметила их первой и сразу распознала слуг Сантьяго. Они не прятали знака.

– Значит, были, скорее всего, не на задании, – задумчиво проговорила Линда.

– Учитывая, что они относились к подразделению «псов», даже вероятно, – согласился Стас. – Девушка, Лейла Кузнецова, решила узнать наши имена. – Стас старался не встречаться с Линдой взглядом.

– Вы были на территории Ванессы, любой из коалиции смерти имел право знать, как вас зовут, ничего удивительного не вижу

– Не в том дело. – Стас громко поставил чашку на стол и встал. Ему казалось, что говорить, глядя в противоположную стену, будет легче. – Ее спутника звали Макар Кузнецов...

Черный надеялся, что Линда сама догадается, но волшебница оставалась совершенно спокойной и с легким нетерпением ждала продолжения рассказа, ради которого Стас поднял ее в такую рань. Впрочем, ради него она была готова не ложиться вовсе.

– ...Макар Кузнецов – твой брат и мой бывший лучший друг, – закончил Черный на одном дыхании и резко развернулся, услышав звон бьющегося стекла. Миллион осколков рассыпался по полу, превратив его темное покрытие в дешевую подделку звездного неба. Линда неподвижно сидела в кресле, зажав рот рукой. Из черных глаз по щекам катились слезы.

Для Алины утро внепланового выходного началось с завтрака в постели, нежного поцелуя в губы и аромата сотен роз, расставленных в вазы по всей спальне. Бордовые, розовые, красные,

белые, оранжевые, зеленоватые, они смотрели на нее своими распутившимися бутонами и являлись символом ее счастья.

– Доброе утро, принцесса, – прошептал Антон, устанавливая специально приспособленный для этих целей поднос на кровати рядом с Алиной.

– Доброе, – потянулась Серебряная, рассматривая завтрак, состоящий из сэндвича, фруктового салата, пирожного и кофе. – Как тебе удастся угадать, что именно я хочу?

– Я просто стараюсь думать, как ты, – улыбнулся Антон, проведя рукой по взлохмаченным со сна волосам девушки. Он все еще не верил, что спустя столько лет, несмотря на глупые, неправильные решения, которые он принимал, вопреки проискам темных сил, едва не лишивших его жизни, наперекор судьбе, отдавшей Алину Максиму, она снова с ним и любит его так же, как когда-то.

– У тебя здорово получается, – Серебряная подцепила пальцем взбитые сливки, украшавшие салат сверху, и с видом наивысшего блаженства облизала его. – Обожаю взбитые сливки!

– И пирожные, – подтвердил Антон. – Если бы знак не держал твой организм в форме, к сорока ты бы стала пухляком.

– Значит, пухляком? – притворно обиделась Алина и запустила в Зеленого подушкой. Он ловко увернулся и, рискуя свалить поднос с едой на пол, набросился на подругу, всем телом прижимая ее к пуховому одеялу.

– А кто говорит, что мне не нравятся пухлики? – целуя ее в губы, спросил он.

– Они никому не нравятся, – выдохнула Алина, чувствуя, как начинает кружиться голова, а желание позавтракать постепенно исчезает.

– Ешь, – внезапно отстранившись, распорядился Антон. – Калории – наша жизнь.

Разговоры, поцелуи, снова разговоры, бестолковое американское реалити-шоу по музыкальному каналу и опять поцелуи. Музыка в стиле восьмидесятых и дурацкая идея танцевать голышом, стоя босыми ногами на пушистом ковре. Ванная с высоченной пеной, менявшая цвет с помощью специального артефакта бытовой магии от бледно-розового до насыщенного красного.

Алина чувствовала себя превосходно. Казалось, словно какой-то могущественный волшебник вознес ее с грешной земли на легендарное седьмое небо. И в то же время она понимала, что это пир во время чумы, украденные у реальности минуты солнечного небытия, в котором были только тела, слова и два сердца, бьющиеся в такт.

Олег шел по темным, вечно холодным коридорам замка Хозяина. Его вызвал к себе Макар – один из приближенных Сантьяго, выдернув вампира из постели. От подобного вызова ничего хорошего ждать не приходилось. Сам Кузнецов был парнем приятным, а вот его ехидная и злющая, как тысяча чертей преисподней, женушка Лейла, не отходявшая от него ни на шаг, только и умела, что давать распоряжения и устраивать разносы за малейшие прегрешения. Что могло понадобиться от него двойке избранных, Олег не знал. Да, по правде говоря, узнавать не стремился. Ничего предосудительного за последнюю неделю он не сделал, к тому же искренне считал, что выговаривать за ошибки ему должна глава группы Сальма, а никак не «псы» из другой, пусть и элитной команды.

Оказавшись на этаже, населенном элитой воинства Испанского Дьявола, Олег привычно поморщился. От вычурной роскоши этого коридора рябило в глазах. Украшенные золотом и серебром двери с инкрустированными в косяки драгоценными камнями, разноцветные гобелены, каждый из которых был соткан вручную рабами – людьми, которых держали в подвалах замка вопреки всем правилам, прописанным в магическом законодательстве, узорчатые магические шары, дающие довольно яркий свет, толстые ковры, в которых ноги запросто могли увязнуть... Все это вызывало у Олега безотчетное раздражение и неприятие. Ему казалось

отвратительным делать такие различия между воинами, верой и правдой служащими своему господину. Это напоминало двор королей прошлых эпох, а никак не замок современного мага.

Дверь, рядом с которой красовалась табличка «Кузнецов Макар, Кузнецова Лейла» находилась в самом конце коридора, рядом с холлом, из которого вниз и вверх уходила огромная мраморная лестница, устланная, как и все в этой части дворца, коврами. Олег протянул руку к золотому дверному колокольчику и осторожно потянул за шелковый шнурок. Раздался мелодичный перезвон.

– Открыто, – услышал он голос Макара и толкнул тяжелую дубовую дверь с вырезанным рисунком.

– Вы хотели меня видеть? – поинтересовался вампир, когда замок щелкнул, отгораживая их от коридора, по которому только что пробежала стайка хохочущей малышни из привилегированных семей.

– Садись, – Макар махнул рукой в сторону стоящего в углу дивана. Выглядел Кузнецов не очень. Казалось, он не спал больше суток. Под глазами пролегли тени, лицо осунулось, немытые волосы неряшливо топорщились во все стороны. Перед ним на круглом столике стояла наполовину пустая бутылка текилы и дымилась кубинская толстая сигара с густым ароматом шоколада. Неизменной Лейлы видно нигде не было, но Олег не обнадеживался: пятикомнатные апартаменты высокопоставленного «пса» могли скрывать от взгляда посетителей хозяйку до тех пор, пока ей самой не захочется явить себя восхищенным взглядам гостей.

– Я хотел поговорить с тобой... Олег, кажется? – начал Макар, буравя вампира пронзительным взглядом неестественно светлых глаз.

– Я вас слушаю, – вежливо ответил Олег, теряясь в догадках о причине странного вызова.

– То, о чем я хочу тебя спросить, может показаться странным. Я очень рассчитываю, что наш разговор останется в тайне. От всех, в том числе от моей жены, – Макар опрокинул в рот стопку текилы и закусил лимоном, обнаружившимся на блюдечке рядом. Олег почувствовал любопытство и некоторое облегчение от того, что Лейлы поблизости все же нет.

– Конечно, сеньор.

Трепаться о делах аристократии было себе дороже. Подобные вольности зачастую приводили болтуна в сырые подвалы замка, где его пичкали котлетами и колбасой, стимулируя жажду, и отказывали даже в капле хотя бы донорской или тем более животной крови. А то и хуже – пытки... Сантьяго научился применять их даже к немертвым, чьи тела исконно отличаются невосприимчивостью к боли.

Макар окинул посетителя внимательным взглядом, словно не решаясь сказать то, ради чего заставил его пройти через весь огромный дворец.

– Ты помнишь что-нибудь о своем прошлом? – неожиданно спросил он, внимательно следя за реакцией собеседника. Олег почувствовал легкую дурноту. Неужели до высших дошли слухи о том, что он видит странные сны и пытается выведать их природу? Неужели они решили отобрать даже эту крошечную зацепку, способную однажды привести его к собственному прошлому? Он не мог этого позволить. Он устал от бесконечной бессонницы, но ни за какие блага, которыми мог одарить его Хозяин, он не согласился бы вычеркнуть из памяти лицо пепельноволосой девушки. Конечно, если Хозяин прикажет, он не сможет сопротивляться. Ритуал, которому подвергли его бездыханное тело, полностью лишил вампира собственной воли. Он никогда не сможет сделать ничего, что было бы неуютно Сантьяго.

– Нет, – решился на обман Олег. В конце концов, дама с серыми глазами могла быть всего лишь плодом его воображения.

Так говорили все его приятели, и у него не было никаких оснований не доверять старшим товарищам. А до чужих эротических снов никому нет никакого дела. Даже здесь, в замке Испанского Дьявола.

– Ты уверен? – настаивал Макар.

– Ритуал стирает все воспоминания, если прошедший его при жизни был не простым человеком, а бессмертным воителем, – отпартовал Олег, прекрасно зная, что прописные истины известны Кузнецову не хуже него, и все равно почему-то он интересуется тем, что по логике должно быть невозможно.

– Я знаю, – отмахнулся Макар. – То, что я скажу сейчас, информация строго засекреченная. Об этом известно единицам, даже среди темных... даже среди слуг Испанского Дьявола. – Кузнецов выдержал секундную паузу. – При условии, что ты будешь со мной до конца честен... Если я хотя бы заподозрю, что ты обманул меня... Пощады не будет. Три месяца без крови научат тебя не лгать старшим по званию.

Олег поморщился. Пока ему не удавалось протянуть без еды больше трех дней. Он слышал, что у более взрослых вампиров иногда получается растянуть период голодовки на неделю, у некоторых даже на десять дней. Самые древние могли обходиться без пищи около месяца. Но жажда сводила с ума даже самых выносливых и старых. Таких молодых, как Олег, она превращала в неконтролируемых монстров, которых проще уничтожить, чем привести в чувство. Спорить с Макаром Кузнецовым, известным своими безбашенными выходками, было опасно. Оставалось надеяться на то, что, несмотря на высокое положение, которое тот занимал несколько веков, и свойственную всем слугам Испанского Дьявола любовь к издевательствам над ближним и дальним, слухи о справедливости воителя окажутся правдивы. Олег кивнул, давая согласие на откровенность взамен откровенности.

– Вот и хорошо, что мы поняли друг друга. – Макар выпил еще одну стопку, но закусить в этот раз не потрудился. – Иногда, очень редко, воители, обладающие огромной силой духа, что редкость даже для бессмертных, могут сохранить отдельные воспоминания. Это может быть что угодно. Образы, лица, отдельные разговоры, – короче, что угодно. Обычно они не бывают связаны между собой и являются спонтанно. За всю историю, насколько мне известно (а известно мне многое), из всех полчищ вампиров Сантьяго подобное случалось всего трижды. Впрочем, кто-то еще мог скрывать обрывки своих воспоминаний. В любом случае, это редкость. Зная твою историю, могу предположить, что ты один из таких.

– Вы знаете мою историю? – Олег подскочил как ужаленный, забыв о том, с кем разговаривает. Сейчас он был готов рассказать Макару все, что тот захочет, лишь бы узнать хоть что-то о себе.

– Я навел справки. Сложнее всего было выяснить твое настоящее имя, дальше пошло легче. Тебя знали все, – Макар пожал плечами.

Олег вздрогнул, представив, как именно он навел справки. В казематах томились десятки светлых воителей, которых постоянно допрашивали, пытали, над которыми ставили опыты, а потом убивали, если те, конечно, сами не умирали от бесчеловечного обращения. Об одном пленнике, которого Сантьяго ошибочно принял за генерала армии Линды Солнечный Свет, своего злейшего врага, к открытому противостоянию с которым готовились все воители Испанского Дьявола вот уже несколько месяцев, Олег слышал от товарища вампира. Парня освободили свои незадолго до того, как появился Олег, но то, что делали с ним без малого восемь лет, заставляло корчиться от отвращения даже проклятую душу немертвого. Светлый не сдался и не сломался. За все годы пыток он не произнес ни одного слова, не издал даже звука. Измученный, растерзанный, он нашел в себе силы сражаться, когда вместе с друзьями прорывался к выходу. Наверное, именно такие, как он, обладают силой духа, о которой говорит Макар. Олег испытывал восхищение перед сбежавшим пленником. Все испытывали, хоть никто никогда не говорил этого вслух. Только воители элитных подразделений участвовали в охране ценного заложника, но слухи все равно просачивались и циркулировали между остальными, не допущенными до страшной тайны. Они шептались об этом за плотно закрытыми дверями своих спален, обсуждая, к чему приведет захват важного воина противника.

– Имени твоего я тебе не скажу, – продолжал Макар. – Это не имеет никакого значения ни для тебя, ни для твоей службы. Но могу сказать, кто был твоим господином раньше и как ты попал к нам.

Это было больше, чем Олег мог рассчитывать. За такую информацию любой вампир был готов сделать что угодно.

– Ты служил Линде Солнечный Свет. А к нам попал вместе с другими семнадцатью воителями в тот день, когда светлые провели операцию освобождения лжегенерала. – Макар наблюдал за реакцией Олега, но вампир сумел сохранить бесстрастное выражение лица. Линда Солнечный Свет... Почему-то он не был удивлен... Он догадывался. Все сходилось к этому. Время его обращения – как раз после операции, которую с блеском провели светлые в их замке, намеки, отпускаемые другими вампирами, которые по приказу свыше не могли разглашать эту информацию, но сами-то прекрасно ее знали... – Я хочу знать: что ты помнишь о той части своей жизни? – Макар снова стал задавать вопросы. И теперь Олег понимал, чем вызван его интерес. Кузнецов надеялся, что Олег помнит что-то важное о планах Линды, или знает, кто настоящий генерал, или владеет какой-нибудь еще информацией...

– Практически ничего, – честно признался Олег. – Мне снится женщина, очень красивая женщина. Она все время что-то говорит, но я не слышу ни слов, ни даже голоса. Иногда она бывает не одна. С ней приходит парень, похожий на меня, но не я. Больше я ничего не помню. Только два лица. Я даже не знаю, кем они мне приходятся. И не являются ли просто сном.

Макар выглядел разочарованным. Олег понимал, что та информация, которой поделился с ним воитель, во много раз ценнее, чем то, что он смог сообщить в ответ. Но Макар сам сделал выбор, приоткрыв перед вампиром завесу прошлого, предварительно не узнав, что получит взамен.

– Ясно, два лица, – прошептал Макар и залпом осушил бутылку до дна. – А о своем бывшем маге ты что-нибудь помнишь? – перешел он к главному, тыльной стороной ладони вытирая подбородок.

– Нет. Хотя я и подозревал, что раньше был светлым, даже догадывался, что служил Линде. Но это не память, а логические выводы.

– Меня не интересуют ее коварные планы, цели и прочая ерунда, – взорвался Макар. Он сорвался с места и принялся мерить шагами комнату. Олег не понимал его поведения, но тактично молчал. На то Кузнецов и избранный, чтобы вести себя так, как ему вздумается. – Меня интересует ее история. То, что не вошло в учебники. Я хочу знать, как она выглядит. Фотографии в книгах нечеткие, старые, по ним не поймешь. «Хамелеоны» всю свою информацию передают лично Сантьяго, а он сведениями не делится. Я хочу знать о ее биографии то, что известно только ее друзьям. А ты был одним из них. Ты многое знал, и я бы отдал все, лишь бы докопаться хотя бы до половины.

Макар был возбужден. Его глаза лихорадочно блеснули, словно он был вампиром. Руки тряслись. Олег чувствовал себя смущенным. Обычно такие, как Кузнецов, своих эмоций на людях не показывают. Это было что-то новенькое, а главное, совершенно необъяснимое. Зачем одному из самых влиятельных воителей Сантьяго нужна личная информация о чужом маге, к тому же втайне от своего господина? В то, что сам он входил в число друзей Линды, Олег не верил. Это просто не может быть правдой. Судя по тому, что он слышал за последние месяцы, Солнечный Свет была высокомерна и холодна, даже любовников не заводила, а уж о друзьях Линды вообще никто не слышал. Хотя, если рассуждать здраво, абстрагируясь от принятых в среде темных стереотипов, никто из них толком не знал, какова Солнечный Свет на самом деле.

– Думаю, вы ошибаетесь, сеньор, – осторожно сказал Олег. – Я много слышал о Линде. Она не из тех, кто заводит друзей.

– Много ты знаешь, упырь! – Макар подлетел вплотную к Олегу и схватил его за отвороты рубашки с такой силой, что верхняя пуговица с треском оторвалась. Глаза воителя были

красными от kloкотавшей в нем ярости, выпитого алкоголя и бессонной ночи. Вампир почувствовал мертвую хватку горячих пальцев... Если бы для существования ему был бы необходим кислород, он не на шутку испугался бы. Но немертвые могут не дышать часами, Олег просто задержал дыхание, пережидая, когда гнев отпустит Макара и тот оставит в покое его рубашку.

– Она ценит друзей больше всего на свете. Один из ее воителей был с ней с самого рождения. Он глава группы, в которой служил ты! Мне пришлось замучить трех человек, чтобы добыть эти сведения. А все напрасно. Ты ничего не помнишь! – Макар потряс головой, словно вытащенный из воды пес, резко отпустил Олега, так, что тот от неожиданности пошатнулся, и сам рухнул на пол, закрыв лицо руками. Олег стоял над ним, не зная, что делать дальше. Он видел: Макар Кузнецов, которого боялись и уважали все без исключения, плакал, как маленький мальчик, совершивший что-то очень плохое и получивший взбучку от родителей.

– Уходи, – выдавил Макар, не глядя на вампира, – никому ни слова!

Повторять дважды было не надо. Олег вылетел в коридор, плотно притворив за собой дверь.

Алина накручивала на палец светлый локон Антона, другой рукой глядя нежную кожу на его груди. Вечер успел прийти на смену дню, и в комнате царил полумрак. Вставать и зажигать свет не хотелось. Слишком хорошо было вот так лежать и разговаривать ни о чем. К тому же воители прекрасно видят в темноте.

Они собирались съездить в замок, навестить маленького Антошку, но не смогли оторваться друг от друга, а теперь уже было поздно куда-то отправляться. Совсем скоро строгие няньки уложат детей спать.

– Ты мне все волосы выдерешь, – рассмеялся Антон, когда Алина слишком сильно дернула за локон.

– Ты и лысый будешь красавчиком.

– Уверена? Вот возьму и побреюсь.

– Ты? Ни за что не поверю. Ты дорожишь своими локонами больше любой барышни.

– Ну, ты скажешь! С Хадижей никто не сравнится.

Они оба рассмеялись, вспоминая, как на одном из заданий незадачливая вампирша, потеряв и меч, и нож, пошла в атаку на Розовую типичным женским методом, вцепившись в роскошные волосы арабки. Пожалуй, такой злой они Хадижу еще не видели.

Она умудрилась вырваться из захвата совершенно немыслимым образом и отчекрыжила коротким ножом косу девицы, прежде чем отсечь голову.

Телефон зазвонил неожиданно, заставив влюбленных вздрогнуть от громкой мелодии.

– Не дадут спокойно денек поваляться в постели, – проворчал Антон, уже предвкушая очередное нытье Сони или шутки Роберта. – Алло!

– Активируйте порталы. Срочно! Началось, – отрывисто скомандовал Стас и повесил трубку. На заднем плане слышался шум кипящего боя.

Алина с Антоном около минуты смотрели друг на друга, не смея пошевелиться, потом как по команде подскочили и, сшибая все на своем пути, начали собираться.

– На раз, два, три, – бросил Антон, протягивая один камушек – активатор портала Алине, другой сжимая в ладони.

– Раз, два, три, – отсчитала Серебряная, и комната перед глазами растаяла, сменившись темным внутренним двором замка Линды. Единственным воспоминанием от пространственного перехода осталось легкое головокружение, но Алина привычно не обратила на него внимание. Рядом плечом к плечу стоял Антон, а перед ней Соня и Влад, преодолевшие переход на пару секунд раньше. Сзади уже распахнулся портал Хадижи и Роберта, Лиза поджидала друзей чуть впереди.

Со всех сторон открывались черные воронки, из которых один за другим появлялись воители. Народу было очень много, и давка стояла жуткая. Никто толком ничего не знал, но все понимали: спешить надо к стенам, туда, где «львы» вместе с остальными расквартированными в замке подразделениями отражают первую настоящую атаку врага.

Алина неслась вслед за своими товарищами, постоянно слыша команды Стаса. Черный находился под самой стеной, раскручивая тяжелый двуручник над головой обезоруженного, но ловко уклоняющегося противника. Подлетев сзади, Антон срубил ему голову и тут же переключился на другого врага.

Неразбериха под стенами и на них была страшная. Сама Линда стояла на возвышении, обстреливая перебирающихся через стену воинов с меткой Сантьяго, горящей на висках и просвечивающей сквозь темные защитные перчатки. Атаки волшебницы были не слишком эффективны, в такой мясорубке она боялась навредить своим. Утешало только то, что самого Испанского Дьявола здесь не было. Присутствие другого мага она заметила бы независимо от маскировки.

Сантьяго нанес удар, положив начало открытому противостоянию. Но это была еще не война, а всего лишь вызов, не ответить на который было невозможно. Теперь они остались один на один – светлая Линда Солнечный Свет и темный Сантьяго Испанский Дьявол.

Макар сжал голову руками. Он сидел в углу собственной спальни в полной темноте и не шевелился. Он практически не дышал, всем существом ощущая боль. Сейчас, в этот момент, полчища воинов Сантьяго ломают через стены, сметая кованые ворота, убивая тех, кто защищает Линду, самую сильную из светлых, самую умную и коварную из всех. Ту, кого защищать должен он, Макар Кузнецов, ее родной брат, заменивший ей отца. Вместо этого он напивается в своей комнате, прогнав с глаз осточертевшую вечным нытьем жену, и ждет... Ждет, когда Лида ответит на вызов. Ответит, и он вынужден будет достать оружие. Бить, убивать, безжалостно крушить светлых, которые делают то, что обязан делать он – защищать его сестру.

Где-то там Стас, глава группы «демонов», лучший друг Макара, почти брат, рискует своей жизнью ради его сестры, а он, тот, кому небесами было предписано встать перед ней, встанет напротив и, если понадобится, вонзит меч в грудь ее верному защитнику. Или даже ей самой, давая возможность дотянуться до врага своему магу. Подчиняться приказам, не иметь собственных чувств и желаний – вот доля любого воителя.

Макар служил Сантьяго много веков и всегда был одним из лучших. Он попал в близкие советники, делил с Испанским Дьяволом головокружительные победы и редкие поражения, раздражающие не более чем булабочные уколы. Он знал все о делах своего господина. Он придумал не один план, который был принят, утвержден и приведен в действие. Он никогда не сомневался в своем предназначении. И, несмотря на отсутствие садистских наклонностей и искреннюю нелюбовь к некромантии, которой увлекался Сантьяго, Макар никогда не сомневался, что только под твердой рукой Испанского Дьявола человечество сможет прийти к счастливому будущему, сможет покорить космос и другие цивилизации, познакомиться с иным разумом своей вселенной, достичь бессмертия, даруемого не только колдовством, которое вызывает духи погибших, поднимает мертвецов из могил, сохраняя их разум, не только эликсирами, продлевающими молодость и здоровье, но и новейшими прогрессивными технологиями в медицине, такими, как нанотехнологии и клонирование. В другие миры, расположенные за порталами, Сантьяго лезть никогда не стремился. Он до сих пор помнил то, о чем забыли другие, особенно идиоты из коалиции Бездны. Он помнил Великую Войну, когда маги гибли чаще, чем бездомные собаки, а из тел воителей и смертных живые строили баррикады, дабы задержать других живых. Он помнил, как процветающие миры гибли под ударами черной магии, настолько черной, что сейчас Испанский Дьявол не решился бы применить и половину тех заклинаний, даже ради спасения собственной жизни. Макар хранил знания своего госпо-

дина, полученные во время лекций, готовящих его к судьбе воителя. В отличие от других волшебников, которые сами не занимаются обучением новичков, Испанский Дьявол всегда лично готовил ребят. Именно поэтому его воины были самыми сильными, самыми умелыми, самыми бесстрашными и самыми надежными. А потом их верность закреплялась пониманием, что за предательство они ответят и за гранью. Никто, кроме Сантьяго, не мог ходить туда когда угодно и проводить на изнанке мира столько времени, сколько потребуется. Это умение он принес в современный мир измелывавшей магии из глубокой старины. Оно принадлежало истинной тьме, единственным носителем которой он был. Именно из самых темных, по-настоящему темных потоков, без малейшей примеси света Сантьяго черпал свою несокрушимую мощь. И победить его мог только носитель истинного света, но таких давно не осталось.

Макар все это знал. Он уже видел, как седовласый старец сойдется в неравном бою с девочкой-подростком. Как вздрогнет земля от переплетенных потоков, как смертоносное заклятие устремится навстречу той, которую убить может только колдовство, как упадет, словно подкошенное, хрупкое тельце ребенка, разметав в разные стороны длинные белые волосы. Он много раз видел ее фотографии и миниатюры, написанные с нее художниками в разные времена. Видел... и не узнал. Сейчас, зная правду, он разглядел родные черты, спрятанные под уверенным взглядом волшебницы, узнал за сурово поджатой линией губ улыбку, которой так радовался когда-то. Да, она изменилась. Волосы из русых стали белыми, как снег. Светло-карие глаза превратились в угольночерные. Выражение лица ничем не напоминало девочку, некогда засыпавшую у него на коленях. Но это была она. Стас не соврал.

Макар еще крепче сдвигал виски, стараясь унять взрывающую мозг боль. Он хотел бы выпить несколько бочек вина, каких в избытке имеется в замке, чтобы уснуть и забыть, чтобы не думать. Но было нельзя. Вызов брошен. Его долг – вместе с остальными дождаться ответа и достойно встретить врага.

Сегодня Макар даже решился на неслыханный поступок. Он приоткрыл перед вампиром, бывшим светлым, завесу, скрывающую его прошлое, надеясь пробудить воспоминания, выжженные ритуалом. Он знал, что это невозможно, но надеялся. Лелея эту слабую, призрачную надежду, он впервые за много лет спустился в казематы. Он взял в руки пыточные инструменты и сделал то, что ненавидел всей душой, – причинил боль ради собственных целей. Не по приказу или необходимости (это делали все, даже светлые), а потому, что ему надо было знать все о прошлом тех, кто стал вампиром после последнего набега «демонов». Ему пришлось насмерть замучить четверых, чтобы выяснить имена и основные факты биографии этих семнадцати. Шестнадцать из них не представляли никакого интереса. Самые обычные слуги, вряд ли имеющие близкий доступ к волшебнице. По крайней мере, данных об обратном не было. Но вот семнадцатый... Он был близок со Стасом, а Стас – с Лидой. Имело смысл попробовать. И, презрев последствия своего шага, Макар призвал вампира Олега к себе. И ничего не узнал...

Злые слезы жгли глаза. Боль пульсировала в висках. Ему понадобилось целых три секунды, чтобы услышать шум, идущий со стороны стен, что для воителя с его стажем очень много. Сестра приняла вызов.

Больше не было времени предаваться унынию и жалости к себе. Макар встал, собрал приготовленное заранее оружие и уверенной походкой вышел в коридор, по которому туда-сюда метались поднятые по тревоге воины. С гордо поднятой головой он спустился по лестнице, преодолел несколько поворотов, снова спустился... и так до тех пор, пока не оказался в переполненном холле первого этажа.

Там он сразу заметил свою группу в полной боевой готовности.

– Вперед! – мысленно скомандовал он и, встав во главе отряда из восьми человек, первым вышел во двор. На стенах и под ними вовсю кипел бой. Линда послала много людей, чтобы ее ответ был сочтен достойным.

Макар вытащил длинный двуручный меч, проверил кобуру, на которой крепилось несколько пистолетов, духовое ружье и три обоюдоострых ножа. Ничто не могло помешать ему выполнить свой долг воителя. Он сделал свой выбор добровольно и очень давно. Не чувствуя больше сожалений, он привычным усилием воли вошел в боевой транс, превратившись в того, кем был всегда, – Макара Кузнецова, темного на службе Сантьяго Испанского Дьявола, коалиция Смерти, одного из высших слуг мага.

Соня еле успела увернуться, меч вампириши прошел в миллиметре от ее лица. Учитывая, что она лежала на вытопанной сотнями ног траве, а противница, словно скала, возвышалась над ней, положение было не очень, но Красной было не привыкать выпутываться из трудных ситуаций. Сделав невероятный по силе и ловкости выпад ногами, она сумела отбросить женщину на приличное расстояние и, преодолевая боль в правой руке, бросилась в атаку, пока та снова не перехватила инициативу. Сзади подбирался новый враг, но возможности оглянуться не было. Оставалось лететь вперед, рассчитывая на удачу, а фортуна (это Соня поняла уже давно) любила свою непутевую подругу. Вот и в этот раз она успела отрубить голову не ожидавшей такого поворота событий немертвой, а того, кто крался сзади, взял на себя кто-то другой. Подпалив останки обезглавленной вампириши зажигалкой, Красная обернулась, чтобы увидеть своего спасителя. Миниатюрная, совсем молоденькая девушка-воитель, скорчившись, лежала у ног ее сына Игоря.

– Спасибо, сынок, – поблагодарила она.

– Не за что, мам, – ответил Игорь и пронзил поверженной воительнице сердце загнутым на манер пиратских кинжалом.

Роберт давно не чувствовал такой ярости и ненависти, всепоглощающей, выжигающей изнутри. Сейчас он думал о своем погибшем лучшем друге, Максиме, о всех тех, кого они недооцениваются поутру, и от его привычного добродушного настроения не осталось и следа. Он был мастером-воином, наделенным скоростью и силой, способным убивать и убиваемым. Кровь врага пьянила лучше самого дорого бренди, и он наносил удар за ударом, периодически отходя в тыл и разряжая обойму за обоймой. Целиться Оранжевый старался в вампиров, которые, если повезет, вспыхивали, словно пороховые бочки, и вместе с собой уносили жизни товарищей, в панике подпаливая друг друга. Теперь они были не на задании, где все стараются по возможности чтить закон, не убивать без нужды, не наносить ущерб имуществу врага, не привлекать внимания к своему магу и кучу прочих столь же мешающих выполнять работу формальностей. Сейчас здесь была война. А на ней пощады не бывает. И Роберт не жалел никого, превратившись в машину, несущую смерть. Он, не задумываясь, снял скальп с прекрасной блондинки, разрубил пополам ее помощника, затем ловко выхватил пистолет и одним выстрелом (небывалая удача!) подпалил двух вампиров, теснящих к стене огрызающуюся магией Лизу.

Голубая исчерпала почти весь запас магической энергии и чувствовала слабость. Хорошо хоть Линда научила ее пополнять резервы, чтобы она могла орудовать мечом и крепко стоять на ногах. Но как воин она не была так уж сильна и знала это прекрасно. Поэтому, когда двое кровососов стали теснить ее к стене одновременно, она запаниковала и попробовала еще раз коснуться потоков и выбить искру, маленькую, но достаточную, чтобы живые мертвецы запылали веселым пламенем. Искру она высекла, но промазала, и огонь прошел по спине темного воителя, естественно не причинив ему ни малейшего вреда. Заряд был слишком слаб, его могло хватить только на мертвое тело. Меч постоянно натывался на клинки врагов, и ей оставалось лишь обороняться и уворачиваться, что не слишком удобно делать, чувствуя спиной холод металлической стены. Чтобы достать огнестрельное оружие, времени не было. Да и надежда с первой пули прикончить вампира слишком призрачна, чтобы всерьез на нее пола-

гаться. Лиза рассчитывала дожидаться момента и вывернуться из захвата. А потом, оказавшись за спиной врага, одолеть хотя бы одного, прежде чем второй сообразит, что произошло. Но парни не давали ей возможности осуществить задуманное. Она еще раз попробовала высечь искру, но резерв был совершенно пуст.

Два выстрела один за другим превратили вампиров в огромные мечущиеся по поляне факелы. Голубой осталось только отойти с кривой траектории их бега, что она благополучно сделала, успев заметить, как Роберт прячет пистолет за пояс. Она улыбнулась другу и привычно подмигнула. Он ответил на улыбку и скрестил меч с новым противником. К Лизе тоже спешила высоченная девица, размахивая легким мечом в одной руке и ножом в другой. Голубая встала в боевую стойку.

Когда светлые хлынули на стену, взяв препятствие с легкостью, достойной восхищения, Олег стоял на ее вершине. Он был силен, изворотлив и везуч, поэтому Сальма всегда отправляла его на передовую. Ему, как никому другому, удавалось орудовать ногами и кулаками, смешивая, казалось бы, несовместимые техники боя. Он не помнил, как учился применять свои навыки, но от того они не делались менее смертоносными. Олег по праву гордился собой. Не каждый в начале своей второй жизни может похвастаться тем, что одной рукой кладет на лопатки вампира, разменявшего несколько сотен. А он мог. Он был рожден для боя и только в бою чувствовал себя по-настоящему счастливым. Возможно, когда-то он умел наслаждаться чем-то еще, но это осталось в прошлом, а Олег предпочитал жить настоящим. Когда первый воитель со светящимся знаком Линды нанес удар, он, не задумываясь, отбросил его назад. В бою, где важна только сила, ловкость и удача, он чувствовал себя Богом. Он не думал, что мог знать несчастного парня, кувырком слетевшего с высокой стены. Его сомнения, страхи, желания, изнуряющие душу сны – все осталось в темноте его маленькой спальни. На стену он взял с собой только меч, несколько острых кинжалов, кулаки и знания. Все остальное подождет. Его долг – защищать цитадель Хозяина до последнего вздоха мертвого тела. И если против него встанут его бывшие друзья, тем хуже для них. Он выкарабкается, ему не в первый раз. Олег обрушил сокрушительный удар на голову бледной женщины из подразделения «летучих», превратив ее череп в кашу из костей, крови и мозга.

Лейла кружилась в завораживающем танце смерти. Распущенные волосы трепал шквалистый ветер, созданный Сантьяго, чтобы усложнить жизнь наступающему врагу. В отличие от других женщин-воительниц, она никогда не убирала волосы в высокий хвост или в пучок. Даже в пылу сражения она предпочитала выглядеть потрясающе, не думая об удобстве. Она хотела, чтобы, умирая, враг видел ее красоту и завидовал ей. Почти всегда, если такая возможность, конечно, была, Лейла выбирала своими противницами женщин. Она ненавидела женщин еще с тех пор, как жила в гареме своего первого господина – персидского султана. Она ненавидела их за то, что каждая могла соперничать с ней красотой, привлекать внимание мужчин, отвлекать их от нее. Тогда, в юности, в шикарных залах, отведенных любимым женам султана, стать самой лучшей было вопросом жизни и смерти. Те, кто хотя бы раз позволил себе слабость выглядеть неподобающим образом, оказывались на арене и встречались с разъяренным голодным львом на потеху страждущей толпе. Она боялась львов и хотела жить долго. Она ненавидела мужа, но позволяла делать с собой все, что угодно. Она стала любимой женой, и ей завидовали все, потому что самые дорогие наряды, самые крупные украшения, самые изысканные яства неизменно доставались именно ей. Она жила в золотой клетке и втайне лелеяла мечту вырваться на свободу. Почти шесть столетий прошло с тех пор, но она до сих пор помнила застывшее в глазах ненавистного господина удивление и обиду маленького избалованного ребенка, когда она пронзила его сердце ножом для резки фруктов. Затем она разделалась со второй женой – презренной Назирой, которую некоторые глупцы считали красивее нее, Лейлы. А все оттого,

что она была на пять лет моложе и только-только вошла в возраст, пригодный для замужества. А потом Лейла сбежала с проезжим купцом, на деле оказавшимся воителем, подыскивающим новую команду.

С тех пор девушка стала одной из лучших. Она доставала врага, когда все остальные считали это невозможным. Она убивала тех, кто был сильнее. Она не ведала жалости, вид крови доставлял ей удовольствие, а крики поверженных противников приводили в экстаз. Она впитывала чужую боль и становилась сильнее. Она смотрела, как на грязную землю скатываются красивые головки недавно прекрасных соперниц, и все внутри у нее пело. При этом сама Лейла ни разу не была ранена серьезно. Мелкие царапины и раны, заживающие за пару дней, не в счет. Она дочь фортуны, ей ничего не грозит. Она будет жить вечно. Она больше не боялась львов, они не могли причинить ей никакого вреда.

Вот и сейчас Лейла с видом опасной хищницы кружилась вокруг хрупкой блондинки, загоняя ее в угол, лишая сил. Девушка устала и делала одну ошибку за другой. Удар, еще удар. И тут блондинка поскользнулась в луже крови, вытекшей из раскуроченной грудной клетки какого-то парня. И это для нее билет за грань. Лейла занесла меч и одним движением укоротила светлую на голову.

Рассмеявшись безумным смехом победительницы, Лейла огляделась в поисках нового врага. Свою жертву она увидела сразу. Красивая, высокая, худая, с коротко остриженными волосами и правильными чертами лица. Неимоверная грация выдавала в ней одну из «сокрытых». Она не дралась, она танцевала, перемещалась так быстро, что все движения ее выглядели размытыми. Светлая почти сливалась с окружающим пейзажем, но не настолько хорошо, чтобы Лейла не заметила ее красоты. Выбрав цель, темная устремилась к девушке, отмахиваясь по пути от мужиков, стремящихся вступить с ней в бой. В ее груди тлел огонек ненависти к прекрасной светлой.

Алиса перебралась через стену и огляделась. Внутренний двор замка Сантьяго кишел темными. Ее товарищи наступали со всех сторон, но их было много меньше, чем защитников. И это при том, что обитель Линды в этот момент штурмуют силы, превосходящие армии большинства ныне живущих магов. Девушка вытасила парные клинки, верой и правдой служившие ей не одно десятилетие. Врагов было слишком много – выбирай любого. Она не стала раздумывать и проткнула насквозь ближайшего к ней темного, прицеливавшегося к голове ее внучатого племянника Вадима. Парень кинул на тетку благодарный и слегка раздраженный взгляд. Где это видано, чтобы «защитнику рая» в бою помогали «сокрытые»? Он перемахнул во двор, туда, где кипела самая горячая схватка. Выяснять отношения со старшими родственниками момент был неподходящий.

Алиса покачала головой и, не прибегая к помощи веревки, скользнула вниз. За последние недели, которые они с Вадимом провели бок о бок в Испании, мальчишка успел надоесть своей вечной жадой доказать всему миру, какой он крутой. Такой же была его бабка, покойная сестра Алисы Маргарита, в конечном итоге посчитавшая, что среди людей ее оценят лучше.

Какофония звуков, мельтешащие перед глазами фигуры, летящие во всех направлениях пули, звон скрежетаемой стали, стоны раненых и умирающих, крики живых и темная фигура в длинном черном плаще, возвышающаяся над всем этим адом с вытянутыми вперед руками, с которых потоками лилась истинная тьма, убивающая всех, до кого смогла дотянуться, – за долю секунды выбили из головы Алисы мысли о семейных неурядицах. Здесь надо было выживать и убивать. Отражать удары и наносить свои. Уклоняться от пуль и стрелять. Алиса разрядила обойму. Двое вампиров вспыхнули, получив ранение по касательной, один воитель заработал пулю в плечо. Остальные патроны улетели в пустоту или вонзились в немертвую плоть, не причинив никакого вреда. Перезаряжать оружие было некогда. Размахивая клинками, Алиса встретила двуручник какого-то воина, вместо защитного костюма современного образца одетого в допотопные латы. Естественно, один из «зачарованных». Оставалось только догады-

ваться, как он умудряется в них передвигаться, дышать и видеть, куда наступает. Однако это не делало его менее опасным противником. Скорее, наоборот. Тонна железа превращала его в практически неуязвимое существо. Алиса прыгала, скользила тенью, почти растворяясь в воздухе, – талант, которым обладают только «сокрытые», за что и попадают в подразделение разведки, колола, рубила, но все без толку. Противник даже не чувствовал булавочных уколов, которые могли стать смертельными для любого другого.

Алиса чувствовала, что бой затягивается. Счастье еще, что никто не спешит железному человеку на подмогу, особенно второй такой же чокнутый, застрявший в далеком средневековье. Когда магический разряд разорвался в нескольких сантиметрах от ее лица, «сокрытая» поняла, что с этим пора кончать, если, конечно, она не хочет в ближайшем будущем пополнить ряды воинов Сантьяго в непривлекательном качестве вампира.

Одно дело осознавать, что надо что-то предпринять, и совсем другое – это исполнить. Алиса развила максимальную скорость, извивалась словно змея, что по всем законам мироздания должно было сделать ее почти невидимой. Но он видел ее. Черные угольки глаз злобно сверкали из-под опущенного забрала.

Закованный в латы темный наступал, оставляя все меньше путей к отступлению и заставляя всерьез беспокоиться. Алисе это не нравилось. Проскользнув между ног противника, она оказалась у него за спиной. Но тот успел развернуться на сто восемьдесят градусов с проворностью, которой трудно было ожидать от такой махины.

– Черт! – выругалась Алиса, стараясь высвободить магическую игрушку, способную организовать что-то наподобие взрыва бомбы. Но, как назло, камешек зацепился за перевязь и не хотел ложиться в руку.

И вдруг несколько десятков килограммов железа вместе с закованным в него живым мясом растворились, словно по волшебству. Замахнувшаяся Алиса едва устояла на ногах, от неожиданности несколько раз моргнув. Кто-то применил очень сильный артефакт – такие используют только у порталов и обязательно сдают по окончании службы в общее хранилище «летучих» или «защитников».

– Не стоит благодарности, тетушка, – услышала она знакомый насмешливый голос Вадима. Сам парень уже растворился в темноте, сойдясь в схватке с новым противником.

Алиса обернулась на приближающиеся шаги как раз вовремя. К ней подкрадывалась девица с распущенными волосами, закрывающими половину красивого лица, вся перепачканная в крови, с застывшей безумной улыбкой на пунцовых губах. Типичная слуга Сантьяго, черпающая радость в чужой боли и реках крови, которые мешали уверенно ходить без риска поскользнуться и сломать себе шею.

– Тварь, – прошипела восточная красавица, бросившись на Алису. Удар светлая парировать успела, отчего незнакомка стала еще злее. Она не была особо сильна и уж точно уступала «сокрытой» в скорости и маневренности, но клокотавшая в ней ярость стоила и силы, и умений, и скорости. Она делала ее практически неуязвимой, была подобна щиту.

Они кружились друг вокруг друга, били, парировали удары, уклонялись, прыгали, падали, вставали. Только случай мог определить победительницу. И он не замедлил явить себя в лице мощного сгустка энергии, которыми щедро разбрасывался Сантьяго со своего возвышения. В отличие от Линды он не боялся попасть в своих и разворачивался во всю безумную мощь своего огромного потенциала. Черная молния мелькнула между девушками, заставив темную отпрыгнуть на несколько шагов. От неожиданности она растерялась, всего на секунду, но Алисе, привыкшей держать себя в руках и не обращать внимания на внешние раздражители, этого оказалось достаточно. Она вонзила один из мечей по рукоять, проткнув соперницу насквозь.

В бою Хадижа совершала чудеса акробатики. Прыжок, падение, кувырок, подскок, подсечка, кувырок, что-то наподобие сальто... меч за спину, духовое ружье на изготовку, выстрел... Смотреть, попала или промахнулась, времени нет, меч снова в руке. Розовая потела счет тем, кто poleg сегодня от ее руки. Она не чувствовала боли в многочисленных порезах, почти сплошь покрывавших тело, не видела, где находятся друзья. Знала только, что все члены ее группы живы, так как знак оставался спокойным. Это утешало, но думать о происходящем Хадижа не успевала. Она могла только драться, пока хватает сил, пока бьется сердце. Единственный звук, который она различала в безумстве первой битвы начавшейся войны, был тонкий, мелодичный звон браслетов. Выдернутая из ресторана, в котором вместе с Робертом коротала выходной, она забыла снять украшения.

Влад одновременно боролся с тремя противниками, двое из которых были вампиры и значительно превосходили его по силе. Но всегда спокойный Фиолетовый не терял головы и вел себя так, словно не на войне находится, а проводит учебный поединок с превосходящим противником. Это было сложно, но не на столько, чтобы заставить учащенно биться сердце стопроцентного флегматика. За себя Влад не боялся. Он, вообще, относился к смерти философски. Это всего лишь еще одна дорога в никуда, такая же, как жизнь, манящая неизвестностью и непредсказуемая. Он переживал за Соню. Со свойственной ей безрассудностью она всегда бросалась в самую гущу, словно еще один поверженный враг мог искупить ее прошлое. По мнению Фиолетового, искупать было нечего. Она не успела совершить ничего такого, за что стоило всерьез краснеть. Однако жена так не считала, хоть никогда не призналась бы в своих чувствах даже самой себе. Она боялась той части воспоминаний, которая была стерта из ее памяти в тот день, когда она решила стать отказницей.

Влад ловко ушел из-под прямого удара и с размаху отрубил голову одному из темных. Это оказался воитель. Жаль. Убивать Фиолетовый не любил и всегда старался оставлять врага в живых. Естественно, теперь это должно измениться. Чем меньше выживших, тем меньше армия Сантьяго, а значит, больше шансов, что все дорогие ему люди останутся целы.

Фиолетовый даже не пытался достать огнестрельное оружие. Стрелять с такого расстояния бесполезно и опасно: слишком большая вероятность того, что обезумевшие немертвые в своем последнем танце смерти подожгут его самого или находящегося поблизости Джеффа. Парень был сильно ранен, но судя по тому, что отбивался довольно резво, умирать пока не собирался. Влад с радостью помог бы товарищу, но война есть война, в первую очередь надо позаботиться о собственной безопасности. Иначе и другу не поможешь, и сам погибнешь. С этой мыслью он ухитрился обезглавить одного из вампиров. Теперь, когда остался только один кровопийца, размахивающий огромной острой железкой перед его лицом, жить стало как-то веселее.

Ребекка чувствовала, как рвется нить, связывающая ее с мужем Чарльзом. Из глаз текли слезы, душа рвалась на части, а боль, пронзающая все тело, была практически невыносима. Даже боевой транс не спасал от мучительного, обжигающего чувства утраты, которое поглотило все ее существо, мешая замечать то, что видеть она была обязана. Поле боя ускользало, превращаясь в сплошной туман. Она знала: Чарльз еще жив, но по пульсации, которая усиливалась с каждой секундой, понимала, что спасти его может лишь чудо. Только окончание этой бойни, посредством которой Сантьяго бросил вызов Линде, способно дать умирающему шанс. И она молилась впервые в жизни и Христу, в которого в молодости верил отец, и Аллаху, которого много лет назад о счастье просила мать. Немолодая темная палила в нее из двухзарядного арбалета, вознамерившись достать любой ценой. Бекки уклонялась, не чувствуя под собой ног. Одновременно она пыталась прикончить вампиршу, использовавшую огромную секиру вместо меча и дрючки, которые, словно мухи, жужжали вокруг. Ребекка любила жизнь, она не хотела

умирать, но чернота постепенно настигала ее. Она уже не могла понять, что заставляет ее тело терять контроль: боль Чарльза или ее собственная. Они словно слились в одно целое, сильнее, чем когда-либо прежде в более спокойные времена.

Арбалетный болт насквозь прошел через руку, перебив плечевую кость. Ребекка не дрогнула, у нее не было на это сил. Дротик вошел в грудь по рукоятку. Вместо воздуха легкие заполнила кровь. Еще один болт довершил начатое, пронзив бедро. Бекки пошатнулась, чувствуя, как мир сворачивается в одну точку, почему-то красную. Вытоптанная клумба с маргаритками показалась мягче постели. Боль отступала.

Это было странно... Словно ты принимаешь теплую ванну. Только вода в ней имеет и цвет, и запах крови. Лейла думала о себе в третьем лице, как будто она уже не существовала. Точно видела себя со стороны. Вот она лежит на грязной, пропитанной влагой земле. Ее руки неестественно изогнуты, одна нога подвернулась, в груди зияет дыра, из которой капля за каплей вытекает жизнь.

Фортуна предала свою дочь. Воительница видела туманную зыбкую рябь. Она не сомневалась: это грань. Такой ее описывали те, кому не посчастливилось побывать здесь. Но Лейла пока не покинула землю. Она еще поборется. И в этот раз ее противницей должна стать самая ненавистная женщина из всех – смерть! Если бы жена Макара могла смеяться, она хохотала бы от души. Нет, ее так просто не взять! Вот увидишь, старуха с косой, только не ее, Лейлу ибн Халликан, уведешь ты сегодня за собой! Темная слабо улыбнулась. Легкий ветерок колыхал распушенные волосы, ноги продолжающих бой друзей и врагов втапывали шикарные локоны в залитую кровью грязь.

Макар скривился от пронзающей, как стрела, боли. Лейла!.. Нет, только не она! Его подруга, соратница, жена. Женщина, которая, несмотря на все недостатки, провела с ним не одно столетие, которая изводила его своей ревностью, бесконечными издевками и полным отсутствием понимания. Женщина, которая была божественно красива, но патологически верна. Женщина, родившая ему пятерых детей, трое из которых еще даже не достигли возраста, в котором можно стать воителем. Темно-синяя нить ускользала, вырываясь из общего плетения группы. Потом резко, рывком вставала на место. Она боролась. Боролась за жизнь, которую любила больше него, больше их сыновей и дочерей.

Он чувствовал все, что чувствует она, как и любой глава ощущая каждое ранение любого из своих подчиненных. Он знал, что происходит со всеми семьёю, но помочь не мог никому. Его дело – сражаться, убивать. Творить суд от имени своего господина, парящего над полем боя и уничтожающего тех, кому самой судьбой предрешиено остаться навеки в темном, холодном замке, давным-давно ставшем для Макара единственным домом.

Кузнецов активировал артефакт, насылающий темноту на всех, на ком не было метки Испанского Дьявола в радиусе ста метров. Светлые, пораженные мгновенной слепотой, глупо переминались с ноги на ногу, нелепо размахивая бесполезными мечами, способными ранить таких же слепых товарищей, но не зрячих врагов. (Подобные камушки Сантьяго научился делать совсем недавно, взамен старых, которые слепили как чужих, так и своих.) Это было низко и претило воинской чести Макара. Но они были на войне, а здесь, как известно, хороши все способы. Противник оказался сильнее, чем они полагали, а артефакты, которыми щедро снабдила Линда своих воинов, собирали кровавую жатву, поочередно отправляя за грань врагов Солнечного Света.

Макар влетел в кучу малу, в которую превратились незрячие светлые, и, не задумываясь, кромсал на куски ничего не понимающих неприятелей. Это был его способ отомстить за Лейлу, за ее боль. Сейчас не время помнить о том, что мстит он собственной сестре, обескровливая ее армию.

Сквозь гул, от которого закладывало уши, Антон услышал, как кричит Хадижа. Он едва удержался, чтобы не обернуться и не посмотреть, что заставило Розовую издавать такие звуки. Впрочем, поводов было предостаточно. Такого количества трупов ему не приходилось видеть за всю историю. Успокаивало то, что, судя по всему, трупов врагов все же было больше. Отвлекаться на других было нельзя. Зеленый и так поражался редкостному везению, благодаря которому все еще не получил ни одной, даже маленькой царапины, в то время как все, кто попадался на глаза, как светлые, так и темные, с ног до головы были покрыты кровью и синяками. Сегодня Антон чувствовал небывалый прилив сил. Он мстил за брата, он защищал свою любовь, он сражался за то, чтобы у его друзей появился шанс выжить.

Впервые Зеленый использовал так много артефактов, активация которых высвобождала огненные вихри, вызывала глухоту, насылала боль на противника, разрывала стоящего неудачно врага на части. Он больше не хотел играть честно. Только не с Сантьяго и его прихвостнями! Он еще помнил, что ему пришлось пережить, находясь в плену. Иногда он узнавал знакомые лица. И тогда мчался навстречу бывшему мучителю, горя лишь одним желанием – уничтожить тварь, недостойную того, чтобы ходить по этой Земле. Наконец-то он понял, что чувствовал Максим, держа в руках меч. Боевой азарт, сладость победы, адреналин, сжигающий вены изнутри. Он больше не был прежним Антоном, жалеющим врага и мечтающим о покое. Он наслаждался чужой болью, потому что только она могла утишить его собственную боль и тоску по ушедшему навсегда близнецу. Только она могла заглушить воспоминания долгих восьми лет плена, до сих пор являвшихся ему по ночам, последствия которых останутся с ним навсегда.

Алина догоняла вампира, петлявшего, как заяц, и заманивавшего ее в ловушку. Он мчался туда, где перевес сил был за темными, и даже магические атаки Линды, выливавшей потоки смерти, не могли серьезно проредить шеренги врага. Серебряная понимала это, но все равно неслась следом за кровопийцей. Он был одним из тех двух, что она обезглавила в темнице Антона несколько месяцев назад. Кажется, его звали Хуан, и Алина не могла отказать себе в удовольствии сжечь эту пакость, коли появилась такая возможность.

Она бежала и бежала по обычно солнечному теплому двору замка, где ей был знаком каждый кустик, каждый вытоптанный тяжелыми ботинками цветок. Ноги то и дело проскальзывали, попадая в лужи крови. Ей приходилось перескакивать через тела своих и чужих, некоторых она узнавала, и сердце сжималось от боли. Хотелось остановиться и посмотреть, живы ли знакомые, добить едва шевелящихся врагов, но Серебряная себе этого не позволяла. Ее ждут там, в гуще боя, где противник одерживал уверенную победу, а светлых, способных твердо держать оружие в руках, становилось все меньше.

Она заметила бегущего в том же направлении Антона, а чуть правее, отстреливаясь, неся Роберт.

Алина ворвалась между тремя темными воителями, успев выстрелить в убегающего вампира из подобранной с земли винтовки: свое огнестрельное оружие она давно потеряла. Заряд вошел в немертвую плоть, прожигая огромную дыру. Потребовалось менее секунды, чтобы огонь начал разгораться изнутри, и взбесившийся вампир закружился в опасной близости от собственных товарищей. Ободренная удачей, Серебряная выстрелила еще раз, целясь в особо ретивого вампира, в паре шагов от нее загоняющего в угол невысокую девушку из «сокрытых». Немертвый замер на миг, получив снаряд в живот. Он злобно оскалился, глянув на стрелка. Кровь хлынула из сквозной раны, но пламени не возникло. Кровопийце повезло: искры не хватило, чтобы отправить его за грань. Сплюнув, Алина понеслась дальше, предоставив «сокрытой» самостоятельно разбираться со своим противником.

Используя все возрастающий потенциал, до которого в этот раз смогла дотянуться в самом начале битвы, Алина рубанула по ближайшему воину, лишив его сначала руки, а потом

и головы. Она завертелась волчком, активируя на полную мощность свои сверхспособности, даруемые серебряной нитью.

Краем глаза Алина пыталась разглядеть, сколько светлых сражается поблизости, но смогла увидеть только Соню.словно ангел разрушения, своим карающим мечом она разила врагов направо и налево. Естественно, Красная была там, где опаснее всего, ничего другого от нее и не ожидалось.

Чей-то нож, острый как бритва, вошел под ребра. Боль полоснула огнем, но Серебряная нашла в себе силы отклониться назад, и лезвие не успело войти до конца. Рана была серьезная, но не смертельная. Она это переживет, сейчас не время, чтобы расслабляться. Чувствуя, как кровь пропитывает одежду, стекает вниз и падает на некогда зеленую лужайку, она ринулась в атаку, все еще чувствуя силы для борьбы.

Темный воитель теснил ее назад, но Серебряная держалась за кусочек земли, что был у нее под ногами. Спина встретила неожиданную преграду. Это был кто-то живой, кто-то, кто так же, как и она, сражался за свою жизнь, за право их всех на существование. Надо было срочно определить, светлый он или темный. Иметь врага в такой близости смертельно опасно. Оторвавшись на долю секунды от противника, Алина слегка повернула голову и с облегчением узнала Али, главу группы «львов», с которым была весьма дружна. Как и она, турок был ранен, из разорванного бока сочилась кровь, левая рука висела плетью. Парень тоже ее узнал, и, крепче прижавшись друг к другу, они продолжили бой, прикрывая спину товарищу по оружию.

Стас бился под самой стеной. Он давно потерял из виду своих подопечных и теперь об их состоянии мог судить исключительно по движениям нитей в знаке. Этот дар, позволяющий главе всегда знать, что творится с его людьми, был и благословением, и проклятием. Каждый раз, идя в атаку или отступая, Черный знал, что чувствуют все семеро его друзей. Он ощущал их боль, их ярость, их слабость, их силу, как свои собственные. Это сильно мешало, но Стас был слишком опытным бойцом, чтобы поддаться панике, когда натянулась красная нить, сообщая о том, что ранена Соня. Не серьезно, ее жизни ничего не грозит – тут же понял Черный и продолжил начатый бой. Оранжевая нить налилась и набухла. Роберт находился в сильном трансе, неэкономно расходуя энергию. Оставалось надеяться на то, что Уилкс знает, что делает. Голубая нить истончилась и обвисла. Лиза слишком много пользовалась магией и теперь расплачивается слабостью. Стас пытался убедить себя, что она как-нибудь справится с ситуацией, сможет уйти из зоны максимального поражения и присоединиться к тем, кто прикрывает тылы. Розовая нить натянулась как тетива – Хадижа балансировала на грани собственных сил, совершая то, на что едва ли была способна в обычных условиях. Зеленая нить болезненно зудела. Антон терял контроль над собственными эмоциями, чего раньше никогда за ним не водилось. Он действовал слишком импульсивно, впадая в несвойственный Зеленому боевой транс, распалывающий ярость и заставлявший адреналин выплескиваться в кровь в неумеренных количествах, – и знак это отражал, заставляя Стаса волноваться. Обычно так вела себя бордовая нить, навек покинувшая их знак. Сегодня впервые Антон ощущался неотличимо от Максима. Зеленый получил преимущество, даруемое сильнейшим трансом, но терял свойственную его спокойной натуре уверенную стабильную силу. Но больше всех главу беспокоила Серебряная нить. Алина коснулась потенциала мгновенно, едва выйдя из портала, и до сих пор находилась под его воздействием. Раньше ей никогда не приходилось так полно использовать скрытые резервы своего организма, и было неизвестно, к каким последствиям это может привести. К тому же она серьезно ранена, о чем недвусмысленно говорила пульсация ее нити. Стасу хотелось прошептать: «Держись, девочка, все будет хорошо», но, затерянная где-то в обезумевшем людском море, Серебряная не услышала бы его. Ментальный эфир группы был нарушен из-за мешанины других каналов, накладывавшихся один на другой. В случае острой необходимости Стас смог бы вывести их канал в зону доступа, но пока острой необходимости в этом не

возникало, зато могло сильно отвлечь. И только Фиолетовая нить, принадлежащая его самому старому и близкому другу, как обычно, оставалась нейтральна. Влад прекрасно владел эмоциями, экономно расходовал силы, смог избежать серьезных ранений, и даже вид льющейся рекой крови, гор трупов и естественное волнение за друзей и родных не могли заставить его флегматичную натуру выйти из устойчивого равновесия.

Олег падал, поднимался, бил, уклонялся. Сложнее всего не попасть под смертельно опасные пули или артефакты, несущие в себе огонь. Но пока он отлично справлялся с задачей. У него словно открылось шестое чувство, помогающее вовремя определить, куда полетит пламя, и вампир с легкостью уходил с траектории движения смерти как раз в тот миг, когда она была максимально близка. Он убивал без счета, полностью подчиняясь своим инстинктам, заставлявшим уничтожать все живое. Он видел, как огонь развеял трех вампиров из его группы, как отравленная стрела пронзила сердце Сальмы, но ему было все равно. Они не были ему друзьями. У немертвого не бывает друзей.

Сейчас он сражался плечом к плечу с Макаром Кузнецовым. Если бы было время, он непременно залюбовался тем, как двигается этот человек. Каждое его движение дышало силой и грацией, его удары всегда находили цель, а тело, совершая невероятные маневры, ускользало от любой опасности. Только они вдвоем решились прорываться к группе захватчиков, лавировавших между черными, как ночь, заклятиями, посылаемыми Сантьяго. Только им двоим удалось добраться до жалкой горстки светлых, пытающихся спастись от карающего перста судьбы за эфемерными магическими щитами, выставленными с помощью артефактов.

Враги ощерились лесом мечей, что вряд ли могло им сильно помочь, ведь поднять голову они не могли, боясь тут же разлететься на атомы, попав под связку энергетических потоков. По правде говоря, опасность для Олега и Макара была не меньшей. Хозяин не жалел своих рабов, у него хватало и людей, и нелюдей для сотен подобных битв, на худой конец он всегда мог создать новых. Для этого достаточно было выйти на улицы города. Но, охваченные пылом сражения, темные презрели очевидное. Со злобой голодных тигров они кидались на более осторожных мужчин и женщин.

Линда давно покинула относительно безопасное возвышение, ворвавшись в гущу сражающихся воинов. В конце концов, ей ничего не грозило. Убить ее могла только магия, причем настолько мощная, что заключить ее в артефакт было невозможно. Зато ее люди, те, кого она выбирала, учила, направляла не одно столетие, могли погибнуть... и погибали. Она ощущала каждую потерю, и сердце ее жаждало мести. Она подлетала к темным, опрокидывая на их головы потоки силы, испепеляя буквально взглядом, разрывая на куски голыми руками. Врагов трепал ветер, поливали струи ледяной воды, или, наоборот, окатывали клубы обжигающего пара, накрывала слепящая темнота, скручивали приступы невыносимой боли. Земля под ногами темных в один миг превращалась в каток, трава становилась ядовитой и прожигала дыры в защитной одежде, касалась кожи, оставляя кровоточащие язвы.

Линда не жалела энергии. Восстановиться она всегда успеет. Сейчас главное – отбить атаку, выгнать захватчиков с ее территории и спасти как можно больше своих людей, уничтожив максимальное количество чужих. Это только начало войны. Не более чем проба сил, и выдержать ее она должна. Иначе никак.

Успокаивало одно: они успели эвакуировать всех детей воителей, находящихся в замке. Через чрезвычайно энергоемкий портал ребяташки отправились в замок Ромильды – единственная помощь, которую Мать Цветов согласилась оказать своей бывшей ученице.

Сейчас Линда летела к дальнему концу замкового парка. В то место, где темные выигрывали, прорывая шаг за шагом малочисленный живой заслон из ее бойцов. Там сражалась

почти вся группа Стаса. И хотя сам Черный остался у стены (благодаря их связи Линда отлично чувствовала его присутствие), она обязана была спасти его друзей, спасти его от боли.

Несколько пасов, закругляющих особо сложные заклинания, вспышка белого света, невероятно яркого, – и несколько темных упали к ногам Сони бездыханной грудой мяса. Красная победно улыбнулась, вытирая окровавленной рукой пот со лба. Но в ее глазах застыло легкое разочарование, что не она прикончила своих врагов.

Еще одно заклинание – и трое вампиров, охваченные огнем, несутся на собственных замешкавшихся товарищей. Интересно, почему мертвые, умирая, уносят с собой жизни своих намного чаще, чем чужих? Этот вопрос Линда задавала себе много лет. Возможно, это месть бывших светлых своим исконным врагам, поработившим их души, на столетия привязав к грани.

Неожиданно слишком резко темные замерли. Затем развернулись и, оставив противников, бросились к стенам, начав хаотичное отступление.

– Не догонять, дать уйти! – голос, словно обработанный мастерами спецэффектов раздался в голове с невообразимой четкостью, что на фоне общего шума в ментальном эфире заставило вздрогнуть даже самых опытных воинов. Алина впервые слышала голос генерала, голос, который звучал в голове каждого воина независимо от расстояния, на котором они находились от говорившего. Голос, по которому невозможно определить его обладателя, будь он хоть самым близким человеком на земле, – так сильно его изменила специальная магия. Даже пол генерала оставался надежно скрыт от любопытных.

Серебряная замерла, глядя на то, как толпы темных беспрепятственно покидают территорию замка, бросая мертвых и умирающих товарищей на милость врага. Чужая воля удерживала ее на месте, как и тысячи других воителей, оставшихся там, где их застал приказ. Все, что они могли, – это буравить отступающих темных злобными взглядами, словно от этого у тех могла начаться хотя бы икота.

– Отступайте! Быстро! Старайтесь эвакуировать всех раненых и как можно больше убитых! – раздалось в голове Алисы. Это было настолько неожиданно – услышать легендарного генерала, что девушка невольно вздрогнула, опуская меч и резко разворачиваясь в противоположном направлении. Только сейчас она заметила, что фигура темного колдуна исчезла, а магические атаки полностью прекратились.

Вокруг царила еще большая неразбериха, чем пару минут назад. Светлые, помогая подниматься раненым товарищам или взваливая на плечи трупы погибших, неслись к стене. И никто им не препятствовал. Темные, как каменные истуканы, следили за отступлением, но не двигались с места, чтобы догнать недавних врагов.

Алиса, чудом не получившая ни одной серьезной раны, только теперь ощутила боль от потери сразу двух членов группы. Их навсегда покинули Кимберли, носительница зеленой нити, ее лучшая подруга, и Карл, розовый, милый и веселый, душа любой компании. Сердце рвалось на части, по перепачканным кровью и грязью щекам текли слезы, но Алиса упорно шла вперед, понимая, что почти все команды понесли сегодня невосполнимые потери. Почти каждый измученный тяжелым боем воитель сходит с ума от выворачивающей наизнанку боли. Это была война. Их к этому готовили, их обучали терпеть, когда становилось невыносимо. И Алиса шла и шла, спотыкаясь о тела, стараясь разглядеть трупы знакомых.

Кимберли лежала, упав лицом в землю. Тонкие, бледные руки все еще сжимали бесполезное оружие. Из спины торчала стрела с отравленным наконечником. Алиса подбежала к той, что еще недавно была самой близкой подругой, делившей с ней радость и грусть, праздник и мужское предательство. Глотая слезы, дочь Сони подняла обмякшее тело, не ожидая, что у нее хватит на это сил, и, не чуя под собой ног, побежала дальше.

– Тетя, помоги, – услышала она голос несносного внучатого племянника и обернулась, стараясь дышать ровно и не закричать от того, что может увидеть. Вадим оказался вполне цел, если не считать глубокого пореза, идущего через правую щеку и спускающегося до конца шеи. Парень взвалил на себя сразу двух тяжело раненных товарищей, судя по знаку принадлежащих к его группе. Оба мужчины были значительно крепче и явно тяжелее Вадима. Под их весом он еле-еле переставлял ноги, грозя не успеть добраться до стены к окончанию неожиданного перемирия.

Алиса не раздумывала. Кимберли уже не могла повредить самая небрежная транспортировка, а вот парни из группы Вадика еще живы и имели все шансы таковыми и остаться. Подставив плечо под огромную руку незнакомого воителя с ужасной рваной раной в области живота, она перехватила бывшую подругу так, что она практически полностью оказалась на земле. И вместе с Вадимом они устремились к спасению, благодаря небеса за то, что остались живы.

Когда голос генерала, приказывающий выпустить светлых из замка, раздался в голове Олега, он едва смог подавить внутреннее негодование. Отпускать врагов целыми и невредимыми противно каждому воину, а уж вампиру тем более. Однако послушаться не могли даже живые, что уж говорить о мертвых, полностью подвластных воле Хозяина. Когда последний светлый перебрался через стену, оставалось только дивиться их ловкости, выносливости и своей любви к ближнему. Избитые, израненные, усталые, они умудрились не оставить на вражеской территории ни одного раненого. И, насколько мог видеть Олег, даже трупы своих не забыли, разумно опасаясь, что вскоре те восстанут после недолгого отсутствия немymi рабами Сантьяго, лишенными прошлого и обреченными беспрекословно подчиняться новому господину. Именно так произошло с ним. Теперь, когда бой остался позади и транс, мешавший думать, чувствовать и переживать, покинул Олега, на него накатила неизбежная тоска, способная уничтожить живого, но вампиру не причинившая никакого физического увечья. Он мог быть с ними, с героями, предпочитавшими погибнуть, но не бросить даже трупа товарища на растерзание врагу. Он мог сам защищать девушку с серыми глазами, которая, как он узнал сегодня утром, скорее всего, служила Линде. Он мог... Когда-то... Не сейчас...

– Олег, можешь быть свободен, – услышал он голос Макара, замершего рядом с ним. – До завтра ничего особенного происходить не будет.

Олег кивнул и отошел. Ему надо было на охоту, если завтра он не хотел мучиться от голода и кидаться на всех, в ком есть хоть капля живой крови. Основная проблема состояла в том, что живая кровь здесь преимущественно у воителей, а она, как известно, для вампира – яд. Есть, конечно, люди-рабы, запертые в подземельях. Но они находились в такой степени истощения, что проще было наестся простой водой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.